

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 15.08.2016 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 2242.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ

**Зырянов Сергей Григорьевич,
Лукин Анатолий Николаевич**
Гражданское общество как система:
проблема обретения эмерджентного
свойства..... 7

Мальцев Ярослав Владимирович
Перманентная современность:
социальный аспект.....14

Хилобок Юлия Валериевна
Гендерная идентичность
в пространстве социальной
рефлексии 23

Вереш Петер
Процентное соотношение
и негауссовое распределение-Zipf
креативности и IQ в популяции..... 29

ВЛАСТЬ

Фельдман Михаил Аркадьевич
Повышение эффективности
взаимодействия органов
исполнительной власти и институтов
гражданского общества в регионе:
институциональные аспекты 37

**Гуляихин Вячеслав Николаевич,
Фантров Павел Петрович**
Теория и практика правовой
социализации в контексте актуальных
политических ценностей 43

Белоусова Екатерина Станиславовна
Патернализм как специфический
тип лидерства в политической
системе КНР 50

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И.В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Руденкина Алена Игоревна,
Керимов Александр Алиевич**

Социально-политическая теория
протеста в зарубежной науке 56

Бурков Александр Андреевич

Отражение национальных отношений
в программах зарегистрированных
политических партий современной
России..... 62

**Адиев Асланбек Залимханович,
Курбанов Роберт Шабанович**

Распределение властных позиций
в Дагестане: исследование
политического представительства
этнических групп в региональной
власти 68

Сергеева Александра Нахмановна

Трансформация коммуникативных
стратегий взаимодействия
российского политического класса
и РПЦ..... 75

Исаков Александр Сергеевич

«Арабская весна» как источник
концептуального плюрализма
в политических исследованиях
исламского Востока..... 78

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Брылев Мажанна

Источники доходов основных
самоуправляемых административно-
территориальных единиц в Польше..... 84

**Колмакова Ирина Дмитриевна,
Колмакова Екатерина Микаеловна,
Микрюкова Анастасия Сергеевна**

Регулирование социально-трудовых
отношений региона в условиях
циклической динамики развития 90

Усов Владимир Николаевич

Рефлексивный механизм принятия
решений как философский концепт
метатеории управления 96

Киселев Сергей Васильевич

Интуитивные и рациональные
механизмы принятия управленческих
решений в администрировании,
научной деятельности, шахматной
игре (в дискурсе экспертных оценок) . 101

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ**

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

09.00.11 – Социальная философия.

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

**Блинов Андрей Олегович,
Бухтиярова Татьяна Ивановна**

Государственная стратегия управления развитием малого и среднего предпринимательства 108

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ершов Юрий Геннадьевич

Р. Коллинз о крахе Советской империи: поучительные выводы 114

КУЛЬТУРА

Павлов Александр Валентинович

Специфика предметности в гуманитарном познании 120

Лукин Анатолий Николаевич

Между горним и дольным мирами: где же подлинное место бытия человека?.....126

Дёмин Илья Вячеславович

Взаимосвязь техники и идеологии в концепциях Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса 132

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylynykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 15.08.2016.

Format 70x108¹/₁₆
 Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
 Order № 2242.

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

**Zyryanov Sergey Grigoryevich,
 Lukin Anatoliy Nikolaevich**

Civil society as a system:
 problem of acquisition
 of emergent quality 7

Maltsev Yaroslav Vladimirovich

Permanent modernity:
 social aspect 14

Khilobok Yuliya Valerievna

Gender identity in the space
 of social reflection..... 23

Veresh Peter

Percentage ratio and non-Gaussian
 distribution Zipf of creativity
 and IQ in a population 29

POWER

Feldman Mikhail Arkadyevich

Improvement of the effectiveness
 of interrelations between executive
 branch authorities and institutions
 of civil society in a region:
 institutional aspects 37

**Gulyaikhin Vyacheslav Nikolaevich,
 Fantrov Pavel Petrovich**

Theory and practice
 of legal socialization in the context
 of current political values 43

Belousova Ekaterina Stanislavovna

Paternalism as a specific type
 of leadership in the political
 system of PRC 50

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazahstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazahstan)
I.V. Lavrentyeva – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**Rudenkina Alena Igorevna,
Kerimov Aleksander Alievich**

Social political theory of protest
in foreign science 56

Burkov Aleksander Andreevich

Reflection of national relationships
in the programs of registered political
parties of modern Russia 62

**Adiev Aslanbek Zalimhanovich,
Kurbanov Robert Shabanovich**

Distribution of power positions
in Dagestan: studying
the political representation
of ethnic groups in regional authorities.. 68

Sergeeva Aleksandra Nakhmanovna

Transformation of communicative
strategies of interrelation between
Russian political class and the
Russian Orthodox Church 75

Isakov Aleksander Sergeevich

“Arab spring” as a source
of conceptual pluralism in political
studies of Islamic East 78

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Brylew Mazhanna

Sources of revenues of the main
self-managed administrative-territorial
units in Poland..... 84

**Kolmakova Irina Dmitrievna,
Kolmakova Ekaterina Mikaelovna,
Mikryukova Anastasiya Sergeevna**

Regulating social labor relations
of a region in the context of cyclic
dynamics of development 90

Usov Vladimir Nikolaevich

Reflexive mechanism of making
decisions as a philosophic
concept of metatheory of management. 96

Kiselev Sergey Vasilyevich

Intuitive and rational mechanisms
of making managerial decisions
in administration, scientific
activity, chess playing (in the discourse
of expert evaluating)..... 101

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

**Blinov Andrey Olegovich,
Bukhtiyarova Tatyana Ivanovna**

National strategies of managing the development of small and medium business 108

STATE AND LAW

Ershov Yury Gennadyevich

R. Collins about the collapse of the Soviet Empire: educatory conclusions 114

CULTURE

Pavlov Aleksander Valentinovich

Specificity of the subject-matter in humanitarian cognition 120

Lukin Anatoly Nikolaevich

Between high (spiritual) and low (material) worlds: where is the real place for human existence? 126

Demin Ilya Vyacheslavovich

Interrelations between technology and ideology in conceptions of F.G. Junger and J. Habermas 132

УДК 316.3

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА: ПРОБЛЕМА ОБРЕТЕНИЯ ЭМЕРДЖЕНТНОГО СВОЙСТВА

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
директор филиала,
доктор политических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@rane74.ru

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного
управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура гражданского общества, его основные элементы и те связи между ними, которые способствуют появлению эмерджентного свойства. Такие связи обеспечивают правовые отношения и высокую гражданскую культуру населения.

Ключевые понятия:
гражданское общество,
правовое государство,
гражданская культура.

В России в последнее время много внимания уделяется феномену гражданского общества как в теоретическом, так и в практическом плане. Обсуждение различных аспектов российского гражданского общества постоянно происходит на разных уровнях в политических, общественных и научных кругах. За последние годы произошли масштабные изменения в общественно-политической жизни России. Появились новые институты, которые по формальным признакам могут быть отнесены к элементам гражданского общества. Серьезный вес приобрели общественные палаты, общественные советы при органах государственной власти, набирают популярность всевозможные союзы, движения, клубы и т.п. Активно функционирует множество некоммерческих организаций. Принимаются важные решения на уровне политического руководства страны, призванные способствовать развитию гражданского общества.

Тем не менее, по мнению многих высокоавторитетных экспертов, в России по-прежнему, как и 25 лет назад, гражданское общество находится только на стадии становления. Об этом свидетельствуют многие показатели. Так, пока отсутствует должный общественный контроль за деятельностью власти, относительно невысока гражданская активность населения, оставляет желать лучшего уровень защищенности россиян от произвола чиновников, не созданы условия для свободной реализации любым гражданином своих сущностных сил во благо общества, большинство средств массовой информации не являются площадкой для свободного, не управляемого властью диалога правящей элиты и широкой гражданской общественности. Сама идея гражданского общества для значительной части россиян не стала ценностно состоятельной и притягательной. Об этом, в частности, свидетельствуют данные социологического опроса населения, проведенного российским социологом И.А. Савченко. Согласно этому опросу, 8% россиян не понимают, что такое гражданское общество, а 19% и вовсе дают своё негативное определение гражданскому обществу с отрицательной коннотацией («либеральный миф», «утопия для идеалистов», «фикция», «обман народа», «результат западной пропаганды» и т.п.) [5, с. 123–124].

Почему же очевидные количественные и качественные содержательные изменения в социально-политическом строе России не привели к решающему качественному скачку – к появлению развитого гражданского общества? Может быть, не в полной

мере учитываются национальные условия при тиражировании зарубежного опыта формирования гражданской активности? Или, напротив, этот опыт неправильно осмыслен? Не хватает каких-то важных элементов, при появлении которых мера необходимых постепенных количественных изменений наконец-то будет преодолена? Но тогда каких именно?

Нам представляется, что большим эвристическим потенциалом в осмыслении этой проблемы обладает системный подход. Если рассматривать возникновение развитого гражданского общества как появление некоего эмерджентного свойства, то следует признать необходимость не только наличия критической массы компонентов гражданского общества, но и формирование устойчивых и воспроизводящихся существенных связей между ними, в том числе между элементами гражданского общества и властью, между элементами гражданского общества и отдельными гражданами. Объединение частей в целое порождает у системы качественно новые свойства, не сводящиеся к свойствам частей, не выводящиеся из свойств отдельных элементов, присущие только самой системе и существующие только пока система составляет одно целое. Развитое гражданское общество, при таком подходе, есть нечто большее, нежели простая совокупность частей. Качества системы, присущие только ей, и называются эмерджентными (от англ. «возникать»).

Как отмечает известный российский специалист в области системного анализа Ф.П. Тарасенко, эмерджентность предполагает следующее:

1. У системы есть свойства, которые не могут быть объяснены, выражены через свойства отдельно взятых её частей.

2. Источником, носителем эмерджентных свойств является структура системы: при разных структурах у систем, образуемых из одних и тех же элементов, возникают разные свойства.

3. У системы есть и неэмерджентные свойства, одинаковые со свойствами ее частей.

4. Эмерджентность демонстрирует еще одну грань целостности. Система выступает как единое целое потому, что она является носителем эмерджентного свойства: не будет она целой, и свойство исчезнет, проявляется это свойство, значит, система цела.

5. Эмерджентность является другой, более развитой формой выражения закона диалектики о переходе количества в качество. Оказывается, для перехода в новое качество не обязательно «накопление» количества

(«последняя капля переполнила чашу»). Для появления нового качества достаточно объединить в целое хотя бы два элемента [7].

То, что свойства систем как целостных образований неаддитивны, обеспечивается, прежде всего, особыми связями между элементами. Об этом указывают многие учёные, изучающие свойства систем. «...Целостность характеризуется новыми качествами и свойствами, не присущими отдельным частям (элементам), но возникающим в результате их взаимодействия в определенной системе связей» (Блауберг, Юдин). «Эмерджентные свойства возникают в результате взаимодействия компонентов...» (Одум). «...Целостность есть результат динамического взаимодействия составных элементов, система представляет собой не что иное, как просто сумма ее отдельных компонентов» (Саати, Кернс). «Какие бы удивительные свойства ни возникли при объединении элементов в систему, ничего мистического, взявшегося ниоткуда, здесь нет: новые свойства возникают благодаря конкретным связям между конкретными элементами... Новые качества систем определяются в сильной степени характером связей между частями» (Саламатов). Обобщая высказывания цитированных авторов, можно сказать, что свойства системных элементов, объединенных в систему, существенно усилены («сняты»!) благодаря взаимодействию между ними (эффективность системы выше эффективности элементов). Любое «новое» системное свойство уже представлено у каких-либо элементов данной системы, но в неразвитом, зачаточном виде. Эмерджентное (качественное) своеобразие объекта проявляется в том случае, если остальные элементы системы работают на усиление этих свойств» [2].

Таким образом, для перехода к развитому гражданскому обществу в России стоит перенести акцент с создания новых компонентов (институтов, организаций) на формирование качественно новых связей между элементами гражданского общества. Что, конечно, вовсе не означает какой-либо запрет на формирование новых компонентов гражданского общества. Но всё же, как нам представляется, именно связи и отношения могут стать определяющими для качественного перехода к более высокой стадии развития гражданского общества в России.

Прежде чем перейти к анализу связей, стоит остановиться на проблеме определения гражданского общества.

При всём многообразии определений гражданского общества большинство из

них можно отнести к одному из двух направлений. В первом из них гражданское общество рассматривается как высокая (или цивилизованная) стадия развития общества. Очевидно, что гражданское общество возникает только на определённой стадии развития общества. Это, по А. Фергюссону, цивилизованный тип общественно-политического устройства, противоположный деспотизму. Гражданское общество – это качественно новое состояние социума, предполагающее высокий уровень самоорганизации и саморегуляции населения при высоком уровне внешней свободы и внутренней ответственности граждан. Это общество, в котором найден и, как правило, успешно поддерживается баланс государственных и частных интересов. В нём юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности. Гражданское общество – порождение капиталистической эпохи, и формируется оно преимущественно снизу, стихийно как результат раскрепощения индивидов, превращения их из подданных государства в свободных граждан-собственников, обладающих чувством собственного достоинства и готовых взять на себя ответственность за собственное будущее и за будущее всего общества.

Показательно, что к подобным выводам можно прийти и при использовании модного синергетического подхода. Идеи синергетики оказались универсальным методологическим основанием для исследования любых живых и неживых сложноорганизованных, открытых, неравновесных, иерархических систем, будь это галактика, живой организм или общество. Изучение феномена гражданского общества, в этом свете, предполагает рассматривать его (наряду с властью, политическим господством, влиянием и пр.) как одного из универсальных средств обеспечения неравновесности и иерархичности социальной системы. Если все элементы социума или любой его важной подсистемы начнут выполнять одни и те же функции, то это приведет к нарастанию энтропии и неминуемой катастрофе. Поэтому разделение социальной системы на властвующие и подвластвующие элементы, дифференциация как первых, так и последних и наделение их новыми функциями – это неперемное условие ее существования.

Самоорганизация может начаться лишь в системах, обладающих достаточным количеством взаимодействующих между собой элементов и, следовательно, имеющих

некоторые критические размеры. Следовательно, на ранних стадиях развития государственности не было необходимости в институтах гражданского общества. Но, по мере нарастания сложности, все это возникает и становится атрибутом социума.

Сложноорганизованные системы, согласно методологии синергетического подхода, обладают иерархией элементов. Это необходимо для сохранения системы. Однако по мере нарастания сложности характер иерархии изменяется. Прежде всего, усиливается обратная связь между управляющей и управляемыми подсистемами. В социальной системе при переходе к высококоразвитой экономике, резком усложнении стратификации и углублении демократических процедур и практик возникает необходимость качественного изменения коммуникации власти и граждан. Из пассивных исполнителей воли правящего класса они превращаются в её обязательных и неустрашимых партнёров, в экспертов и даже критиков действий власти благодаря возникновению новых структур, опосредующих взаимодействие государства и индивидов.

Представители второго подхода рассматривают гражданское общество как сферу исключительно негосударственных и неполитических отношений, институтов и структур. В этом случае возникает сложность отделения политических и неполитических отношений и организаций. Нам представляется, что российские непарламентские политические партии, не входящие в органы государственной власти, являющиеся элементами гражданского общества, в том случае, когда они, не имея реальной парламентской перспективы, в большей степени заняты критикой ошибок власти, отстаиванием прав населения, экспертной деятельностью и т.п. В то же время относимые рядом исследователей к гражданскому обществу религиозные организации и институты в таких странах, как Иран, не являются элементами гражданского общества, потому что обладают реальной государственной властью. Ключевым критерием отнесения организации к элементам гражданского общества должно быть её включение или невхождение в государственные структуры. Полная подконтрольность деятельности той или иной структуры также выводит её за пределы гражданского общества. Например, государственные масс-медиа.

Развитое гражданское общество априори предполагает многогранный и многоуровневый диалог между властью и институтами гражданского общества. Функции

общественного контроля и общественной экспертизы государственных решений атрибутивно присущи развитому гражданскому обществу, как и протестная реакция на попытки власти ограничить демократические права и свободы населения. Мирные массовые и публичные гражданские акции во всех демократических странах давно уже стали инструментом влияния гражданского общества на правящую элиту в тот момент, когда та игнорирует частные интересы граждан. Таким образом, это предполагает участие гражданского общества в политической жизни социума. Следовательно, гражданское общество, по своей сути, не является аполитичным. Но, его функция влияния на властные структуры и их решения, оно не стремится к обладанию государственной властью. Если какой-либо институт гражданского общества на определённом этапе своей эволюции ставит своей целью приобретение, удержание и использование политической власти в обществе и приступает к осуществлению такой цели, то с этого времени он перестаёт быть компонентом гражданского общества. Такова судьба экологических зелёных общественных движений в странах Центральной Европы, ставших политическими партиями.

Обилие социально-философских, социологических и политологических концепций, которые могут быть использованы для исследования гражданского общества, обусловлено сложностью изучаемого феномена. Удовлетворительное теоретическое описание объекта в таком случае возможно лишь на основе использования принципа дополнительности. Очевидно, что структурный анализ гражданского общества дополняется функциональным и динамическим, сущностным – поведенческим (психологическим). Выбор теоретической парадигмы обусловлен, прежде всего, спецификой познавательной ситуации и связанной с ней исследовательской задачи.

В качестве базового определения в нашем исследовании будет использоваться одно из классических определений гражданского общества, данное Ф. Шмиттером: это «система самоорганизованных посреднических групп, которые (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей, (2) способны осмысливать и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (3) стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять

ответственность за управление государством в целом, (4) готовы действовать в рамках установленных правил «цивильного», «гражданского», т.е. взаимоуважительного порядка» [1, с. 110].

Так что же в первую очередь определяет качество связи между элементами гражданского общества, его институтами и властью, а также его структурами и отдельными индивидами? На наш взгляд, это уровень правовых отношений и гражданская культура населения, те традиции поведения и взаимодействия элементов социума, а также иерархия ценностей, смыслов, повседневные поведенческие практики, ценности и нормы, которые воспроизводятся в социуме.

Гражданская культура – это политическая культура, которая обладает следующими признаками:

1) принятие подавляющим большинством граждан идеи главенства права в отношениях между всеми элементами социума;

2) общей убеждённости в необходимости исполнять гражданские обязанности.

Это понятие употреблялось в книге Габриэла Элмонда и Синди Верба «Гражданская культура» («The Civic Culture») и в её продолжении «Новое знакомство с гражданской культурой» («The Civic Culture Revisited»). Повышение всеобщего уровня образования приводит к возникновению новых форм участия граждан в политической деятельности, таким, как участие в общественных движениях, работа в некоммерческих организациях, благотворительная деятельность, волонтерство и т.д. Государство, граждане которого политически грамотны и активны, не может добиться их лояльности иначе как через развитие демократии, поиск консенсуса при принятии важнейших политических решений.

Что касается гражданской культуры, то в любом обществе есть как активная часть населения, занимающая чёткую гражданскую позицию, демонстрирующая ответственность за будущее своей страны, так и пассивная, аполитичная масса, равнодушная к протекающим общественным процессам либо занимающая конформистскую позицию по отношению к любой власти, в том числе и деспотичной. К сожалению, именно в России конформистское отношение к власти имеет глубокие исторические и социальные корни, от сакрализации власти в императорский период («всякая власть от Бога», «император – помазанник Божий») до идеологического обоснования

и конституционного закрепления авангардной роли власти коммунистической партии и подавления всякого инакомыслия в советские времена к распространению сервильных отношений в современной России. Конечно, следы такого отношения к власти остаются в ментальном слое культуры. Не случайно в новой России, как и столетия назад, многие люди больше уповают не на возможность отстаивать свои права посредством демократических и правовых инструментов, а на «челобитную» верховному правителю. Сама власть охотно демонстрирует важность и эффективность подобной поведенческой практики. С каждым годом президенту таких «челобитных» отправляется всё больше и больше перед его традиционным многочасовым общением с прессой и населением. В подобной ситуации основной жизненной позиции становится желание приспособиться к навязываемым властью условиям социокультурной повседневности, не противиться власти, а надеяться на её милость, на то, что она обратит на тебя внимание.

Невысокий уровень гражданской активности населения, без чего не может быть и речи о высокой гражданской культуре, увы, подтверждается социологическими исследованиями. В частности, исследованием, проведённым Институтом социологии РАН, из результатов которого видно, что в 2014–2015 годах интерес к общественной деятельности в целом отсутствовал у 77% россиян [4, с. 33–34].

Данные опросов показывают, что сама «идентификация гражданского общества представляет для общества чудовищную проблему: в 2015 году 56% не могут ответить на вопрос, есть оно у нас в стране или нет (10% – уверены, что есть, 21% – скорее есть, 10% – скорее нет, 3% – безусловно нет)»¹.

Не только Россия сталкивается с трудностями формирования развитого гражданского общества в связи со спецификой национальной культуры. Российский философ и политолог А.П. Кочетков, исследовав особенности становления гражданского общества в ведущих азиатских странах (Китае, Индии, Японии), делает вывод о том, что «в отличие от западных стран в его основе лежит не свободная самоорганизующаяся личность, а личность, у которой преобладает групповой интерес, нежели индивидуальный. Из-за отсутствия устойчивых демократических традиций в этих странах велика роль зависимости струк-

тур гражданского общества от государства, которое оказывает ощутимое влияние на процесс его формирования и развития, а иногда и пытается, как в Китае, поставить этот процесс под свой контроль. ... В Китае государство финансирует ряд социально значимых НКО, что, конечно, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, подобное финансирование помогает гражданским объединениям, с другой – ставит их в зависимость от государства» [3, с. 86]. Россия, как нам представляется, в этом плане имеет много общего с упомянутыми азиатскими странами. Это серьёзно влияет на качество связей между элементами гражданского общества и препятствует возникновению свойства эмерджентности.

На ментальные черты русской культуры наслаиваются особенности текущей экономической, социальной, политической ситуации. В условиях сложной международной обстановки, серьёзного давления на Россию со стороны западных стран, вследствие украинского кризиса, государство выдаёт запрос на «патриотичное» и «конструктивное» гражданское общество, выступающее не столько оппонентом власти, сколько её опорой в политике национальной консолидации. И неудивительно, что такой запрос находит положительный отклик у большинства населения страны. Это естественная реакция общества на наличие внешней угрозы. В этот момент, чтобы устоять под давлением противника, внутренние противоречия и разногласия по поводу политических ценностей должны отойти на второй план, их решение откладывается «до лучших времён». Вот только возникает определённый риск утраты должного общественного контроля за действиями власти не только в данный момент, но и в будущем. Государство, в этом случае, с мотивом защиты национальных интересов, может ограничивать деятельность не только действительно имеющихся деструктивных структур, но и неудобных, раздражающих своей политической независимостью внутренних оппонентов. Это обстоятельство также плохо, возможно, критически плохо, влияет на качество связей между компонентами гражданского общества.

Наличие фактических или фиктивных внешних угроз является негативным фактором, сдерживающим формирование развитого гражданского общества, так как ради сохранения социума зачастую приходится жертвовать частными интересами граждан.

¹ Синецын А. Общество без граждан // Ведомости. 03.11.2015.

Важным условием развития гражданского общества является стабильное экономическое положение населения страны. С точки зрения возникновения эмерджентности в гражданских правоотношениях представляется очень негативным фактором в этой связи глубокое имущественное расслоение граждан, сложившееся вследствие проведенной в 90-е годы прошлого века широкомасштабной приватизации государственной собственности и закрепившего её государственно-олигархического режима власти. Ведь даже по официальным данным децильный коэффициент у нас балансирует на уровне 17 единиц.

Непременным условием становления развитого гражданского общества является наличие правового государства, которое как раз во многом и обеспечивает появление качественно новых связей в социуме, без которых не может возникнуть эмерджентное свойство системы – появление признаков гражданского общества. Прежде всего, право ограничивает свободу действий правящей элиты, государственных органов, лишая их возможности распоряжаться судьбами людей по своему усмотрению. При деспотизме тоже существуют общественные организации и объединения, но они не обладают автономией и свободой. В таком обществе для любых актов деятельности неполитических, гражданских институтов необходима санкция власти. Кроме того, власть будет влиять на общественные организации через их руководителей, назначение которых осуществляется только после прохождения претендентами определённых фильтров или процедуру согласования в закрытых каналах политической коммуникации. Например, в советское время в любой общественной организации была партийная структура, которая обеспечивала предсказуемость и подконтрольность действий любой общественной структуры. Если добавить сюда официальную цензуру, идеологическое давление, то ни о каком гражданском обществе в то время не может быть и речи. Но те же структуры могут стать элементами гражданского общества в условиях правового государства.

Правовое государство предполагает такую организацию и деятельность государственной власти, которые строятся на взаимоотношениях с индивидами и их различными

объединениями на основе норм права. При этом важно, чтобы не только было декларировано, но и обеспечено верховенство закона, а все социальные акторы доверяли правосудию как конечному арбитру.

Исследования свидетельствуют, что в современной России пока нет доверия к правовой системе. Об этом, в частности, свидетельствуют данные социологического опроса, проведённого в 2016 году ЮРИУ РАНХиГС среди экспертов (учёных, служащих, бизнесменов). В приведённой ниже таблице показано распределение ответов на вопрос: «Как с Вашей точки зрения соблюдается в России принцип правового государства?»

№ п/п	Варианты ответа	%
1	Соблюдается полностью	25
2	Соблюдается слабо	55
3	Не соблюдается	6
4	Затрудняюсь ответить	14

Как видим, 2/3 экспертов указывают на слабую значимость декларируемых принципов правового государства. А среди выделенной части экспертов-бизнесменов этот уровень доходит до 80 %. Это прямое указание на то, в каком направлении следует усилить работу как органам власти, так и структурам гражданского общества. Причем, как указывается в последнее время, акцент должен быть сделан не на строгость, репрессивность, а на неизбежность наказания и устранение последствий и условий для правонарушений [6, с. 9].

Собственно то, что России еще далеко до правового государства, отметил Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в своём докладе «Конституционная юстиция на переходном этапе исторического развития России» в рамках международной конференции «Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы» 17 мая 2016 года. Он прямо заявил: «Правовой барьер Россией еще не взят, а это значит, что переход к праву и демократии отнюдь не завершен»¹.

Таким образом, для формирования развитого гражданского общества в России важно перенести акцент с поиска и создания новых институциональных компо-

¹ Зорькин В.Д. Конституционная юстиция на переходном этапе исторического развития России // Доклад на международной конференции «Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы». Санкт-Петербург. 17 мая 2016 года <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=75> (дата обращения: 12.07.2016).

нентов на формирование принципиально отличных от ныне имеющихся связей между элементами гражданского общества. А такие связи могут и будут возникать только в процессе становления правового государства, в котором власть, как бы сильно ей этого ни хотелось, не может поставить под свой контроль деятельность структур гражданского общества и поэтому вынуждена выстраивать с ними диалоговые партнёрские отношения. Не менее важным условием появления эмерджентного свойства социума – признаков развитого гражданского общества – является наличие зрелой гражданской культуры населения, предполагающей, в том числе, высокую гражданскую активность, а также отчётливо выраженную ответственность за успешное будущее российского общества.

1. Бардин, А.Л. Гражданское общество в России: опыт сравнительного анализа [Текст] / А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Е.В. Михайлова // *Власть*. 2016. № 1. С. 109–117.

2. Коросов, А.В. Принцип эмерджентности в экологии [Текст] / А.В. Коросов // *Принципы экологии*. 2012. № 3. С. 48–66.

3. Кочетков, А.П. Некоторые особенности развития гражданского общества в странах Азии [Текст] / А.П. Кочетков // *Полис*. 2016. № 2. С. 78–89.

4. Петухов, В.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы [Текст] / В.В. Петухов, Р.В. Петухов // *Полис*. 2015. № 5. С. 25–48.

5. Савченко, И.А. Гражданское общество в дискурсивном измерении [Текст] / И.А. Савченко // *Власть*. 2015. № 5. С. 122–126.

6. Старостин, А.М. Гражданское общество в России в контексте трансфера инноваций [Текст] / А.М. Старостин, А.В. Понеделков, Л.Г. Швеца // *Власть*. 2016. № 5. С. 5–14.

7. Тарасенко, Ф.П. Прикладной системный анализ [Текст] / Ф.П. Тарасенко. М.: КНОРУС, 2010. 224 с.

References

1. Bardin A.L., Kokareva A.N., Mihajlova E.V. (2016) *Vlast'*, no. 1, pp. 109–117 [in Rus].

2. Korosov, A.V. (2012) *Principy ehkologii*, no. 3, pp. 48–66 [in Rus].

3. Kochetkov, A.P. (2016) *Polis*, no. 2, pp. 78–89 [in Rus].

4. Petuhov, V.V., Petuhov. R.V. (2015) *Polis*, no. 5, pp. 25–48 [in Rus].

5. Savchenko, I.A. (2015) *Vlast'*, no. 5, pp. 122–126 [in Rus].

6. Starostin, A.M., Ponedelkov A.V., SHvec L.G. (2016) *Vlast'*, no. 5, pp. 5–14 [in Rus].

7. Tarasenko, F.P. (2010) *Prikladnoj sistemnyj analiz*. Moscow, KNORUS, 224 p. [in Rus].

UDC 316.3

CIVIL SOCIETY AS A SYSTEM: PROBLEM OF ACQUISITION OF EMERGENT QUALITY

Zyryanov Sergey Grigoryevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
Director of the branch,
Doctor of Political Science, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Lukin Anatoliy Nikolaevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork of State and Municipal Service, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The article considers the structure of a civil society, its main elements and the relations between them, which contribute to the appearance of emergent quality. Such relations provide legal relations and high civil culture of the population.

Key concepts:

civil society,
state of law,
civil culture.

УДК 130.2

ПЕРМАНЕНТНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
соискатель,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается понятие перманентной современности через два ее основных уровня: *уровень картезианского субъекта*, где перманентная современность существует как способ рефлексии *der Geist seiner Zeit* («духа своего времени» по Гегелю) и обретает свои онтологические основания, и *уровень социального*, на котором происходит разрыв обыденности, складывается полилог множеств и, как результат, рождается новая культурная/цивилизационная матрица.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
субъект,
обыденность,
полилог субъектов,
множество.

1.

Концепция перманентной современности представляет собой попытку выработки нового комплексного подхода к организации философского и социально-гуманитарного знания, свежей точки отсчета для методологического анализа происходящих в социальном поле процессов, которая заключала бы в себе *базовые философские традиции*: картезианское *cogito*, кантовскую трансцендентальность, гегелевскую диалектику – которые были дополнены и удачно раскрыты (ибо следует согласиться с С. Жижеком, обрубающим философию на Гегеле [4]) в работах Э. Фрейда, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. В некотором роде дефиниция перманентной современности является (если добавить немного провокативности) фундаментализмом в чистом виде, ибо подразумевает собой откат назад, возвращение к началу философии (если отталкиваться от введенных Жижеком в оборот рамок Кант–Гегель) – И. Канту (а не к Гегелю, которого пытается актуализировать Люблянская школа). Фундаментализм перманентной современности проявляется в ее онтологическом основании, коим выступает определенным образом понятый субъект – как *self-made person*, как человек, который сконструировал сам себя, определил свои собственные основания, принципы и границы, понял влияющие на него силы и освободился из-под их воздействия, обрел смелость мыслить собственным умом, чем реализовал известный просвещенческий призыв «*Sapere aude!*». Таким образом, фундаментализм перманентной современности есть отвержение философских размышлений XX века о «смерти субъекта» и его воскрешение в том виде, в котором субъект всегда оказывается существом незавершенным, существом динамичным, постоянно обновляющимся и перерождающимся, находящимся в вечном гераклитовском становлении и переносящем эти свои свойства на современность – определенное ментальное, имманентное, рефлексивное, созидательное качество субъекта. Именно *современность как качество субъекта* (а субъект, как можно видеть из приведенного выше определения, понимается здесь без соотнесения с каким-либо пространством-временем, например, с Новым временем) предлагается определять через дефиницию *перманентная современность* для ее выделения в многообразии «современностей»,

которое щедро производил XX век. *Перманентная современность есть истинная современность в своем изначальном значении и основании.*

В результате *перманентная современность предлагает актуализировать* бродящий по западной академии призрак *картезианского субъекта* [6, с. 23] и нивелировать все те субъективирующие факторы, которые, с точки зрения ряда философов XX века, должны были этого субъекта кастрировать. В концепции перманентной современности субъект вновь набирает силу и оказывается в центре той оси координат, вокруг которой нарастает вся культурная (социальная) плоть. Субъект и переживаемая/проживаемая им современность (современность как Я-субъективность [10; 11; 13]) образуют собой ту сингулярность, которую можно обозначить в качестве модели субъект-современность, из коей «взрывается»/образуется, в результате познавательной (постижение времени собственного бытия) и созидательной (предложение, отстаивание, навязывание своей модели социального устройства) деятельности человека любая культурная матрица.

Такая постановка проблемы актуализирует не только субъекта, но и давнее столкновение между идеализмом и материализмом. Проигравшему было идеализму, как представляется, дается шанс на возвращение. Разумеется, в этом случае не предлагается искать и обосновывать первопричину физического мира, в котором происходит жизнедеятельность человека и который существует и копируется независимо от нас, в каком-либо трансцендентном начале. Внимание скорее уделяется слабому моменту ленинского определения материи [9]: восприятию материи через органы чувств, что в значительной степени превращает материю не в данную нам объективную реальность, а в часть нашего субъективного мира. Иными словами, если применять лакановскую оптику, то физический мир оказывается неподдающимся символизации и недоступным для человеческого познания Реальным, в которое человек заключен и прямое столкновение с которым его пугает. Мир же, в котором индивид существует, оказывается его собственной конструкцией и обладает бытием лишь постольку, поскольку он символизирован, поименован [8, с. 11] и нанесен на персональные когнитивные карты (Ф. Джеймисон). В результате данная

человеку реальность, касается ли она физических или культурных объектов, неизбежно оказывается архитектурой идеальных форм, а онтологической предпосылкой идеализма становится трансцендентальное субъективное создание «объективной реальности» [5]. Иными словами, реальность обретает возможность на существование, лишь будучи включенной в определенную знаковую структуру [19], будучи определенным образом символизирована через языковые практики и представляя собой схваченную человеком часть Реального. Субъект оказывается живущим не столько в предметном мире, сколько в своем знании об этом предметном мире, получая некоторое его отражение.

Собственно говоря, границу между идеализмом и материализмом (их диалектического единства на самом деле) очень хорошо обозначил Г. К. Честертон: «“Где же именно вы проведете черту?” — спрашивают они, а мятежник ответит: “Вот здесь, между вашей головой и телом”» [18, с. 602] — именно с таким положением вещей мы и имеем дело, когда сталкиваемся с подобной проблемой: тело (весь физический мир) — часть Реального, обретающее свое существование посредством головы (когнитивного картографирования). Именно ментальная деятельность человека делает возможным существование современности как нестабильного и креативного элемента Воображаемого, находящегося в постоянном движении созидания и периодически способствующего складыванию некоего устоявшегося порядка практик — *обыденности*, образующей культурную матрицу и делающей возможным комфортное (без напряжения ресурсов) существование большинства людей.

В результате перманентная современность может быть раскрыта в следующих значимых критериях: (I) *онтологическом*, опирающимся на Я-субъекта, (II) *социальном*, уделяющем внимание образованию множеств (А. Негри, М. Хардт) и Событию (А. Бадью), являющем собой ситуацию революции, разрыва с обыденностью и рождение нового порядка. Социальный критерий современности подразумевает также (а) *политическое*, как взаимодействие имеющих собственное видение будущего акторов, и (б) *культурное/цивилизационное*, где происходит складывание и утверждение некоего нового социального космоса, в границах которого происходит окостенение победившей концепции (в

то время как концепция-могилищик либо еще только нарождается, либо занимает контркультурные позиции) и формируется обыденность, измерения. Диалектику этой схемы легко передать через лакановскую триаду, где Реальное (имеющаяся и бросающая вызов проблема физического или социального характера, требующая реакции) вызывает к жизни Воображаемое (в регистре которого находится Я-субъект, занятый рефлексией и производством современности) и обретает фантазматическую рамку в Символическом (позволяющим определенным образом решить проблему, создать комфортную схему сосуществования с ней: так, скажем, страх экзистенциального одиночества человек может разрешать через создание религии, а проблему социального неравенства — идеологией «веры в собственные силы» и «равные возможности для всех», обслуживающей господство капитала).

2.

Субъективный критерий перманентной современности касается прежде всего ее онтологии, т.к. сама перманентная современность является преимущественно качеством своеобразно понятого субъекта. *Перманентная современность — это столкновение субъекта с проблемностью собственного бытия и попытка рефлексии этой ситуации.* В связи с тем, что переживание/ощущение указанной проблемности непрерывно, не имеет раз и навсегда данного решения, а также обладает свойством перехода от индивида к индивиду, в этой связи и возникает ситуация перманентности, а современность, как явление, оказывается вне классического линейно-прогрессивного понимания истории. Перманентная современность есть одновременно процесс познания и сотворения времени, где знание — необходимая часть движения вперед.

Субъектом перманентной современности, или Я-субъектом для краткости и четкости демаркационных линий, предлагается считать человека, прошедшего длительный путь субъективации и вышедшего за рамки влияния той совокупности субъективирующих человека факторов, которую Ж. Лакан обозначает термином Большой Другой. При таком подходе субъект оказывается как бы высшей стадией развития человека (недаром М. Фуко указывал на

преклонный возраст как на необходимое условие субъективности), уже прошедшего через этапы, обозначаемые понятиями «индивид» и «личность» [12].

Индивидом в этом случае становится простая (нулевая, ничем необремененная, непримечательная, несформированная) человеческая единица по факту своего наличия. В некотором роде можно сказать, что индивид — это социальное понятие особи. *Индивид — это базовая социальная единица, это любой человеческий детеныш по факту своей принадлежности к роду homo.* При этом непринципиально, является ли определяемый в качестве индивида человек гением или большим каким-либо психическим либо ментальным заболеванием — он является индивидом.

Именно в качестве индивида человек подвержен субъективации, которую подробно описывал М. Фуко [16] и которую осуществляют многочисленные социальные институты: семья, школа, армия, правительственный аппарат и проч., а также другие люди и архитектура пространства, в котором этот индивид находится. Именно в качестве индивида субъект преимущественно подвержен влиянию примитивно понимаемой (как навязываемой третьим лицом мир-объяснительной схеме) идеологии и любому виду пропаганды. Как индивид человек наследует некий набор исходных культурных мемов [21] и в качестве индивида оказывается управляем неким Большим Другим (имеющим скорее множественный, децентрированный, сетевой характер), выражающимся в языке, бессознательных мотивах, принятых социальных традиций и требований социальных (диктуемых властью) практик.

Именно индивид проходит обозначаемые в качестве процесса социализации этапы личностного развития, а также стадию зеркала по теории Ж. Лакана. Как раз на этой стадии на человека воздействует вся совокупность сил, внимание к которым побудило ряд философов XX века говорить о «смерти субъекта». Однако возможность человека заниматься совершенствованием самого себя и проявлять страсть к познанию, его врожденное и требующее удовлетворения любопытство делают для него возможным перейти, говоря игровым языком, на следующий уровень — уровень личности.

Личность определяется преимущественно как «свободное и образованное Я» [12] — это индивид, получивший хорошее

образование (необязательно формальное, подтвержденное академическим сертификатом, но вполне допустимо основывающееся на богатом жизненном опыте или самообразовании) и имеющий необходимые когнитивные инструменты для полноценного мышления. Личность имеет критическое мышление, в состоянии определять возмущающие на нее силы, может активно участвовать в социальной жизни. Личность имеет богатый кругозор и многоплановость поведения. Личность — это уже сложная и развитая социальная единица, которая в состоянии думать самостоятельно.

Тем не менее, негативность личности проявляется в том факте, что она остается в пределах символического порядка. *Личность принимает существующие правила игры, встраивается в имеющиеся структуры и способствует их существованию.* Именно личность часто продуцируется национальной образовательной системой (по крайней мере, такова изначальная ее цель), занимает свое место в бюрократическом аппарате государства и делает возможным Холокост и Освенцим, которые Адорно поспешно и ошибочно провозгласил свидетельством краха просвещенческой идеи субъекта (которая на самом деле никогда не была реализована и, более того, никогда не может быть полностью реализована, т.к. субъект относится к уникальному, а не общему). Именно личности касаются рассуждения о банальности зла Х. Арндт. Именно личности могут под классическую музыку в кабинете с бюстом Канта и собранием Гегеля подписывать документ, обрекающий на смерть миллионы людей, потому что этого требует от них Система.

Принципиальным отличием субъекта от личности служит его расположенность вне символического порядка. Субъект не просто знает (личность может знать, а может не знать) о подчиняющем его «облом, озорном, огромном и стозевном чудище» (А. Радищев) власти, но и занимает внешнюю по отношению к этому «чудищу» позицию. Сравнивая индивида и субъекта, Фуко мог бы отметить принципиальную разницу в том моменте, что индивид оказывается пойманным в дисциплинарный аппарат, в то время как субъект располагается (как минимум на уровне *сogito*) вне его. Субъект всегда сохраняет некоторую дистанцию, варьирующуюся от кантовского «думай, но подчиняйся» до диогеновского: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце», — в зависимости от той степени телесной свободы, которую может позволить себе че-

ловек. Субъект обязательно имеет внутреннюю шкалу ценностей (т.е. обладает развитым этическим сознанием), которая создана им самим. Именно опираясь на эту шкалу, а не на внешние события и воздействия, субъект действует в социальном мире. Иными словами, *субъект обязательно девиантен по отношению к господствующей культуре*, т.к. имеет свои собственные взгляды, проекты и считает их правильными, борется за их осуществление.

Это делает субъекта существом креативным. Субъект — не только образованный человек, который хорошо изучил и понял пространство-время, в которых он живет, и законы, по которым «работает» его среда. Субъект, прежде всего, имеет свое видение будущего этой среды, свой проект нового символического порядка и борется за его осуществление. Если пытаться понять субъекта через регистры Лакана, то субъект оказывается тем, кто, будучи физически размещенным в определенном символическом порядке, имел возможность и смелость заглянуть за его покровы, чтобы понять Реальное и дать на него (предложить другим) свой собственный ответ. При этом конструирование этого ответа помещает субъекта в регистр Воображаемого, где им и создается современность. Множественность субъектов дает плюрализм современностей и многовариантность будущего. Субъект всегда имеет собственный утопический проект и борется за его осуществление. Он стремится к активному (на уровне революционной борьбы, как, например, В. И. Ленин, или посредством создания идеального читателя (У. Эко) через свои тексты, как, к примеру, масса интеллектуалов от Платона до Б.-А. Леви) разрушению имеющегося Символического и созданию нового социального космоса.

Таким образом, *одной из характеристик субъекта, позволяющей отличить его от личности, является создание им новой социальной реальности*, сотворенной целенаправленно (когда субъект ведает, что творит и на что направляются его усилия — так Ю. Пилсудский реализовал свой проект «создания» Польши, а еще раньше Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди объединили Италию) или явившейся результатом его способа жить, его взглядов на жизнь, его жизнедеятельности (так Иисус (здесь ему, конечно, помог Св. Павел) оказался точкой отсчета новой эры, а Петрарка, не опровергнувший напрямую и даже целе-

устремленно не планировавший «преодолеть» схоластическую ученость, особенности средневекового интеллектуализма, стал отцом гуманизма, просто не пожелав участвовать в принятых в его время схоластических практиках [15]).

Безусловно, субъекта можно обозначать как *сверхчеловека*, но только при условии его противопоставления «последним людям» (каковые моргают). Субъект — это человек, который берет на себя ответственность за самого себя, сбегает из символического порядка на «самую высокую гору» (Ф. Ницше). Но главное, если «последние люди» борются со своими желанием, ставят их под контроль, отказываются от страстей, то *субъект сохраняет самого себя через сохранение своего желания*. Субъект отказывается от замещения, он готов рисковать собой ради своих запросов. *Субъект продолжает жить страстью*. Страстью к изменению мира в результате своей деятельности и в соответствии со своими идеалами. Страстью постоянной борьбы за реализацию собственного социального проекта.

Пример такой борьбы может дать столкновение между юристами общего и гражданского права с Коронай в предреволюционной Англии [7], где, с одной стороны, Карл I и У. Лод (а также поддерживающие короля юристы, например, Дж. Коуэлл и Г. Финч) мечтали об установлении абсолютной монархии континентального типа, боролись за расширение королевских прерогатив (прежде всего, конечно, за право введения произвольного налогообложения, за навязывание подданным теории о божественном праве короля, дающей последнему возможность быть над законом), а с другой стороны, часть английских юристов объединялись вокруг позиции Эд. Кока, отстаивающего подчиненность королевской власти закону. В результате этой борьбы королевская власть оказалась в проигрыше и сложилась определенная модель английского права, где никто не может оказаться выше закона. Этот принцип оказал фундаментальное влияние и не только на собственную культуру Великобритании, но также и на всю европейскую цивилизацию в целом, т.к. отстаиваемые Эд. Коком и его сторонниками идеи распространились по всему англоязычному миру и использовались во время Американской и Французской революций, когда речь шла о свободе подданных и преро-

гативе права над королевской властью. Однако в случае массовых движений мы сталкиваемся уже с тесной *связкой субъекта и его сторонников, которые образуют множество* (революционного субъекта) и здесь требуется взглянуть уже на иной, социальный аспект современности.

3.

Если с субъектом как с уникальной единицей общества более-менее все понятно — это человек, успешно осуществивший свой собственный проект Я, пришедший к фихтеанскому Я=Я и избавившийся от влияния любых иных субъективирующих его образов¹ (Я-идеальное в концепции Ж.-А. Миллера, отождествляемое с воображаемой идентификацией, подразумевающей идентификацию с привлекательным для нас образом, с образом, представляющим то, «какими мы хотели бы быть» [1, с. 111]) и дисциплинарных воздействий; человек, познавший основы символического порядка, дистанцирующийся от него и разместившийся в регистре Воображаемого, где создает утопический проект нового социального устройства... Если с субъектом, как базовой социальной единицей, как точкой отсчета, из которой рождается весь космос культуры, все относительно ясно, то остается необходимым объяснить, как субъекту удается действовать в социальном поле и менять его матрицу. Иными словами, попробовать дать начальное описание *социального критерия перманентной современности*.

В социальном поле субъект узнается по плодам, в некотором роде *post factum* и обязательно должен получить признание со стороны других, даже если сам не прикладывает к этому целенаправленных усилий — так Св. Антоний, первый отшельник, удалился от мира в 270 году и целых 15 лет жил в одиночестве, пока мир сам не пришел к нему, а его пассивное действие не привело к возникновению монашеского движения в христианстве. *Регистр Воображаемого, признание со стороны окружающих и, de facto, посмертная символизация — вот значимые отличительные черты субъекта*.

Говоря языком Ж. Лакана, можно отметить, что субъект — это, в некотором роде, остаток — нечто, не поддающееся симво-

¹ т.е. его «стадия зеркала» соотносена с ним самим.

лизации. Этот остаток оказывается в Воображаемом (тогда как все его окружающие уже давно и плотно в Символическом), но подлечит своеобразной посмертной символизации. Будучи сам в Воображаемом, будучи сам анархичным началом, субъект канонизируется своими последователями, ими же идеализируется и служит точкой отсчета для новой социальной матрицы. В качестве примера можно сослаться на разбираемый С. Жижекком случай со Св. Павлом [3, с. 17–20], который был «глубоко и чудовищно» безразличен к Иисусу как к живому человеку (игнорировал его проповеди, деяния, притчи; не занимался герменевтикой высказываний рабби), а интересовался лишь его смертью на кресте и воскрешением. Смерть и воскрешение Христа («Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» [1 Кор. 13–14]) позволяет Павлу занять ленинскую позицию: приступить к организации собственной партии, объявленной христианским сообществом, и через нее внести такие изменения в античную цивилизационную матрицу, в результате которых возникает цивилизация средневековая (разумеется, помимо Павла и христиан свои кирпичи в ее основание принесли и другие субъекты — к примеру, варварские вожди).

С подобной же посмертной символизацией (как иногда важно и необходимо вовремя умереть!) можно столкнуться и в других исторических моментах: так конституционная для английской, да и мировой (именно парафразом ее 39 статьи начинается «Всеобщая декларация прав человека» ООН) правовой традиции «Великая хартия вольностей» не имела бы своего значения, если бы Иоанн Безземельный прожил на несколько лет дольше. Цезарь остался в истории на уровне имени, а его идеи победили и определили устройство Римской империи после его трагической смерти. Сталину для утверждения своей власти и построения Советского государства по собственным лекалам потребовалось символизировать Ленина, а М. Л. Кинг только благодаря своей смерти стал культовой фигурой сопротивления (кстати, его знаменитая фраза: «Я имею мечту», — непосредственно указывает на расположение субъекта в лакановской триаде и выполняемые им функции).

Можно видеть, что несмотря на то, что обязательной (хотя бы латентной) це-

лью субъекта является изменение реальности (если перефразировать экзовское «в образцовом читателе автор видит своего будущего соратника и даже пытается его создать» [20, с. 19–20], то субъект всегда пытается создать образцового Другого), субъекту необходимы последователи, необходима intersубъективность (та самая intersубъективность, какую современная философия любит использовать против cogito: якобы cogito не принимает в расчет важность intersубъективности). Именно через последователей (будь то иной субъект, наподобие Св. Павла или Сталина или массы личностей и индивидов, которые воодушевляются выдвигаемыми субъектом идеями и осуществляют революционное действие, как любил изображать С. Эйзенштейн в своих первых фильмах) субъекту удается реализовать свой утопический проект.

Субъект и его последователи (необязательно расположенные в одновременности пространства-времени) образуют революционного субъекта в марксистской традиции или множество, массы в терминологии М. Хардта и А. Негри. Массы — это гетерогенное множество, открытое тому, что находится извне [17, с. 105]. *Современность в своем социальном аспекте — это и есть массы, движение масс, их деятельность по реализации утопического проекта субъекта.*

Множественность субъектов и формирующихся вокруг них множеств делает необходимым их взаимодействие в форме полилога, а также создает многовариантность исторической перспективы: в каждый момент одновременности в культурном поле сталкиваются между собой несколько проектов будущего, и в результате этого столкновения побеждает один из вариантов. Именно этот вариант на короткий период становится Культурой, в то время как его альтернативы либо оказываются ассимилированы им, либо вытесняются на периферию исторической памяти (но это не значит, что они не могут в один прекрасный миг перейти из периферии в центр и послужить знаменем новых проектов, как идея Римской республики воодушевляла французских якобинцев), либо занимают нишу контркультуры и на протяжении какого-то времени ведут скрытую борьбу с доминирующей культурой (к примеру, так происходило с тем, что можно было бы назвать Длинной французской революцией 1789–1848 годов, когда между собой

боролись роялистский и республиканский проекты будущего Франции).

Наиболее значимые утопические проекты служат точкой формирования не только культуры (это более динамическое понятие, подвижное и меняющееся), но и оказывают влияние на формирующийся и более консервативный цивилизационный фундамент [14]: учение Христа и деятельность Св. Павла внесли свой вклад в складывание европейской цивилизационной основы, в то время как творчество Лютера, Цвингли и проч. внесло лишь разнообразие в совокупность европейских культур.

4.

Социальный аспект современности связан не только с действиями множеств, но и с *обыденностью*. Обыденность оказывается проникнутой идеологией (как ее понимает С. Жижек: в качестве экрана, позволяющего индивиду действовать, дающего ему возможность желать и прикрывающего негативные стороны реальности, в которой он существует) реальностью, в рамках которой происходит некоторая стабилизация современности (через доминирование одного ее проекта — культуры, и вытеснения ряда других), позволяющая массе индивидов заниматься рутинными практиками, не задумываясь о каких-либо нарративах будущего, не предаваясь «мечтаньям» («меньше болтать, больше делать»). Обыденность реализуется за счет субъекта: он берет на себя часть функций, позволяя остальным не погружаться глубоко.

Обыденность — это не-современность. Это момент «спящей» современности, когда она существует лишь как переживание субъекта. Имея перед собой обыденность, мы можем лучше понять, что такое современность, почувствовать ее в тот момент, когда она покидает своего носителя, оказывается не принадлежащей только ему. Когда она «выходит на поверхность», превращается в Событие — момент, который М. Хайдеггер определял через разлом в строении Бытия. Именно в этот миг современность явственно обретает свой социальный характер. *Современность в социальном ключе — это происходящее сейчас Событие*. Это крайняя субъективизация социума, выход/прорыв субъективности, нарушение и разрушение символического порядка. Это революция. Именно в этот момент создается новый Символический

регистр, происходит перезагрузка, часто переформатирование.

Революция — это точка радикального разрыва, Событие, после которого уже «ничего не было так, как прежде». Отличным примером тут служит Октябрьская революция, результатом которой стало изменение не только социальной надстройки, но и языка, этого, по выражению М. Хайдеггера, «дома бытия» человека. *Революция — это экзистенциальный выплеск, когда массы индивидуализируются и людям необходимо определяться со своей идентичностью, образовывать то или иное множество, примыкать к утопическому проекту какого-либо субъекта. Это политическое измерение социального критерия современности.*

В момент революции происходит «снятие цензуры с мечтаний» [2] и сталкиваются альтернативы социального будущего, нарушается обычное течение жизни, актуализируется соперничество идей, происходит «уплотнение» времени. Это момент, который так или иначе чувствует каждый, внезапно осознав, что в пространстве, в котором он живет, что-то неожиданно задвигалось, и происходят некоторые тектонические изменения: так было во времена Цезаря, в момент краха Западной Римской империи, в период Французской революции или в 1991 (и даже в 2011!) году в России.

В этом отношении любые контрреволюции есть дуализм самой революции, есть процесс борьбы сдержек и противовесов социума, столкновение утопий, антагонизма старого и нового, на основе которого и создается общественное устройство.

Нужно сказать, что сама современность носит перманентный революционный характер. *Современность — это непрекращающаяся относительно обыденности революция*, периодически чреватая социальными взрывами. Социальный взрыв происходит в ту минуту, когда какая-то, понятая как Я-субъективность, современность набирает мощную взрывную силу, когда наступает момент и открывается пространство для действия, вмешательства в ситуацию, возможность реализации утопического проекта.

Таким образом, *современность в социальном контексте* наступает тогда, когда обыденность подрывается и остро существует в момент, пока новая обыденность еще не сложилась. Это момент, когда к современности можно «прикоснуться»,

ее можно почувствовать, она выходит за границы субъекта и обретает «тело». В остальных случаях современность есть только переживание субъекта.

5.

Таким образом, социальный аспект современности появляется прежде всего в движении формирующихся вокруг субъекта масс – революционных множеств. *Перманентная современность в социальном контексте – это и есть массы, движение масс. Сама перманентная современность непрерывно существует на уровне субъекта, как его рефлексия и ощущение духа своего времени (Гегель) и проявляется на уровне «осозания» для индивида в моменты разрыва обыденности, в момент революции, разрушения Символического. Именно множество Я-субъектов, включенных в ментальное (переживаемое, имманентное) и социальное (данное, трансцендентное) измерения и вступающих друг с другом в полилог, образующих множество со своими сторонниками, создает социальную матрицу, культуру, цивилизацию.*

Момент угасания социального аспекта современности связан с возникновением новой культурной матрицы и/или внесением изменений в цивилизационный код, стабилизацией социума, возвращением *mutatis mutandis* обыденности. Можно сказать, что современностью, на уровне социального, обладают воображаемые сообщества (т.е. еще несимволизованные), участвующие в революционном движении своего становления. В момент их институализации социальный уровень современности заканчивается, наступает обыденность, современность вновь оказывается делом единичных субъектов, круг замыкается. *Социальный аспект современности касается того, как Я-субъективность будет символизирована на определенном этапе. Конец социального измерения современности можно обозначить, несколько перефразируя известную фразу М. д'Адзельо об итальянцах: «Мы пережили современность, теперь нам предстоит создать обыденность».*

димыми» [Электронный ресурс] // Интервью Россия. URL: <http://www.interviewrussia.ru/movie/slavoy-zhizhek-ideologiya-nashi-samyepotaennyezhelaniya-kino-delaet-ih-vidimymi> (дата обращения: 03.03.2015).

3. Жижек, С. [Žižek S.] Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом [Текст] / С. Жижек. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.

4. Жижек, С. [Žižek S.] «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем». Интервью со Славоем Жижеком для журнала «Логос» [Текст] / С. Жижек. // Логос. 2007. № 1 (58). С. 3–13.

5. Жижек, С. [Žižek S.] Чума фантазий [Текст] / С. Жижек. Х. Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. С. 346.

6. Жижек, С. [Žižek S.] Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии [Текст] / С. Жижек. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 23.

7. Кондратьев, С.В. Юристы в предреволюционной Англии (Политические и правовые воззрения) [Текст] / С.В. Кондратьев. Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 1993. 128 с.

8. Лакан, Ж. [Lacan J.] Телевидение [Текст] / Ж. Лакан. М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. 160 с.

9. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1961. С. 131.

10. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.

11. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.

12. Павлов, А.В. Современные проблемы науки: учеб. пособие [Текст] / А.В. Павлов, Е.В. Пономаренко. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 386 с.

13. Павлов, А.В. Современность и критика [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.

14. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха [Текст] / А.В. Павлов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–27. *Здесь смотри разграничение культуры и цивилизации.*

15. Рабинович, Е.Г. Об «Африке» Петрарки [Текст] / Е.Г. Рабинович // Франческо Петрарка. Африка. М., 1992. С. 211–240.

16. Фуко, М. [Foucault M.] Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

17. Хардт, М., Негри, А. [Hardt M., Negri A.] Империя [Текст] / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 440 с.

18. Честертон, Г.К. [Chesterton G.K.] Вечный человек [Текст] / Г.К. Честертон. М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Мидгард, 2004. 704 с.

19. Эко, У. [Eco U.] Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. СПб.: «Симпозиум», 2006. 544 с.

20. Эко, У. [Eco U.] Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко. СПб.: Симпозиум. 2007. 285 с.

21. Dawkins, R. What Use is Religion? Free Inquiry magazine, V. 24, No 5, Aug-Sept. 2004.

References

1. Жижек, С. [Žižek S.] Возвышенный Объект Идеологии [Текст] / С. Жижек. М.: Художественный журнал, 1999. 136 с.

2. Жижек, С. [Žižek S.] «Идеология – наши самые потаенные желания. Кино делает их ви-

1. Zhizhek S. [Žižek S.] (1999) Vozvyshennyj Ob#ekt Ideologii. Moscow, Hudozhestvennyj zhurnal, 136 p. [in Rus].

2. Zhizhek S. [Žižek S.] «Ideologija – nashi samye potaennye zhelaniya. Kino delaet ih vidimymi» [Elektronnyj resurs] // Interv'ju Rossija, available at: <http://www.interviewrussia.ru/movie/slavoy-zhizhek-ideologiya-nashi-samye-potaennye-zhelaniya-kino-delaet-ih-vidimymi> (accessed 03.03.2015) [in Rus].

3. Žhizhek S. [Žižek S.] (2009) Kukla i karlik: hristianstvo mezhdru eres'ju i buntom, Moscow, Izdatel'stvo «Evropa», 336 p. [in Rus].

4. Žhizhek S. [Žižek S.] (2007) *Logos*, no. 1 (58), pp. 3–13 [in Rus].

5. Žhizhek S. [Žižek S.] (2014) Chuma fantazij, Kharkov, Izd-vo Gumanitarnyj Centr, 346 p. [in Rus].

6. Žhizhek S. [Žižek S.] (2014) Shhekotlivyj sub#ekt: otsuststvujushhij centr politicheskoj ontologii, Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 528 p. [in Rus].

7. Kondrat'ev S.V. (1993) Juristy v predrevoljucionnoj Anglii (Politicheskie i pravovye vozzrenija), Shadrinsk, Izdatel'stvo PO «Iset'», 128 p. [in Rus].

8. Lakan Zh. [Lacan J.] (2000) Televidenie, Moscow, ITDK «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 160 p. [in Rus].

9. Lenin V.I. (1961) *Poln. sobr. soch.* Vol. 18. Moscow, 525 p. [in Rus].

10. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].

11. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5–11 [in Rus].

12. Pavlov A.V., Ponomarenko E.V. (2007) *Sovremennye problemy nauki: ucheb. posobie*, Tjumen', Izd-vo TjumGU, 386 p. [in Rus].

13. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 128–135 [in Rus].

14. Pavlov A.V. (2012) *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*, no. 3, pp. 17–27 [in Rus].

15. Rabinovich E.G. (1992) Ob «Afrike» Petrarki // Franchesko Petrarka. Afrika, Moscow, pp. 211–240 [in Rus].

16. Fuko M. [Foucault M.] (1999) Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my, Moscow, Ad Marginem, 478 p. [in Rus].

17. Hardt M., Negri A. [Hardt M., Negri A.] (2004) Imperija, Moscow, Praxis, 2004, 440 p. [in Rus].

18. Chesterton G.K. [Chesterton G.K.] (2004) Vechnyj chelovek, Moscow, Izd-vo Jeksmo, Sankt-Petersburg, Midgard, 704 p. [in Rus].

19. Jeko U. [Eco U.] (2006) Otsuststvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju, Saint Petersburg, «Simpozium», 544 p. [in Rus].

20. Jeko U. [Eco U.] (2007) Shest' progulok v literaturnyh leash, Sankt-Petersburg, Simpozium, 285 p. [in Rus].

21. Dawkins R. (2004) What Use is Religion? Free Inquiry magazine, v. 24, no 5, Aug-Sept. [in Eng].

UDC 130.2

PERMANENT MODERNITY: SOCIAL ASPECT

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,

Tyumen State University,

Chair of Philosophy,

Degree seeking student,

Tyumen, Russia.

E-mail: maltsev Yaroslav@gmail.com

Annotation

The article reveals the notion of permanent modernity through its two main levels: the level of Cartesian subject where permanent modernity exists as a way of reflection der Geist seiner Zeit ("spirit of the age" according to Hegel) and obtains its ontological grounds and the level of social on which there occurs abruption of commonness, polylogue of multitude and as a result there appears a new cultural/civilizational matrix.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subject,
commonness,
polylogue of subjects,
multitude.

УДК 396.9

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Хилобок Юлия Валериевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления (филиал), аспирант, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: kjb92@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается гендерная идентичность как одна из составляющих ядра социальной идентичности. Рассматривается появление двойных стандартов, исходя из структуры базовых гендерных идентификаций.

Ключевые понятия:

гендер, гендерная идентичность, социальная идентичность, ядро социальной идентичности.

Необходимость рассмотрения данной тематики заключается в том, что отсутствие, игнорирование гендерного подхода при рассмотрении социальной рефлексии, а также в политической теории и практике современной России чревато воспроизводством устаревших, неадекватных времени и целям демократической модернизации общества общественно-политических знаний и практик непригодных или препятствующих формированию компетентных политических взглядов и убеждений цивилизованного общества, что делает разработку и применение гендерной стратегии для развития России крайне актуальной.

Гендерный анализ, если его выводы становятся мировоззренческими ориентирами, позволяет проводить политические курсы, учитывающие гендерное различие, характер отношений между женщинами и мужчинами, а также их специфические социальные отношения, жизненные ожидания и экономические обстоятельства. В политических культурах, в которых не развиты гендерно ориентированные измерения, гендерно-чувствительная политика обречена на конфликт с доминирующими ценностями, определяющими правила организации и жизнедеятельности общества.

Развивающееся общество ставит перед человеком все более высокие требования в области формирования идентичности и освоения социальных ролей. Расширение спектра необходимых к усвоению социальных ролей усложняет процесс формирования идентичности в пользу повышения гибкости и вариабельности личностных характеристик, независимо от их традиционного восприятия исключительно как мужских или как женских. Гендерная идентичность личности проявляется как в выборе социальных ролей, принимаемых к освоению, так и в характере их исполнения, в максимальных целях, которые ставит перед собой личность [10].

Гендерная идентичность – базовая структура идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризирует [3]. Гендерная идентичность – личное восприятие своей половой принадлежности в связи с предписанными полу социальными функциями и статусом. В соответствии со сформировавшейся сексуальной идентичностью может происходить вторичная гендерная идентичность, которая определяет

соответствие личности новому образцу маскулинности – феминности, включающему более адекватные способы репрезентации себя обществу с учетом имеющейся системы гендерных отношений [4].

Формирование гендерной идентичности – это сложный и многоступенчатый процесс взаимодействия социокультурных и биологических факторов. Являясь одной из структур самосознания личности, гендерная идентичность играет определяющую роль в процессах адаптации и саморегуляции индивидуальных особенностей. Надо отметить, что в современном обществе наряду с установлением стабильной идентификации индивида с группой или общностью наблюдаются ситуации возникновения проблемных идентичностей, когда процесс отождествления индивидом себя с какой-либо социальной группой затруднен в силу личностных особенностей и/или, в силу проблематичного признания членства индивида со стороны группы, т.е. проблемная идентичность формируется при нарушении процесса идентификации. Таким образом, проблемную идентичность можно определить как состояние затруднения самоопределения индивида с точки зрения принадлежности к конкретной социальной

группе, вызванное отсутствием или несоответствием культурных образцов, предлагающих схемы ориентации и поведения в социуме [1].

Социальная идентичность – сложноорганизованная структура, в которой обычно разделяют ядро и периферию (Рисунок 1).

Гендерная идентичность является одной из составляющих ядра социальной идентичности. В отличие от периферийных, детерминированных социальным контекстом норм, изменения в которых происходят относительно быстро, базовые элементы идентификации стабильны. На наш взгляд, мы можем наблюдать два рода проблемных ситуаций гендерной идентификации. Первый возникает, когда представление о гендерной роли индивида и группы не совпадает. И второй когда группа находится во власти так называемых гендерных предубеждений.

Касаясь проблематики изучения идентичности, Макс Шелер, например, пишет, что «современный человек изменяет и совершенствует окружающий мир быстрее, чем себя, свое сознание, а потому не успевает вписаться в этот мир и становится целиком и полностью проблематичным» [12].

Рисунок 1. Социальная идентичность

Таблица 1

Типы проблемных ситуаций

<i>Характеристика социокультурного образца</i>	<i>Индивид</i>	<i>Группа</i>
Принципиально новый	Принимает	Не принимает
	Не принимает	Принимает
Трансформированный прежний	Принимает	Не принимает
	Не принимает	Принимает

Распространение бигендерности порождает еще одну проблемную ситуацию, при которой в традиционное гендерное поведение включаются роли пола противоположного. При этом нам кажется интересным, то, что одни изменения ролей обществом, если не одобряются, то молчаливо принимаются, другие же вызывают протест. Наблюдаются двойные стандарты в социальной рефлексии с точки зрения гендерной идентичности. С другой стороны, это можно рассматривать как защитный механизм ядра, стремящегося обезопасить себя от гендерных флуктуаций. Таким образом, сформированные в ядре базовые элементы гендерной идентичности способствуют появлению двойных стандартов.

Изменения в идентификации могут сталкиваться с четырьмя типами проблемных ситуаций (Таблица 1). Два первых из них можно отнести к ресоциализации (термин, предложенный Э. Гидденсом). Ресоциализация – это процесс, в результате которого происходит разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которым идет процесс усвоения или выработки иных норм [2].

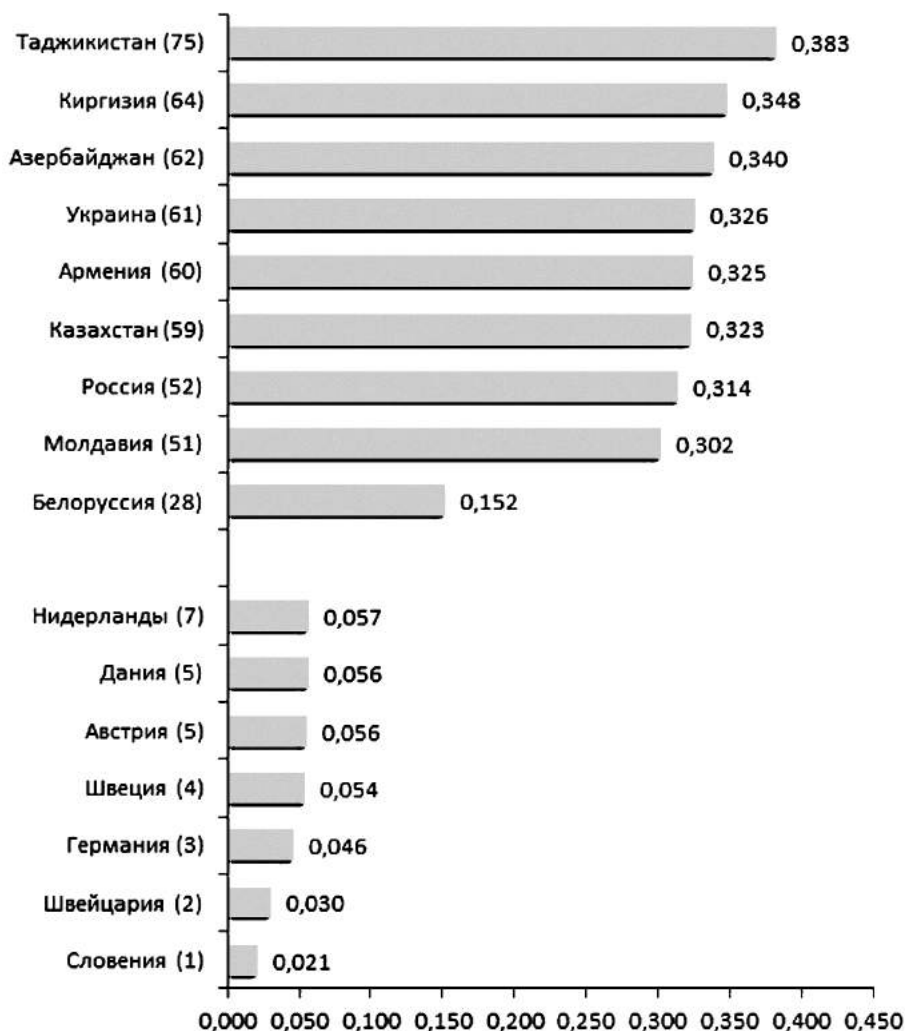
Индивид может принимать новый социокультурный образец, а группа нет, и наоборот. При этом наиболее серьезными являются ситуации, когда разногласия касаются установления принципиально нового, противоречащего старому, образца. На наш взгляд, важно на раннем этапе рассмотрения той или иной ситуации определить, к какому из типов она относится. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, насколько сложным будет процесс изменения гендерной идентичности.

Сегодня большинство изменений в гендерном поведении мужчин и женщин в России носят трансформационный характер и направлены на достижение равноправия полов. Это обусловлено тем, что гендерная дискриминация делает невозможным использование почти половины человеческого потенциала. Индекс гендерного неравенства свидетельствует о существовании диспаритета полов. Необходимо отметить, что ни в одной стране мира полное равноправие полов так и не достигнуто. На основе значения глобального индекса гендерного неравенства, рассчитанного в рамках Программы развития ООН (ПРООН), представлен рейтинг стран по этому показателю (Рисунок 2). ИГН складывается из репродуктивных показателей, а также прав и возможностей, в том числе на рынке труда, поясняет эксперт.

Необходимо обратить внимание на то, что данный индекс нельзя считать идеальным измерителем, так как он не учитывает сегрегацию профессий на женские и мужские, не принимает во внимание разрыв в зарплате по гендерному признаку и ряд других сведений. Отчасти недоработки индекса объясняются проблемами в статистике¹.

Гендерные стереотипы в трансляции женских образов сегодня связаны с проблемой «кризиса маскулинности», обозначившимся в постсоветский период экономической нестабильности, когда роль «мужчины-кормильца» оказалась под угрозой [5]. Экономические трансформации привели к воссозданию гендерного образа «настоящей мужественности» и его противоположности – «настоящей женственности». Кризис идентичности личности отразился на формировании стереотип-

¹ Исследования ВШЭ «Гендерное неравенство тормозит развитие» / Экспертный сайт «Открытая экономика» – ОРЕС.ru. <http://www.ores.ru/1752741.html>. (дата обращения: 10.10.2014).

Рисунок 2. Индекс гендерного неравенства–2013 в некоторых странах
(в скобках указано место страны в рейтинге стран по ИГН)

ного образа женщины в российских журналах для женщин. В них представлены гендерные образы женщин, отражающих неопатриархальную модель устройства общества [7]. Гендерный образ «супер-женщины», присутствующий на страницах «Cosmopolitan», аккумулирующий в себе красоту, профессиональную успешность и счастливую семейную жизнь, призван показать женщин более справедливо, фактически трудновыполним в реальной жизни [6].

Существует мнение, что женщина в своём поведении придерживается более консервативной линии, что заложено в ней и биологическими и социокультурными факторами (стабильность благополучия

семьи, забота о детях, беспокойство об их будущем), а мужчина наоборот завоевывает, преобразует этот мир. Что происходит в течение жизни каждого из них? Как меняются их ценности? Ведь представляется очевидным, что гендерные ценности имеют разную направленность, охватывают разные аспекты жизни человека. Попробуем разобраться в этом путем анализа приобретения и смены ролей мужчины и женщины в течение жизни.

Некоторые психологи, выражая разницу отношения будущих супругов к браку, часто обращаются к гендерному юмору: «Как женщина решает свои проблемы? – Выходит замуж. А мужчина? – Разводится». Такое стереотипное мнение сущес-

твует в обществе. Но так ли это? Усилия современного холостого мужчины, как правило, направлены на карьерный, личностный рост, материальное благополучие, прочные позиции в обществе. Но и женщины все чаще стремятся получить несколько образований, занять высокооплачиваемую должность, помогать родителям, быть самостоятельными и самодостаточными. Когда люди женятся, жизнь каждого из них меняется. И здесь возникают проблемы. Ориентиры мужчины в значительной степени не меняются, а лишь усиливаются, т.к. необходимо обеспечивать не только себя, но и семью. Образ жизни женщины меняется в значительной степени, и часто приходится выбирать: карьера или семья. Перед мужчиной такого выбора не стоит, его изначальные гендерные ценности не противоречат, а соответствуют целям семьи. Современные социально-экономические условия таковы, что для обеспечения материального благополучия семьи требуются усилия обоих супругов. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за последние несколько лет представления россиян о роли женщины в воспитании детей не претерпели кардинальных изменений. И тогда, и сейчас подавляющее большинство опрошенных считают, что женщине, имеющей детей, необходимо работать.¹

Женщина оказывается между стереотипированным жёсткими рамками ядра социальной идентичности обществом и реальной действительностью социально-экономических условий. При этом женщина порой и сама не понимает, какое поведение является правильным, что ей выбрать, какие ценности для нее приоритетнее, т.к. сама является носителем гендерных стереотипов, поэтому данный вопрос является глубинной внутриличностной проблемой.

В трансформационных процессах гендерной идентичности утрачивается жесткая однозначная связь между гендерной принадлежностью и социальной ролью. Процесс размывания изоморфизма гендер – социальная роль, становясь предметом социальной рефлексии, принципиально по-новому ставит вопрос о гендерной идентификации: тех, кого раньше называли «мужик в юбке», называют успешным менеджером, бизнес-леди, обра-

зец персонификации для которых «железная леди» – Маргарет Тэтчер.

Таким образом, механизм появления двойных стандартов диктуется жесткими рамками базовых гендерных идентификаций: если новые формы явно противоречат ядерным, то они жестко отвергаются, если же нет – молчаливо игнорируются, остаются без внимания, словно никаких изменений не произошло.

1. Ганеева, Е.И. Формирование проблемной идентичности: гендерный аспект [Текст] / Е. И. Ганеева // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 65–71.

2. Гидденс, Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс. М., 1999. 692 с.

3. Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины [Текст] / Е.П. Ильин. СПб.: Питер, 2002. 544 с.

4. Карпов, А.В. Проблема эмоционального интеллекта в парадигме современного мета-когнитивизма [Текст] / А.В. Карпов, А.С. Петровская // Вестник интегративной психологии. 2006. № 4. С. 316.

5. Смирнова, О.В. Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст [Текст] / О.В. Смирнова // Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова "Медиаскоп". URL: <http://www.mediascope.ru/node/963> (дата обращения: 27.09.2015).

6. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис. СПб, 2003. 54 с.

7. Чернова, Ж.В. Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин [Текст] / Ж.В. Чернова. URL: <http://ecsosman.hse.ru/iprog/topic/16226805/16217039.html> (дата обращения: 01.10.2015).

8. Швец, Л.Г. Фундаментальное и прикладное измерение в философии гендера [Текст] / Л.Г. Швец // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник – 2015. Ростов н/Д.: Изд-во ЮИРУ РАНХиГС, 2015. 764 с.

9. Швец, Л.Г. Власть, влияние, управление: базовые парадигмы и концепты [Текст] / Л.Г. Швец. Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2013. 300 с.

10. Швецова, А.Д. Особенности смысловой сферы мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью [Текст] / А.Д. Швецова // Высшее образование сегодня. 2009. № 4. С. 4447.

11. Шишлова, Е. Гендерная идентичность как фактор развития личности [Текст] / Е. Шишлова // Право и управление. XXI век. 2012. № 1 (22). С. 64.

12. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики [Текст] / Л.Б. Шнейдер. М., 2007. 128 с.

¹ Семейные ценности россиян / Пресс-выпуск № 236. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1447> (дата обращения: 10.10.2014).

References

1. Ganeeva E. I. (2008) Formirovanie problemnoj identichnosti: gendernyj aspect. Zhenshhina v rossijskom obshchestve, no. 3, pp. 65–71 [in Rus].
2. Giddens Je. (1999) Sociologija. Moscow, 692 p. [in Rus].
3. Il'in E. P. (2002) Differencial'naja psihofiziologija muzhchiny i zhenshhiny. Saint Petersburg: Piter, 544 p. [in Rus].
4. Karpov A. V., Petrovskaja A. S. (2006) Problema jemocional'nogo intelekta v paradigme sovremennogo meta-kognitivizma. Vestnik integrativnoj psihologii. no. 4, 316 p. [in Rus].
5. Smirnova O.V. (2015) Integracija gendernogo podhoda v zhurnalistskoe obrazovanie: rossijskij kontekst. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Fakul'teta zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova "Mediascope". 21.12.2011, available at: <http://www.mediascope.ru/node/963> (accessed 27.09.2015). [in Rus].
6. Harris R. (2003) Psihologija massovyh kommunikacij. Saint Petersburg, 54 p. [in Rus].
7. Chernova Zh. V. (2015) Gljancevye zhurnaly: izdanija dlja «nastojashhih» muzhchin i sovremennyh zhenshhin. <http://ecsocman.hse.ru/iprog/topic/16226805/16217039.html> (accessed 01.10.2015). [in Rus].
8. Shvec L.G. (2015) Fundamental'noe i prikladnoe izmerenie v filosofii gendera. Filosofskaja innovatika: problemy, poiski, reshenija. Ezhegodnik 2015. Rostov-on-Don.: Izd-vo JuRU RANHiGS, 764 p. [in Rus].
9. Shvec L.G. (2013) Vlast', vlijanie, upravlenie: bazovye paradigmy koncepty. Monografija. Rostov-on-Don. Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 300 p. [in Rus].
10. Shvecova A.D. (2009) Osobennosti smyslovoj sfery muzhchin i zhenshhin s raznoj gendernoj identichnost'ju. Psihologija lichnosti, pp. 44–47 [in Rus].
11. Shishlova E. (2012) Gendernaja identichnost' kak faktor razvitija lichnosti. Pravo i upravlenie. XXI vek. no. 1 (22), p. 64 [in Rus].
12. Shnejder L.B. (2007) Lichnostnaja, gendernaja i professional'naja identichnost': teorija i metody diagnostiki. Moscow, 128 p. [in Rus].

UDC 396.9

GENDER IDENTITY IN THE SPACE OF SOCIAL REFLECTION

Khilobok Yuliya Valerievna,

Russian Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management (branch),
Post-graduate student,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: kjv92@yandex.ru

Annotation

The author considers gender identity as one of the components of the core of social identity. Arising of double standards proceeding from the structure of basic gender identifications is analyzed.

Key concepts:

gender,
gender identity,
social identity,
core of social identity.

УДК 94 (47).084.6

ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ И НЕГАУССОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ-Zipf КРЕАТИВНОСТИ И IQ В ПОПУЛЯЦИИ

Вереш Петер,

Институт комплексных исследований гуманитарных наук АН Венгрии, ведущий научный сотрудник этнологического отдела, доктор исторических наук, профессор, г. Будапешт, Венгрия.
E-mail: p.veres@urcmail.hu

Аннотация

В данной статье речь идет о проблемах исследования креативности. Плотность талантов в этнической группе западными учеными рассчитывается по-разному. Некоторые из них придерживаются мнения, что она составляет 0,025%, или 1–2–3–4–5–6–8% от общей численности населения, другие предлагают 10–15–16–20–30–50%. Самый известный американский специалист по креатологии Дж. Рензулли более осторожен: он резко критикует тех, кто оценивает распределение креативности слишком низко (1–5%), сам он считает, что количество талантливых людей составляет 5–15–25% от численности населения. Из перечисленных цифр видно, что в настоящее время исследователи по-прежнему некритически следуют ошибочному методологическому предположению Ф. Гальтона (1822–1911). Психологи часто спорят о пресловутой концепции колоколообразной «Гауссовой кривой» как «нормального распределения» творческих личностей, предложенной Гальтоном еще в работе 1869 г. «Наследственный гений». Кроме того, многие западные ученые пытаются отождествлять талант, иногда даже и гениальность с интеллектом IQ выше 115–120 баллов. Хотя это традиционная статистическая процедура, миф IQ давно является неприемлемой с методологической точки зрения. Все это означает, что исследования о креативности являются весьма сложной научной проблемой и требуют междисциплинарного подхода.

По мнению автора, плотность творческих личностей в популяции не раскрывает гипотетически предполагаемое «нормальное распределение», которое принято большинством зарубежными психогенетиков под влиянием первой, но в корне ошибочной евгенической теории Гальтона. Его популярная статистическая гипотеза не была подкреплена, но и не была убедительно опровергнута последующими научными исследованиями в течение целых ста лет. По нашему мнению, распределение талантов в популяциях пред-

ставляет совершенно другую картину, обнаруженную итальянским социологом Вильфредо Парето (1848–1924), которая известна сегодня как «принцип Парето–Ципфа», или закон гиперболического распределения. Наша модель означает, что отношение потенциально креативных людей составляет квадратный корень $= 1/\sqrt{10}$ от общего числа населения. То есть, если за основу взять то, что количество людей в популяции равняется 100%, то число талантов в ней будет составлять 10%, то есть с математической точки зрения это корень квадратный или «геометрическая средняя». Поэтому следует обратить особое внимание на почти полностью забытую в психологической литературе 8%-ную группу талантов как в селективных, так и случайных выборках Гальтона, опубликованных им в свое время. Эта его необоснованно игнорируемая гипотеза заслуживает и в настоящее время пристального научного анализа, потому что полностью опровергает даже его собственную прекоцепцию – евгенику, т.е. неудачный статистический миф о наследственности таланта. К сожалению, до сих пор сознательно систематически пренебрегали этим ценным открытием Гальтона относительно случайного проявления креативности в популяции. Англосаксонские психологи, приверженцы пресловутой евгеники, занимающиеся тестированием IQ, некорректно ссылаясь на генетику, необдуманно осуществили бесчеловечную принудительную стерилизацию людей в США и Западной Европе в период 1908–1976 на основе весьма сомнительного тестирования IQ. В любом случае, в европейских обществах подлинную культуру приобретают лишь около 10% от общей численности населения. По теории коммуникации лишь 10% информации, по сравнению с общей информацией, является важной, то есть это корень квадратный из 100%. Кроме того, асимметричное функционирование обоих полушарий человеческого мозга – необходимое и неизбежное условие для проявления креативности, присутствует только у 10% от данной популяции. Ясно также и то, что доминирование правого полушария мозга (центр творчества, интуиции, предвидения и эмоциональная жизнь) также присутствует лишь у 10–12% данной популяции. В работе раскрывается теоретическая ограниченность псевдонаучных популярных технологий тестирования IQ в западных странах на протяжении столетия, стоящим за этим процессом ложным евгеническим методологическим посылом и вращающихся вокруг этого огромных капиталов.

Ключевые понятия:

гиперболическое распределение, коэффициент корреляции, креативность, кривая Гаусса, нормальное распределение, принудительная стерилизация, распределение Парето–Ципфа, гены, наследственность, генетическая закономерность Ликкена, мультипликативный комбинаторный эффект, интеллект, IQ, евгеника, синергетика.

Зарубежными, в основном западными учеными, процентное соотношение креативности в популяции рассчитывается по-разному. Некоторые из них считают, что творческие личности составляют 0,025–0,5%, или 1–2–3–4–5–6–8–9% от общей численности населения, другие полагают, что цифра креативных людей составляет около 10–20% в популяции, но внутри этого доминирует точка зрения, что этот показатель равен 3–16%. По мнению нобелевского лауреата П.Л. Капицы, около половины населения – творческие личности. Однако американский ученый Дж. Рензулли более осторожен. Он резко критикует тех своих коллег, которые считают долю талантливых людей слишком низкой (1–5%). По мнению Дж. Рензулли, количество творческих личностей в узком смысле составляет 5–10%, а в более широком смысле число талантов может достигать и 15–20–25% популяции [15, р. 321–328]. Из выше приведенных данных следует, что в настоящее время распределение креативности (и IQ) в этносах и биологических расах исследователями определяется совершенно по-разному, однако все они весьма охотно, но не критично следуют по стопам одного из величайших авторитетов в этой области – Фрэнсиса Гальтона (1822–1911). Другими словами, хотя ученые часто дискутируют по вопросу разного процентного соотношения творческих и умных людей в популяции, за редким исключением почти все западные психогенетики перманентно предпочитают печально знаменитое «нормальное распределение» [1, с. 9–243]. Более того, многие зарубежные психологи вслед за Л.М. Терманом (1883–1956) постоянно пытаются найти талант у тех людей, IQ которых составляет 130–150 баллов или еще выше, так как считают, что высокий коэффициент интеллектуальности является сам по себе одним из признаков гениальности. Однако это не соответствует действительности, и с методологической точки зрения такая статистическая процедура является недопустимой [7, р. 192]. По моему мнению, процентное соотношение креативных личностей в популяции совсем не раскрывает «нормального распределения» аддитивных признаков, принятого подавляющим большинством иностранных психогенетиков, которые находятся под

сильным влиянием евгенической прекоцепции Ф. Гальтона. Эта традиционная, но неверная рабочая гипотеза, начиная с 1865–69 гг., не была подкреплена последующими исследованиями в течение более чем ста лет, но тем не менее стала статистической основой популярной псевдонауки евгеники и тесно связанным с ней тестированием IQ, а также принудительной стерилизацией в 1908–1986 гг. в США под влиянием американских психологов и генетиков в большинстве стран Западной Европы [6, р. 239–345; 9, р. 124–242; 14, р. 321–336].

Например, венгерский исследователь Эндре Цейзел (1935–2015), как и его учитель, английский профессор по медицинской генетике К. Картер, а также нобелевский лауреат James D. Watson, или С. Burt, Н. Eysenck, А. Jensen, R. Herrnstein, Ch. Murray и P. Lynn, некорректно ссылаясь на статистику, утверждают, что «талант, как и IQ, не только можно измерять, но якобы непосредственно наследуется» [6, р. 245–345; 14, р. 322–336]. Зато известные американские исследователи P. Sorokin, M. Raznikoff, D. Simonton и D. Lykken не согласны с этой столетней евгенической концепцией. Именно Ликкен считает, что редкая оригинальная креативная личность появляется в популяции на основе случайных генетических комбинаций эмергенез<emergensis [8, р. 1565–1577; 13; 12, р. 453–466]. Эмерджентность, как известно из синергетики, означает происхождение тех свойств целого, которые не присущи его элементам. Этот новый подход под названием «методологический холизм» распространяется на социальные, психологические, а также генетические явления, обладающие некой целостностью, которая не равна сумме их составных элементов и которую невозможно понять, анализируя лишь отдельные составляющие [5, р. 267]. Эмерджентность (emergensis), таким образом, является общей частью современной науки и играет колоссальную роль в раскрытии секрета явления творчества. Свою интересную работу Ликкен опубликовал в 1982-м году. Однако в истории науки пока остается открытым вопрос авторства: самостоятельна ли он обнаружил закономерность эмерджентности в области креатологии или под влиянием умных предшественников, таких, как, напри-

мер: Francis Galton, Pitrim Sorokin (1927), Marvin Reznikoff (1973), ср.: David Brukus (2014) [4, p. 43–63; 11, p. 265].

Все это означает, что вопросы, связанные с исследованиями креативности, являются важной и одновременно спорной научной проблемой и требуют сложных междисциплинарных исследований. До сих пор специалисты еще не достигли консенсуса и даже попали в тупик в прошлом веке из-за своих ошибочных статистических методов корреляции и факторного анализа аддитивных признаков, на которых основываются «нормальное распределение» и гипотеза наследственности (h^2) тестов по IQ [1, с. 9–260; 14, p. 321–336]. По всей видимости, пресловутое «колоколообразное распределение» ввело в заблуждение большинство ученых, находящихся под сильным влиянием статистической прекоцепции Гальтона и поныне. Его популярная, но тем не менее некорректная евгеническая гипотеза, не была подкреплена последующими исследованиями XX века и поэтому совсем не решает проблему закономерности появления креативных личностей в популяции.

Распределение таланта (также IQ) в популяции по нашей гипотезе теоретически связано с совершенно другой моделью, а именно негауссовым распределением, близким логарифмическому или гиперболическому распределению, обнаруженному итальянским социологом и экономистом Вильфредо Парето (1848–1924), известному сегодня как «paradigma Zipf–Pareto» или распределение Ципфа [15, p. 23–325]. В связи с креативностью конкретно это означает, что если численность популяции составляет 100%, то число потенциально талантливых или умных людей в каждой популяции будет $1/10$, то есть 10%. Выражаясь математически – корень квадратный от общей численности населения в процентном отношении или «среднее геометрическое» [14, p. 322–336]. Интересно, что в европейских развитых обществах лишь около 10–12% населения имеет высокий культурный уровень. Это соответствует и теории коммуникации, по которой адекватная информация составляет около 10%, по сравнению с совокупностью всей информации. Кроме того, необходимое и неизбежное условие для проявления

таланта – асимметричное функционирование обоих полушарий человеческого мозга [2, с. 245–286]. Интересно, что явное преобладание правого полушария мозга, которое является центром креативности и творчества, интуиции и эмоциональной жизни, также присутствует только у 8–10–12% населения. Нашу концепцию относительно десятипроцентного соотношения талантов к общему числу населения поддерживают до сих пор почти неизвестные широкой научной общественности статистические расчеты Гальтона относительно случайного появления креативности в популяции, которые долгое время преднамеренно игнорировались именно специалистами Англии и Америки, хотя безусловно заслуживают пристального внимания современных психологов и историков науки, и тем более генетиков [14, p. 326–336].

Дело в том, что Гальтон уже в 1865–1868 гг. задался загадочным вопросом, почему у него в селективной и неселективной выборках получается совершенно одинаковое количество талантов у детей креативных и случайных отцов. Именно в селективной выборке за период четырех столетий с 1453 по 1853 г. сам Гальтон обнаружил 8% талантов, а в случайной выборке у него получился тот же самый результат, то есть каждая 12-я личность отличалась талантливостью, независимо от креативности родителей [11, p. 266; 14]. Однако этим важным фактом английский исследователь, создатель психологии таланта, пренебрёг из-за собственных евгенических предубеждений. Ведь, когда неожиданно выявилось одинаковое количество талантов в селективной и неселективной выборках, он просто испугался или не осознал полностью, что эти парадоксальные статистические данные свидетельствуют о важной закономерности, а именно: о случайном появлении креативности в популяции. Он вдруг понял, что эти неожиданные результаты противоречат его главному тезису о якобы наследственности таланта в семье. Тем не менее, Гальтон не собирався изменять свою евгеническую концепцию и полностью переписывать свою монографию «Наследственный гений» (1868), в которой стремился опровергнуть распространённую и мудрую народную поговорку: «Природа на детях отдыхает» [1,

с. 9–260]. Тем более, свою собственную родословную он возводил не только к Вильгельму Завоевателю и Карлу Великому, но даже к Ярославу Мудрому. Таким образом, роковую роль в дальнейших исследованиях сыграло то обстоятельство, что Гальтон считал себя гением и для подтверждения своей гипотезы о наследственности таланта привлёк генеалогическое дерево собственной семьи, его близким родственником был Ч. Дарвин [6, р. 48–54].

Видимо, далеко не случайное явление, что английские и американские генетики и психологи, изучающие поведение человека, в том числе креативность и интеллект с помощью корреляции и факторного анализа, то есть некорректным статистическим методом нормального распределения Гаусса, игнорировали эти интересные результаты Гальтона, когда тот неожиданно выявил совершенно одинаковое количество способных людей в селективной и неселективной (random) выборках у прямых потомков творческих и случайных отцов. На эти результаты Гальтона позднее обратил внимание лишь американский исследователь Давид Т. Ликкен и развил далее в теорию под названием «эмерджентность» (1982). Хотя в этом я полностью не уверен, так как Ликкен никогда и нигде не называл Гальтона предшественником или «пионером» своей концепции [8, р. 1565–1577]. В этой связи нельзя забывать, что Гальтон парадоксальным образом был одновременно основоположником двух совершенно противоречащих друг другу концепций креативности и интеллектуальности (IQ):

1) талант якобы наследуется в семьях из поколения в поколение;

2) креативность появляется в популяции случайно, то есть талант и интеллект не наследуются из поколения в поколение [11, р. 268; 14, р. 334–336].

Как и следовало ожидать, ошибочная гипотеза Гальтона, которая позже получила название «евгеника», молниеносно распространилась в научном мире и стала общепринятой в генетике и психологии креативности, а также тестировании IQ на протяжении более 100 лет [1, с. 9–260; 6, р. 122–131]. А другая, то есть верная, научно более обоснованная теория Гальтона о случайном проявлении, т.е. нена-

следственности таланта, была почти полностью забыта, и лишь спустя через век, когда Ликкен обратил на неё внимание и дал ей не совсем удачное название «emergence» [8, р. 1565–1577]. Однако Саймонтон в 1999-м году вместо этого названия использует термин «мультипликативность» относительно креативности, а Хюбей (E.S. Hubey) – тот же самый термин – относительно IQ [12, р. 432–446]. Это означает, что существует мультипликативный комбинаторный эффект генов, благодаря которому сумма действует сильнее, чем отдельные составные части. В этом смысле методологически гипотеза Хюбей [12, р. 410–450], в которой он предлагает традиционную дуальную модель Гальтона в терминах «генетика» (наследственность) и «среда», должна быть обозначена мультипликативной, то есть эмерджентной, а не аддитивной, как это более ста лет господствовало в психологии, – многообещающая.

На наш взгляд, одна из подозрительных ошибок Ликкена заключается в том, что он свою концепцию о случайном появлении креативности в популяции почему-то не распространял на явление интеллектуальности (IQ). Вдобавок к этому в числе 52-х американских психологов под руководством Уотсона он подписал расистское совместное заявление о том, что коэффициент интеллектуальности, то есть IQ, у представителей афроамериканского населения намного ниже, чем у белокожих, якобы по причинам «плохих генов», то есть неудачной наследственности, которую определяет как будто бы нормальное (гауссовское) распределение IQ. К сожалению, Ликкен глубоко ошибался, когда странным образом недооценивал свою же концепцию эмерджентности. Ведь его модель происхождения креативности несомненно дала правильное ответное решение на принципиально важный вопрос сложной проблемы, поставленной впервые в истории науки его предшественником Гальтоном [14, р. 322–336; 9, р. 27–43].

В связи с этим возникает законный вопрос: Д.Т. Ликкен, публикуя свою концепцию «эмергенез<эмергенезис», согласно которой креативность стохастическим образом, под влиянием мультипликативных комбинаций генов, проявляется в популяции, – пришел к собственному

выводу самостоятельно или всё же под влиянием старых расчетов Гальтона? Иными словами, не совершил ли частично плагиат Ликкен, когда в 1982-м году выдвинул свою неаддитивную генетическую модель «эмерджентности», согласно которой талант в популяции появляется случайно, поэтому креативность не наследуется от поколения к поколению, тем более не концентрируется в отдельных удачных семьях, социальных классах и этносах или биологических расах. Как это неверно этноцентрично или расистски предполагали многие вслед за Гальтоном более ста лет из-за его ошибочной альтернативной концепции под названием «евгеника».

Я лично думаю, что известный русский психолог Л.В. Малышева совершенно права, когда пишет в своей итоговой монографии «Модели интеллекта» (2006), что «парадигма тестирования психометрического интеллекта, в течение XX века, постоянно находилась в состоянии кризиса, с тех пор как были приняты первые попытки количественно измерить интеллект, т.е. практически с момента своего зарождения» (1904). К сожалению, эту методологическую проблему Ликкен просто не заметил, когда «создал» свою концепцию эмерджентности. Кроме этого, странно, что его дуальный подход поразительно похож на дихотомную концепцию Гальтона [14, р. 326–336; 11, р. 25–399].

Кстати, весьма важно, что в интересной монографии зарубежные психологи Г. Надлер, Й. Фаррел и С. Хабино утверждают, что во время каждого исторического периода у всех народов постоянно проявляется около 8% творческих личностей (элиты). Однако, к сожалению, авторы утверждают это без ссылки или особой аргументации [10, р. 143]. Я подозреваю, что эту константу (8% талантов) они заимствовали или у Гальтона, или попали под влияние их японского соавтора, который, безусловно, знал, что элитная группа самураев постоянно составляла около 8% от всего японского населения. По-видимому, под влиянием гениального Ф.М. Достоевского даже большевики Г. Зиновьев и В.И. Ленин давали такую же меру процентного соотношения элиты и масс в России (1918 г.). Интересно, что по данным социологичес-

ких исследований в развитых странах Европы и Америки в условиях повседневности лишь 10–12% взрослого населения активно интересуются политикой. Такая же тенденция активности в политической жизни, по свидетельству историков, наблюдалась в свое время в Древней Греции и Китае [14, р. 321–342].

По моему мнению, в этой связи также необходимо подчеркнуть влияние фактора случайности, следуя второй, т.е. верной, не евгенической концепции Гальтона, когда он выявил совершенно одинаковое количество, около 8% способных людей в селективной и неселективной выборках у прямых потомков творческих и неталантливых предков. Случайность заключается в том, что между двумя языками, которые генетически не родственны друг другу, также можно обнаружить именно 8% случайных совпадений по звучанию слов [14, р. 334–336]. Конечно, можно спросить, какое отношение имеет лингвистика к генетике креативности? Как ни удивительно, такая связь тем не менее существует. И мы узнаем это, если прочитаем работу Стива Джонаса – известного английского генетика из Института имени Гальтона [7, р. 192]. Автор монографии под названием «Язык генов» ссылается на весьма интересное замечание еще в 1892 году гениального открывателя ДНК – Йохана Мишуэра, по мнению которого «ДНК можно читать как язык, так как ДНК имеет азбуку и словарный фонд, даже грамматику и т.п.». Во избежание недоразумения этот лингвистический пример, как типологический изоморфизм из сравнительно-исторического языкознания, с позиций которого «между двумя языками, которые генетически не родственны друг другу, можно найти около 10% случайных совпадений». Это примеры, которые можно продолжить в качестве иллюстраций к концепциям креативности «Гальтона–Ликкена», а также П. Сорокина. Данная стохастическая зависимость обнаружена автором статьи [14, р. 334–336]. Во всяком случае, как известно, четко обозначенная научная проблема – это как минимум половина её решения.

По новейшим экспериментальным данным В.П. Леутина и Е.Л. Николаевой, адаптация к новым природным факторам даже у современного человека связана с

улучшением межполушарного переноса информации [2, с. 235–285]. Экстренность процессов адаптации приводит к усилению взаимодействия полушарий мозга в новых экологических условиях. Дело в том, что активизация полушарий мозга в процессе адаптации происходит поочередно. По мнению автора, открытие российских психофизиологов об асимметрии мозга помогает объяснить механизм культурной эволюции всего человечества, начиная с палеолита. Эти ученые первыми экспериментально доказали, что не гены, как ошибочно предполагали Миллер (H.J. Muller) и Уотсон (J.D. Watson) и др., а критические условия внешней обстановки вызывают перестройку деятельности полушарий. Это однозначно указывает на то, что творческие силы, креативность особей в этносах в прошлом росли под влиянием экологических изменений природно-климатической среды, которые способствовали культурно-хозяйственной адаптации к конкретной окружающей среде. Это недавнее интересное открытие об асимметрии мозга имеет большое научное значение, потому что дает возможность объективно реконструировать культурную историю народов мира. Вышеназванные русские специалисты сделали сенсационное открытие, которое имеет международное значение, когда убедительно доказали, что критические условия внешней, природно-климатической среды вызывают временную перестройку деятельности полушарий homo sapiens, когда до теленедоминантная гемисфера (правое полушарие), где локализован центр креативности, временно начинает доминировать в мозге человека. Важно знать, что левое полушарие мозга контролирует процесс восприятия всего стандартного и выполняет анализ полученной информации при помощи штампов [2, с. 203–283].

Другими словами, из этого следует, что в период экологических катастроф возможность реализации творческих потенциалов внутри данного этноса временно действительно повышалась. Культурно-хозяйственная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулировала появление потенциальной креативности любого народа. Тем более, каждый этнос является осознанной коммуникационной самоорганизующейся

адаптивной системой, которая спонтанно или сознательно перманентно старается приспособливаться к своему окружению, стремится повернуть ход событий в свою пользу. В этом существенную роль играет то, что во время ухудшения экологической обстановки, чтобы не погибнуть, функциональная асимметрия мозга является фактором, обеспечивающим адаптацию человека к новым климатически-географическим условиям [2, с. 203–283; 14, р. 334–336]. Климатологи разных стран совершенно правильно доказывали влияние локального и глобального изменения климата на хозяйственную деятельность человека в ходе истории. Хотя палеоклиматологи давно заметили эту интересную корреляцию, они не могли объяснить, почему именно так происходит мировая культурная эволюция. Причина этого странного недопонимания кроется, прежде всего, в методологии, именно в отсутствии интердисциплинарного подхода. Зарубежные специалисты по истории древнего климата не интересовались новыми результатами исследований мозга российских ученых [3, р. 134–259].

Следует обратить внимание и на то, что в США, где расовая проблема является одной из самых острых в мире, многие американские ученые в области тестирования IQ, а также журналисты из-за политической ангажированности пытаются отрицать ее существование, хотя это более чем очевидно, и в то же время охотно говорят о том, что в странах Восточной Европы в настоящее время усиливается «расизм». Необходимо дать достойный научный отпор этой терминологической путанице. Ведь некоторые англосаксонские психогенетики уже докатились до того, что дихотомию «мы-они», а также политические предпочтения при голосовании, и даже промышленную революцию, не говоря уже про IQ, объясняют «генетически детерминированным» культурным явлением, основываясь при этом на довоенных трудах немецких национал-социалистов (т.е. фашистов). В этом большую роль сыграл известный английский психолог Ханс Айзенк, родом из Германии. Его научную компетентность характеризуют часто некорректность и логические ошибки [14, р. 323–337].

Автор в своей работе доказывает, что утверждения американских и английских

психогенетиков о том, что интеллектуальный уровень IQ человека якобы является врожденным свойством и передается из поколения в поколение, является методологически неверным, как и представление о том, что дихотомия «мы-они» – генетически детерминированное культурное явление. Это ошибочное представление основывается на неверной, слегка модифицированной интерпретации столетней пресловутой евгенической прекоцепции Гальтона, кстати, поддерживаемой нобелевским лауреатом Уотсоном. Ведь Цейзел под влиянием англосаксонских психогенетиков до конца жизни необоснованно считал, что сугубо специфическое математическое статистическое правило R – регрессия, т.е. «возвращение к среднему», это якобы генетическая закономерность [6, p. 158]. Хотя в свое время именно Гальтон экспериментально убедительно доказал, что регрессия не имеет никакого отношения к наследственности, тем более – к генам. Правда, он сам не осознал значения своего же научного открытия, так как он был успешным статистиком, который не признал генетику, как его известный ученик К. Пирсон [14, p. 326–336]. К сожалению, нужно отметить следующее: видимо, правы те историки науки, которые считают, что иногда неверные концепции обретают в науке особую популярность, и для отказа от таких научных мифов требуется время сроком в столетие. Для достижения определенных результатов в науке исследователь должен обладать знаниями, историографическими данными и не в последнюю очередь – быть креативным.

1. Гальтон, Ф. Наследственность таланта. Законы и последствия [Текст] / Ф. Гальтон. М.: Мысль. 1996. 271 с.

2. Леутин, В.П. Функциональная асимметрия мозга [Текст] / В.П. Леутин, Е.Л. Николаева. СПб.: Речь, 2005. 366 с.

3. Behringer, W. Kulturgeschichte Klimas. München. 2007.

4. Burkus, D. The myth of creativity. New York. 2014. pp.44–63.

5. Christakis, N.A., Flower, J.H. Connected. Little, Brown and Company. New York-Boston-London. 2009.

6. Czeizel, E. A genetika. Budapest. Gondolatkiado'. 2001. 345 p.

7. Jones, S. The Language of the Genes. London. MacMillan. 2000. 192 p.

8. Lykken, D. T. Emergenesis mechanism. American Psychologist. 1982. 47. Pp. 1565–1577.

9. Michalko, M. Cracking creativity. The secrets of creative genius. N.Y. 2002. 243 p.

10. Nadler, G., J. Farrell, J., Habino, S. Creative Solution Finding. The Triumph of Full-Spectrum Creativity over conventional Thinking. Boston. 1995. 338 p.

11. Schultz, D., Schultz, S. A History of Modern Psychology. N.Y. 1969. 450 p.

12. Simonton, D.K. Talant and its development: An emergenic and epigenetic model. In: Psychological Review 106, 3, 446 p.

13. Taleb, N.N. Antifragile. Things that gain from disorder. N.Y. 2012. 762 p.

14. Veres, P. Creativity, its density and distribution in the population. A kreativita'sara'nya. In: Tarsadalomkutatas. Budapest. MTA. 2007. 321–341 pp.

15. Zipf, G.K. Human behaviour and the principle of the least effort: an introduction to human ecology. Addyson–Wesaley, Cambridge, MA. 1949. 325 p.

References

1. Gal'ton F. (1996) Nasledstvennost' talanta. Zakony i posledstviya. Moscow, Mysl', 271 p. [in Rus].

2. Leutin V.P. (2005) Funkcional'najaasimetri jamozga [Tekst] / V.P. Leutin, E.L. Nikolaeva. Saint Petersburg, Rech', 366 p. [in Rus].

3. Behringer W. (2007) Kulturgeschichte der Klimas. München [in Germ].

4. Burkus D. (2014) The myth of creativity. New York, pp. 44–63 [in Eng].

5. Christakis N.A., Flower J.H. (2009) Connected. Little, Brown and Company. New–York–Boston–London [in Eng].

6. Czeizel Endre (2001) A genetika. Budapest, Gondolatkiado', 345 p. [in Eng].

7. Jones S. (2000) The Language of the Genes. London, MacMillan, 192 p. [in Eng].

8. Lykken D.T. (1982) Emergenesis mechanism. American Psychologist. Pp. 1565–1577 [in Eng].

9. Michalko M. (2002) Cracking creativity. The secrets of creative genius. N.Y., 243 p. [in Eng].

10. Nadle G.J., Farrell J., Habino S. (1995) Creative Solution Finding. The Triumph of Full-Spectrum Creativity over conventional Thinking. Boston, 338 p. [in Eng].

11. Schultz D., Schultz S. (1969) A History of Modern Psychology. N.Y., 450 p. [in Eng].

12. Simonton D.K. Talant and its development: An emergenic and epigenetic model. In: Psychological Review 106, 3, 446 p. [in Eng].

13. Taleb N.N. (2012) Antifragile. Things that gain from disorder. N.Y., 762 p. [in Eng].

14. Veres P. (2007) Creativity, its density and distribution in the population. A kreativita'sara'nya. In: Tarsadalomkutatas. Budapest, MTA, 321–341 pp. [in Eng].

15. Zipf G.K. (1949) Human behaviour and the principle of the least effort: an introduction to human ecology. Addyson–Wesaley, Cambgridge, MA, 325 p. [in Eng].

UDC 94 (47).084.6

PERCENTAGE RATIO AND NON-GAUSSIAN DISTRIBUTION ZipF OF CREATIVITY AND IQ IN A POPULATION

Veresh Peter,

Institute of Complex Researches of the
Humanities of the Academy of Science of
Hungary,
Leading Research Scientist of Ethnological
Department,
Doctor of History, Professor,
Budapest, Hungary.
E-mail: p.veres@upcmail.hu

Annotation

The article focuses on the problems of studying creativity. Western scientists calculate density of talents in an ethnic group differently. Some of them are of the opinion that it is 0,025% or 1–2–3–4–5–6–8% out of total population, some suggest 10–15–16–20–30–50%. The most prominent American specialist in creatology J. Renaully is more cautious; he strongly criticizes those who appreciate distribution of creativity too low (1–5%), he himself considers that the number of creative people is 5–15–25% out of general population. The given figures show that currently researches still follow the wrong methodological supposition of F. Galton (1822–1911). Psychologists often dispute about the notorious conception of bell Gaussian curve as “normal distribution” of talented people suggested by Galton in his work “Hereditary Genius” in 1809.

Besides, many western scientists try to identify talent, sometimes even stroke of genius with intellect with IQ over 115–120 grades. Though it is a traditional statistic procedure myth of IQ has been considered unacceptable from methodological point of view for a long time. All this means that studying creativity is quite a complicated scientific problem and requires cross-disciplinary approach. According to the author, density of talented people in a population doesn't reveal hypothetically suggested “normal distribution” accepted by the majority of foreign psychogenetists under the influence of the first profoundly wrong eugenic theory of Galton. His popular statistical hypothesis has been neither supported nor convincingly disproved by following scientific researches for a hundred years. We think that distribution of talents in a population presents a completely different

picture found by an Italian sociologist Vilfredo Pareto (1848–1924), which is now known as the Pareto and Zipf principle or the law of hyperbolic distribution. Our model means that the proportion of potentially creative people is the square root = 1/10 of general population. If we take as a basis that the number of people in a population is 100% then the number of talents in it is 10% that from mathematical point of view it is a square root or geometrical average. Consequently it is necessary to pay attention to the completely forgotten in psychological literature 8% group of talents both in selective and random selections of Galton published in his times. This unreasonably ignored hypothesis currently deserves thorough scientific analysis because it completely disproves his own preconception – eugenics that is unsuccessful myth about heredity of talent. Unfortunately, this valuable discovery of Galton concerning random manifestation of talents in a population has been systematically neglected. Anglo-Saxon psychologists supporters of the notorious eugenics dealing with testing IQ non-correctly referring to genetics realized cruel forced sterilization of people in the USA and Western Europe in 1908, 1976 on the basis of quite a doubtful testing of IQ. Anyway in European society true culture is acquired only by 10% of general population. According to the theory of communication only 10% of information in comparison with general information is important that is it is the square root of 100%. Besides only 10% of the given population has asymmetric functioning of both hemispheres of human brain a necessary and inevitable condition for realizing creativity. It is also clear that only 10–125 of the given population has dominating of the right hemisphere (the center of creativity, intuition, foreseeing and emotional life). The author reveals theoretical limitation of pseudoscientific popular technologies of testing IQ in western countries over a hundred of years, following it false eugenic methodological message and rotating round it great amount of assets.

Key concepts:

hyperbolic distribution,
index of correlation,
creativity,
Gaussian curve,
normal distribution,
forced sterilization,
Pareto and Zipf distribution,
genes,
heredity,
genetic predicted patterns of Likken,
multiplicative combinatory effect,
intellect,
IQ,
eugenics,
synergetics.

УДК 94.(47).084

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Фельдман Михаил Аркадьевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
профессор кафедры государственного
управления и политических технологий,
доктор исторических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и институтов гражданского общества. Анализируются каналы влияния гражданского общества на подготовку и принятие решений органов исполнительной власти.

Ключевые понятия:

общественные объединения,
гражданские инициативы,
взаимодействие.

Современный этап развития российского общества характеризуется усложнением управленческих задач, встающих перед государственными институтами. Это обусловлено тем, что усложняется структура общества в целом, разрабатывается и детализируется нормативно-правовая база функционирования страны, возрастает общественный интерес к процессам государственного и муниципального управления. Для выражения интересов различных сегментов социума становится недостаточно традиционных институтов представительной власти.

Этот процесс актуализируется интенсификацией использования населением различных форм гражданского участия в управлении государством: начиная от возросшего количества митингов, заканчивая созданием различного рода объединений граждан на институциональном уровне. В таких условиях популяризируется идея об осуществлении контроля со стороны.

По мнению А.В. Клименко, современные теории и методы государственного управления широко используют идеи и технологии обратной связи с клиентами государства, институтами гражданского общества, их участия в обсуждении и принятии решений. Все большую популярность завоевывают практики разделения ответственности, наделения полномочиями, аутсорсинга, государственно-частного партнерства, участия в управлении (в целом – participatory governance). Российская Федерация по количеству формальных институтов, созданных для взаимодействия исполнительной власти с гражданским обществом, наверное, является одним из мировых лидеров. Примером такого наделения полномочиями стал институт Общественных палат. Подавляющее большинство органов исполнительной власти на всех уровнях имеют *общественные советы*.

Без обсуждения с представителями популярных общественных организаций и ассоциаций представителей бизнеса, экспертного сообщества не обходится принятие ни одного важного для страны (региона, муниципалитета) документа. Значительная часть стратегических документов инициирована и подготовлена с участием экспертов.

Вместе с тем, отмечает А.В. Клименко, сложно оспорить существующее мнение о том, что роль таких институтов в значительной степени является *формальной*, а их персональный состав формируется в основном из лояльных по отношению к органам власти участников. Тем не менее, возможность выразить свое мнение у наиболее крупных общественных организаций и значимых экспертов имеется [1, с. 34].

Вместе с тем, подчеркивает А.В. Клименко, требования законодательства о доступе к информации реализуются пока не полностью. Фактически лишь портал ФМС России соответствует этим требованиям на сто процентов. По данным мониторинга информационной открытости в среднем по федеральным органам власти требования законодательства выполнены лишь на 60%. Создание Общественной палаты РФ, сети общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, различного рода комиссий и рабочих групп, Экспертного совета при Правительстве РФ способствовало развитию прямого участия гражданского общества в обсуждении и принятии решений. Многие стратегические документы, регламентирующие акты не принимаются без обсуждения или независимой экспертизы [1, с. 35].

Л.И. Никовская посвятила свою работу теме публичной политики. Под публичной политикой автор понимает открытое функционирование совокупности взаимосвязанных институтов, механизмов и правил, обеспечивающее ключевым субъектам политического процесса, включая граждан, участие в выработке «повестки дня», ее реализации и контроле за выполнением значимых социально-политических решений, направленных на отстаивание общественных интересов при наличии несовпадающих позиций в условиях неопределенности и конфликта. Последние два года показали, что публично-политическое участие граждан и структур гражданского общества в работе органов власти становится одним из важных механизмов политического управления. В принципе говорить нужно о создании условий для социально-политической инновации – т.е. тех новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали бы социальной оптимизации общества и повышению качества жизни большинства людей. Поэтому представляется важным, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в себя науку (а она в контексте гражданского общества, как правило, вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО, и такой важнейший институт, как независимые и компетентные СМИ [2, с. 86].

В научной литературе общественные палаты и общественные советы; структуры уполномоченных по правам человека все

чаще рассматриваются в качестве *институтов посредников* между органами власти и жителями страны; дается позитивная оценка работе отдельных переговорных площадок, на которых озвучиваются реальные проблемы, разрабатываются проекты нормативных актов – например Координационного совета НКО при Петербургской Общественной палате, чья деятельность уже близка к партнерской модели [3, с. 167, 170, 174].

В рамках административной реформы (2003–2013 гг.) ставилась задача разработать нормативно-правовую и методическую базу и внедрить механизмы повышения открытости государственных и муниципальных органов, а также обеспечить совершенствование взаимодействия органов исполнительной власти и общества. В частности, необходимо было создать действенные каналы влияния гражданского общества (граждан, организаций, делового сообщества) на подготовку и принятие затрагивающих их права и законные интересы решений органов исполнительной власти¹.

Необходимо также было обеспечить приведение ведомственных Интернет-порталов в соответствие с общими требованиями по размещению информации о деятельности органов исполнительной власти в сети Интернет. В целом предполагалось создание системы контроля деятельности государственных служащих со стороны институтов гражданского общества.

Особую роль в преодолении сохраняющихся проблем должен был сыграть Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»². Сам текст Указа представляет собой, по сути, «первую ступень ракеты», выводящей на орбиту целый ряд законодательных и нормативных мероприятий. На основе Указа в регионах РФ с 1 января 2014 г. введено проведение *регулярного, системного опроса граждан и оценки ими эффективности* деятельности руководителей территориальных органов иных федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений), предоставляющих государственные услуги, в соответствии с перечнем, определяемым Правительственной комиссией по проведению административной реформы. Оценка эффективности деятельности руководителей проводится гражданами по результатам предоставления государственных услуг. Принципиальная новизна этого положения

¹ Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы): Федеральная программа, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

² Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

связана как с периодом оценки – каждый год, так и формой опроса – всеми видами электронных технологий.

Практика 2014–2015 гг. показывает, что, в реальности оценка деятельности руководителей субъектов РФ представляет куда более сложную составляющую из мнения работников администрации президента, оценок экспертов общероссийских социологических центров и опросов самого населения. Тем не менее, механизм отстранения региональных лидеров от рычагов управления в зависимости от степени поддержки населения в период между избирательными циклами пришел в действие. Указом губернатора Свердловской области от 21.04.2014 г. № 202-УГ «Об оценке населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области с 2015 г.» введена система объективных критериев оценки населением деятельности руководителей органов местного самоуправления муниципальных образований³. Однако в самом тексте Указа губернатора содержится ряд положений, затрудняющих объективность оценки. Во-первых, население опрашивается по трем конкретным позициям: удовлетворенность населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании (процентов от числа опрошенных); удовлетворенность населения качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании (процентов от числа опрошенных); удовлетворенность населения жилищно-коммунальными услугами: уровнем организации теплоснабжения (снабжения населения топливом), водоснабжения (водоотведения), электроснабжения, газоснабжения (процентов от числа опрошенных), но без методики подсчета интегрального результата по эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления. Во-вторых, итоги указанных выше опросов населения подводят областные министерства, отвечающие за указанные направления (энергетики и жилищно-коммунального хозяйства и транспорта и связи Свердловской области), т.е. *заинтересованные стороны*. В-третьих, общую оценку выставляет экспертная комиссия во главе с первыми лицами региона, что позволяет дополнять оценку граждан суждениями об исполнительности руководителей органов местного самоуправления. Все это затрудняет выявление подлинной оценки работы органов власти на местах.

Практика 2012–2015 гг. свидетельствует только о частичном выполнении требований

документов административной реформы об обеспечении открытого доступа граждан к документам министерств и ведомств, администрации муниципальных образований.

Связующим звеном между органами исполнительной власти и институтами гражданского общества должны были стать *Общественные палаты*. Закон об Общественной палате Свердловской области определил круг задач и основные формы деятельности палаты во исполнение названной выше цели. Задачами Общественной палаты являются:

1) привлечение граждан и общественных объединений к реализации единой государственной политики в Свердловской области;

2) выдвижение и поддержка гражданских инициатив, направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов общественных объединений;

3) выработка рекомендаций для государственных органов Свердловской области в сфере государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Свердловской области;

4) проведение общественной, в том числе антикоррупционной, экспертизы нормативных правовых актов Свердловской области и проектов нормативных правовых актов Свердловской области;

5) осуществление общественного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и законодательства Свердловской области;

6) взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами субъектов Российской Федерации и общественными палатами муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области;

7) оказание информационной, методической и иной помощи общественным палатам муниципальных образований, расположенных на территории области.

Основными формами работы Общественной палаты являются пленарные заседания, заседания совета, комиссий и рабочих групп Общественной палаты.

Согласно докладом Общественной палаты Свердловской области о состоянии гражданского общества в области успешно работают многочисленные общественные, национальные, ветеранские, профсоюзные, молодежные, патриотические, творческие организации. В настоящее время на территории Свердловской области действует более 7 тысяч некоммерческих организаций самого

³ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

разного организационно-правового статуса и самого различного профиля деятельности.

Общественной палатой Свердловской области первого созыва (14 июня 2010 г. – 14 июня 2012 г.) в соответствии с регламентом было проведено восемь заседаний. Благодаря общественной экспертизе, общественным слушаниям были подготовлены рекомендации и предложения по 23 законопроектам⁴.

Заключения Общественной палаты систематически отправлялись губернатору Свердловской области, в Законодательное Собрание Свердловской области, в Правительство Свердловской области. Однако следует отметить, что ни в отчетных документах, ни на сайте Общественной палаты нет информации о том, какие законы с заключениями палаты одобрены органами власти, а какие – отклонены.

Главной особенностью решений Общественной палаты по результатам экспертизы проектов законов является то, что они носят *исключительно рекомендательный характер*. Все заключения Общественной палаты в обязательном порядке должны быть рассмотрены в рамках пленарных и иных заседаний вышеупомянутых органов власти. Им должна быть дана оценка, при этом заслушиваются мнения членов Общественной палаты, которые должны быть приглашены на соответствующее заседание для разъяснения своей позиции по заключению, а также заслушиваются мнения представителей органов власти, делаются определенные выводы о дальнейших действиях в рамках принятия соответствующего нормативного правового акта и его реализации.

Среди законопроектов, особо остро затрагивающих права и свободу граждан России, по которым Общественной палатой Свердловской области были проведены общественная экспертиза и организованы публичные дискуссии можно отметить проекты законов «Об образовании», «О полиции» (экспертиза законопроекта отмечена как одна из лучших в России), «О законодательной инициативе по защите прав и законных интересов семьи и социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье», о коррупции, экспертиза программ демографического развития в субъектах УрФО, разработка Концепции государственной семейной политики РФ до 2025 г., Концепции защиты детства в дискуссии Общественной палаты РФ по ювенальной юстиции и другие.

Общественной палатой Свердловской области за 2010–2015 гг. были проведены «круглые столы», затрагивающие семейную политику и вопросы демографии, развитие общественных связей и информационной политики, межнациональные отношения и вопросы миграции, экологию и проблемы землепользования; вопросы помощи Крыму. Итогом проведенных «круглых столов» явились документы с рекомендациями, которые были направлены в адрес правительства, губернатора, прокурора Свердловской области. Под патронажем Общественной палаты Свердловской области и в условиях постоянного общественного контроля только в 2014 г. государственную поддержку в результате конкурсного отбора получили 106 социально ориентированных некоммерческих организаций на реализацию 174 социально значимых проектов в области образования, культуры, социальной защиты, физической культуры, спорта и молодежной политики⁵. В 2014 г. на поддержку некоммерческих организаций, работающих в области культуры, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта и молодежной политики, было предусмотрено из областного бюджета 126 363,6 тыс. рублей. Для некоммерческих организаций на безвозмездной основе предоставляются помещения органов государственной власти и подведомственных им учреждений, в частности, для таких социально известных организаций, как «Всероссийское общество инвалидов», «Добровольческое движение «Дорогами Добра», «Союз правозащитных организаций Свердловской области» и др.

Общественной палатой Свердловской области в 2014 г. был проведен мониторинг исполнения законодательства. Например: исполнения на местном уровне о защите малого и среднего бизнеса о выкупе малым бизнесом арендуемых у муниципалитета помещений; инновационной законодательной базы (ход реализации закона № 217-ФЗ по вопросам создания малых инновационных предприятий при вузах и научных учреждениях); совместно с прокуратурой и Российским союзом промышленников и предпринимателей хода реализации закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В период двухлетней деятельности (2012–2014 гг.) Общественная палата рабо-

⁴ Об Общественной палате Свердловской области: Закон Свердловской области от 19 февраля 2010 г. № 4-ОЗ. Ст.2. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁵ Доклад Общественной палаты Свердловской области «О состоянии и развитии гражданского общества в Свердловской области в 2012 году» // Текущий архив Общественной палаты Свердловской области.

тала с письмами организаций, трудящихся и направляла запросы в вышестоящие организации. Из отправленных 325 документов ответы не получены только на 9 запросов. В отчетах Общественной палаты Свердловской области за первые года работы невозможно не заметить, что объем проделанной работы достаточно велик. Но в организационной части и в процессе исполнения Общественной палатой функций есть существенные недостатки.

Общественная палата – это форма взаимодействия граждан и органов государственной власти. Особый правовой статус не ставит ее в прямое подчинение государству. Но при этом деятельность Общественной палаты обеспечивается ее аппаратом, который является государственным учреждением. Аппарат Общественной палаты Свердловской области в своей работе тесно взаимодействует с администрацией губернатора Свердловской области. *В этой связи невозможно утверждать, что данный институт полновластно автономен и не зависит от органов власти.* Можно с большой вероятностью полагать, что Общественная палата в данном случае выступает каналом лоббирования политических интересов действующих властей.

Состав института Общественных палат в соответствии с законодательством РФ и ее субъектов формируется таким образом, что значительная и отчасти решающая роль в формировании состава отведена органам государственной власти.

Исходя из выборы членов в Общественную палату стратификация выглядит довольно странно: общество представлено либо только членами определенных зарегистрированных публичных образований, либо заслуженными гражданами или же государственными чиновниками.

Судя по отчетам Общественной палаты Свердловской области, Гражданского форума, работники Департамента внутренней политики губернатора Свердловской области активно участвуют во взаимодействии органов власти и институтов гражданского общества. В первую очередь это касается Управления Департамента по взаимодействию с общественными организациями.

Речь идет не только о личном участии во всех практических мероприятиях. Фактически вся деятельность упомянутых институтов гражданского общества планируется, координируется, контролируется, изменяется в зависимости от ситуации представителями Департамента внутренней политики.

К сожалению, работу Департамента и его управлений характеризует отсутствие на сайтах подразделений информации о деятельности

по организации взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества.

Можно выделить ряд закономерностей, характерных для современного этапа процесса взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества:

1. *Создание управляемых сверху «площадок» для публичного диалога.* Наиболее яркий пример – Общественная палата. В своих докладах Общественная палата Свердловской области сообщает о многогранной эффективной и положительной работе, о количестве проведенных «круглых столов», заседаний комиссий и др. Но в докладах отсутствует информация о реализации основной функции Общественной палаты – степени учета и аккумуляции обращений, запросов граждан; степени независимого представительства интересов населения. Отсутствует аналитика о качественной стороне взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества. Нет сведений о результатах такого взаимодействия.

2. *Создание управляемых общественных движений.* Наиболее яркий пример – Общественный народный фронт, основной функцией которого является контроль над исполнением указов и поручений главы государства, а также борьба с коррупцией. На сегодняшний день в ряды «фронтовиков» влились представители молодежных, женских, профсоюзных организаций, в том числе Федерации независимых профсоюзов России, Союза пенсионеров России, Союза женщин России, ряд профессиональных сообществ.

3. *Направление вектора деятельности институтов гражданского общества на интересующие власть мероприятия.*

4. *Активизация деятельности в период выборов и в интересах правящей партии.* Созданные управляемые площадки заметно активизируют свою работу в ограниченные периоды времени за несколько месяцев до выборов, и в каждом из мероприятий мы можем видеть, как искусственно созданные организации поддерживают правящую партию.

5. *Закрытость или полузакрытость информации.* Фактически исследование по указанной проблеме во многом вынуждено ориентироваться на косвенные источники.

В связи с этим совершенствование механизмов взаимодействия власти и общества следует начать с решения проблем, которые возникли в процессе работы Общественных палат:

1. Необходимо законодательно определить и обосновать необходимое и достаточное количество членов палат на федеральном, региональном и местном уровнях.

2. Институт Общественных палат должен приобрести максимально возможную

политическую независимость. В этой связи рационально отказаться от назначения членов палат соответствующими должностными лицами. Полномочия по участию в формировании состава Общественных палат нужно передать некоммерческим организациям, профсоюзам, общественным объединениям. Сам отбор членов должен происходить при помощи открытого конкурса.

3. Порядок участия Общественной палаты в законотворческом процессе путем проведения общественной экспертизы должен быть частично изменен. Необходимо ввести норму, согласно которой орган государственной власти или местного самоуправления, в случае отклонения предложений и рекомендаций Общественной палаты, обязан обосновать и мотивировать свой отказ в письменной форме. Все заключения органов власти палата может публиковать в ежегодных отчетах и докладах о своей деятельности.

Что же касается самих искусственно созданных институтов гражданского общества, то здесь ситуация не на много лучше. Образование многих общественных организаций (наиболее яркий пример – ОНФ) происходили по указке сверху, а не наоборот, что в самом корне меняет их сущность и назначение; сводится к проведению деятельности под контролем правящей партии, противоречит самому понятию «институт гражданского общества». На основе этого можно сделать вывод о том, что система взаимодействия власти с институтами гражданского общества в Свердловской области находится в зачаточном состоянии и нуждается в коренном изменении.

1. Клименко, А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы [Текст] / А.В.Клименко // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–43.

2. Никовская, Л.И. Оценка действенности институтов публичной политики в России [Текст] / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 77–86.

3. Сунгуров, А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Статья 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт [Текст] / А.И. Сунгуров и др. / Полис. 2012 № 1. С. 165–178.

References

1. Klivenko A.V. (2014) Voprosy gosudarctvennogo i municipal'nogo upravlenija, no. 1, pp. 8–43 [in Rus].

2. Nikovskaja L.I., Jakimec V.N. (2013) Voprosy gosudarctvennogo i municipal'nogo upravlenija, no. 2, pp. 77–86 [in Rus].

3. Sungurov A.Ju. i dr. (2012) Polis. no. 1, pp. 165–178 [in Rus].

UDC 94.(47).084

IMPROVEMENT OF THE EFFECTIVENESS OF INTERRELATIONS BETWEEN EXECUTIVE BRANCH AUTHORITIES AND INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN A REGION: INSTITUTIONAL ASPECTS

Feldman Mikhail Arkadyevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration (branch), Professor of the Department Chair of Public Administration and Political Technologies, Doctor of History, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Annotation

The article focuses on the problem of effective interrelations between executive branch authorities and institutions of civil society. The author analyzes the channels for civil society to influence preparing and making decision by executive branch authorities.

Key concepts:

social associations, citizens' initiative, Interrelation.

УДК 316.614.6

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Гуляихин Вячеслав Николаевич,
Волгоградский государственный
университет,
заведующий кафедрой социальной
работы и педагогики,
доктор философских наук, доцент,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: gulyaich@yandex.ru

Фантров Павел Петрович,
Волгоградский государственный
университет,
кафедра социальной работы
и педагогики,
аспирант,
специалист по учебно-методической
работе,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: pavelfantrov@rambler.ru

Аннотация

В последние годы значительное внимание исследователей привлекает проблематика правовой социализации. В статье выявляется опосредованная зависимость данного научного дискурса от политических предпочтений ученых, дается оценка влиянию политических ценностей и представлений на развитие теории и практики правовой социализации. Авторы признают, что на протяжении последних лет остается наиболее влиятельным методологический подход к исследованию проблем правовой социализации, разработанный на основе теории когнитивного развития. В контексте данного подхода была создана методика спонтанных и выборочных ассоциаций. Ее использование позволило дать оценку отношения молодых российских граждан к представителям трех основных ветвей государственной власти, которые благодаря своему общественному статусу являются влиятельными агентами правовой социализации.

Ключевые понятия:
правовая социализация,
политические ценности,
правосознание,
социальная норма,
правовые представления,
выборочные ассоциации,
молодежь.

Зарождение теории правовой социализации, как самостоятельного научного направления, приходится на семидесятые года XX века. В это время большинство ученых, занимающихся исследованием проблем социализации, еще не отделяет правовую социализацию от политической [8]. Но именно в этот период изучение процессов правовой социализации становится самостоятельным научным направлением, хотя и продолжает оставаться в тени проблематики политической социализации. Такая зависимость была вызвана глобальным противостоянием коммунистической и либерально-консервативной идеологий, а также чередой политических и социально-экономических кризисов, прокатившихся в то время по Западному миру и обостривших его внутренние проблемы. Разработка теорий и моделей политической социализации признавалась более актуальным исследованием в свете идущей ожесточенной идеологической борьбы между Западом и странами «социалистического лагеря».

В семидесятые годы XX века сложились два основных методологических подхода к исследованию проблем правовой социализации: теория социального обучения и концепция когнитивного развития.

В основу теории социального обучения была положена идея канадского психолога А. Бандуры о том, что становление субъекта происходит в зависимости от социального окружения, когда человек перенимает модель поведения Другого в процессе наблюдения за ним. В общественной среде субъект оказывается под воздействием сложной системы формальных и неформальных порицаний и поощрений, которые могут быть не всегда адекватными и справедливыми. Под влиянием социальной среды человек может стать законопослушным гражданином или встать на путь правового цинизма, отвергая те моральные, правовые и социально-политические установки поведения, которые доминируют в коллективном сознании социума. Если не касаться частностей, то идея А. Бандуры не выходит за рамки содержания одного из принципов марксистской философии: «общественное бытие определяет общественное сознание».

Сторонники концепции когнитивного развития (Д. Тапп, Ф. Левин и др.) признавали правовое мышление доминирующим фактором правовой социализации. Они исходили из того, что благодаря принципу диалектики человек понимает и принимает социальные нормы и правовые идеи, включает их в механизмы, регулирующие конфликты и предконфликтные ситуации, а также

определяет их соответствие общественному прогрессу [13]. Д. Тапп и Ф. Левин пришли к выводу о том, что процесс правовой социализации может дублировать и «перекрывать» этическую и политическую социализацию [13]. Благодаря ей у человека формируются «карты этической законности», которые содержат не только критерии разрешенного и запрещенного, но и справедливого и несправедливого.

В качестве методологической базы концепция когнитивного развития была использована Д. Луин-Тапп в процессе совместного советско-американского социологического исследования проблем правовой социализации, проходящих в период перестройки (1987–1991 гг.) [12]. В ходе совместной работы возникало множество противоречий между советскими и американскими учеными, вызванными значительными различиями в методологии и методике исследования, а также существенными расхождениями в идеологических и политических предпочтениях. В статье «География правовой социализации: научные и социальные маркеры» Д. Луин-Тапп сетует на то, что советские участники проекта слишком политизировали научно-методологические проблемы правовой социализации, порой отказываясь обсуждать некоторые из них из-за возможного нарушения идеологического табу, их методы и алгоритмы исследования находились в прямой зависимости от тактических и стратегических целей советских политических лидеров [11]. Американский социолог получила категорический отказ на ее предложение обсудить справедливость законов, действующих в СССР. Более того, были случаи административного вмешательства с целью «коррекции» результатов эмпирического исследования для «обоснования» правильности и эффективности существующей системы правосудия. Хотя в то же время советскими учеными допускалась критика действий местных властей и милиции, но только при условии соблюдения идеологического нейтралитета.

Для дальнейшего развития теории правовой социализации стал знаковым совместный научный труд американских ученых Э.С. Кон и С.О. Вайт «Правовая социализация: исследование норм и правил» [6]. Эмпирической базой их исследования стали результаты изучения общественно-правового поведения разных групп американских студентов, проживающих в общежитиях кампуса. Для одних студентов был искусственно создан «авторитарный» режим проживания, когда его нормы и правила устанавливались и «навязывались» извне администрацией. Для другой группы испытуемых был создан

«либеральный» режим, нормы и правила которого устанавливали выборщики, избравшиеся из числа самих студентов, проживающих в кампусе. Особое внимание Э.С. Кон и С.О. Вайт обращали на образ, способы и особенности правового мышления студентов, а также на их логику и систему аргументации, которыми они пользовались в ходе обсуждения и оценки установленных в общежитии правил и норм, получавших статус подзаконных нормативно-правовых актов, имеющих локальный характер. Американские исследователи стремились обнаружить прямую связь между абстрактным правовым мышлением субъекта и его конкретными социальными действиями. Они исходили из того, что правильность суждений о законе и праве неизбежно приводит его к отказу от неправомерных и асоциальных действий и, более того, к желанию наказать нарушителей установленных норм и правил общежития. В ходе эксперимента ученые пришли к выводу, что уровень развития правового мышления лишь косвенно влияет на отношение субъекта к закону, социальным нормам и правилам и, в целом, на его поведение. «Либеральный» режим проживания в общежитии хотя и стимулировал активность и результативность правового мышления, но в то же время исследователями не было обнаружено никаких фактов, свидетельствующих о каком-либо более или менее значительном повышении его уровня. Э.С. Кон и С.О. Вайт отмечали сильное влияние на правовое мышление и поведение ситуативных факторов, оказывающих воздействие на протекание и результаты переработки субъектами получаемой информации.

В 1997 году выходит в свет статья Э. Кон и С. Вайт «Влияние правовой социализации на демократизацию», в которой авторы восторженно оценивают эффект от изменений национальных моделей правовой социализации восточноевропейских стран и его воздействие на демократизацию политического режима [7]. Их немало удивил тот факт, что базисный принцип верховенства закона «почтенного либерализма» стал также руководящим принципом народных революций. Авторы статьи сделали вывод, что прогрессивная модель правовой социализации укрепилась в странах «молодой демократии» и стала важным позитивным фактором дальнейшей демократизации общественных отношений и государственных институтов.

Для компаративных исследований национально-государственных моделей правовой социализации всегда будет оставаться актуальным вопрос о том, как в процессе социализации человеку не лишиться личностного

начала, когда он находится под воздействием внешних сил. Ведь при усвоении субъектом системы писанных и неписанных правил всегда существует опасность отчуждения от своего Я и потери уникальности своего бытия. Сравнительный анализ моделей правовой социализации в европейских странах (Венгрии, Польше, России, Франции), проведенный в конце прошлого века, позволил выявить их национальные особенности [11; 4]. Так, по сравнению с россиянами, французы демонстрируют большее уважение к закону, поскольку признают его позитивную роль в налаживании общественного взаимодействия. В отличие от французов российские граждане были склонны видеть в законе прежде всего его репрессивную функцию. Это было обусловлено авторитарной природой политических отношений.

В качестве критерия успешности правовой социализации социолог Ш. Курильски-Ожвэн признавала уровень овладения личностью прогрессивными составляющими права, которые становятся своего рода «кодами ассимиляции», позволяющими интерпретировать соответствующим образом информацию и на ее основе принимать передовые правовые установки [9]. По ее мнению, социализирующийся человек должен не только соблюдать букву закона, но и впитывать его дух. Это позволит ему правильно ориентироваться в современной жизни, которая предлагает множество стандартов и целый массив юридических норм. Можно утверждать, что концепция Ш. Курильски-Ожвэн представляет собой новый этап в развитии когнитивной теории правовой социализации. Она дала ей «второе дыхание», включив в систему правовых когнитивных субъекта концепт и аксиолант прогресса в качестве обязательного элемента, необходимого для успеха социализации.

Ш. Курильски-Ожвэн обращает внимание на тот факт, что если при оценке современного права французская молодежь обычно использовала фразу «следовать закону» (вкладывая в нее такое же значение, как «следовать за гидом»), то молодые россияне, как правило, употребляли выражение «не нарушать закон» [10, с. 111]. Кроме того, в представлениях российских граждан главная функция судьи – это наказание виновных, и в их ответах на вопросы социологов даже не упоминалось о его участии в разрешении гражданских споров. Такой «дизайн» правовых представлений можно объяснить тем, что правосознание российской молодежи в конце 90-х годов прошлого века еще оставалось в пределах архетипов жесткого уголовного права, собственного авторитарным по-

литическим режимам. Ш. Курильски-Ожвэн видит истоки этого не только в советской политической системе, которая использовала закон в качестве репрессивного инструмента, но и в архетипах российской правовой культуры, сформированных под влиянием православия [9]. По ее наблюдениям, у французов выражение «делать глупости» является в значительной степени языковым эквивалентом «совершать правонарушения». Раскаяние и сожаление преступившего закон для них не имеет большого значения, поскольку «человеку свойственно ошибаться» и, более того, «каждый может ошибиться». Судебное наказание за преступление признается ими нормальным явлением, поскольку «каждый человек должен платить за свои ошибки». В России, наоборот, право не воспринимается в качестве некоего свода правил наподобие математических законов, и наказание рассматривается прежде всего с точки зрения нанесенного вреда. Оно должно повлечь за собой раскаяние виновного, «осознавшего всю тяжесть своего преступления».

Как во французской, так и в российской культурах категория «свобода» неразрывно связана с понятием «власть». По утверждению Ш. Курильски-Ожвэн, принципиальная разница заключается в том, что если во Франции политическая власть, имеющая право на легитимное насилие, регулирует свободу с помощью закона, то в России для большинства населения понимание свободы не предполагает ее социального регулирования. В российском социуме свобода, как и власть, не принимает каких-либо ограничений [10, с. 111].

Авторы книги «Правовая социализация в изменяющейся России», написанной на основе результатов сравнительного социологического исследования 1993 и 2000 гг., пришли к выводу, что российские граждане быстро приняли новое представление о праве и начали отход от репрессивного подхода к его оценке, хотя в обыденной жизни они продолжают следовать «традиционным практикам с устойчивыми представлениями о коррумпированности различных ветвей власти» [1]. Схожее социологическое исследование, основанное на методике спонтанных и выборочных ассоциаций, разработанной М.Ю. Арутюнян, О.М. Здравомысловой и Ш. Курильски-Ожвэн, было проведено в Волгограде Научно-образовательным центром социальных технологий Волгоградского государственного университета (декабрь 2015 г.) среди двух возрастных групп молодежи. В основу дифференциации данных групп была положена психосоциальная периодизация Б.Г. Ананьева, выделившего две

фазы юности: первая граничит с детством (15–17 лет), вторая – со зрелостью (18–25 лет) [2]. В качестве теоретико-методологического основания проведенного социологического исследования выступает как теория социального обучения, так и концепция когнитивного развития, интерпретированных в контексте марксистского тезиса «общественное бытие определяет общественное сознание». Исследование было направлено на изучение ценностных стереотипов сознания волгоградской молодежи, проявляющихся в отношении к представителям основных институтов государственной власти (депутату, чиновнику и судье), и являющихся влиятельными агентами правовой социализации. Информация была получена с помощью метода глубинного интервью (8 респондентов) и анкетирования (опрошено по 200 чел. из каждой возрастной группы молодежи). Методика спонтанных и выборочных ассоциаций позволила выявить образы, которые представляют собой элементы культурных архетипов, являющихся истоками базисных социальных представлений. Ассоциации, вызванные понятиями «депутат», «чиновник» и «судья», отражают социально-правовые представления молодежи о таких важных для общественно-политической жизни институтах, как законодательная, исполнительная и судебная ветви государственной власти.

Как показали результаты исследования, позитивность ассоциаций с понятием «депутат» в значительной степени различается у двух основных возрастных групп волгоградской молодежи. 60,5% опрошенных представителей младшей группы видят в

образе депутата положительные черты: возникают ассоциации с честностью и ответственностью, публичными выступлениями и защитой интересов избирателей. Но у более половины (62,5%) молодых людей старшей возрастной группы имеется негативный образ депутата, который ассоциируется у них с корыстолюбием, стремлением к деньгам и власти, воровством, эгоизмом, бесполезностью и пустой болтовней (см. таблицу № 1). Как и в социологических опросах 2000 года, проведенных в Москве и Иванове [1], доминируют ассоциации, отражающие критическое отношение к депутатам, но они уже не воспринимаются как скандалисты и болтуны.

В младшей группе волгоградской молодежи отсутствует единство в ассоциативном восприятии образа чиновника: у одной половины опрошенной молодежи возникает негативный образ, у другой – позитивный. В сознании подавляющего большинства молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет (83,5%) возникают негативные ассоциации с образом чиновника – государственных и муниципальных служащих (см. таблицу № 2). Это говорит о том, что в восприятии респондентов региональная исполнительная власть не справляется со своими прямыми обязанностями. Такое положение дел негативно сказывается на процессах как правовой, так и политической социализации граждан. Схожие результаты давал опрос 2000 года в Москве и Иванове. Такое отношение обусловлено тем, что власть «продолжает существовать без опоры на общество, низки активность народа и уровень законности. Активны криминальные группы, нередко организованные лучше го-

Таблица № 1

Ассоциации с понятием «ДЕПУТАТ», %

Варианты ответа	Возрастная категория молодежи	
	15–17 лет	18–25 лет
Честность и ответственность	13,5	10,5
Политические дебаты, публичные выступления	21,5	10,5
Обсуждение и принятие законов	14,5	9
Стремление к власти и деньгам	12,5	27,5
Публичные скандалы и ссоры	-	3,5
Защита интересов избирателей	11	4,5
Иметь неприкосновенность	6,5	3
Корыстолюбие, ложь, воровство, решение только своих проблем, а не избирателей	11	24
Бесполезность, пустая болтовня	9,5	7,5
Затрудняюсь с выбором, возникают другие ассоциации с данным понятием	-	-

сударственных органов, не говоря уже об обществе» [5, с. 36]. Такое положение дел негативно влияет на процесс правовой социализации.

В отличие от «депутата» и «чиновника» понятие «судья» вызывает у молодежи более позитивные ассоциации. Около трети опрошенных младшей группы молодежи (34 %) ассоциируют данный образ со справедливостью и правосудием (см. таблицу № 3). Но у каждого пятого молодого человека в возрасте 18–25 лет появляются негативные ассоциации (с корыстолюбием, несправедливостью и коррупцией). По сравнению с результатами исследований 2000 года, проведенных в Москве и Иванове, в значительной мере образ судьи перестал иметь императивный и репрессивный характер, который свойственен уголовному законодательству.

исчезающих с наибольшей скоростью (после Воронежа и Бухареста)¹. В 2014 году Волгоград занял четвертое место (после Тольятти, Астрахани и Пензы) в рейтинге самых бедных городов России, который был составлен Департаментом социологии Финансового университета при правительстве России на основе оценки уровня благополучия, сделанной самим населением. В ходе исследования социологи Департамента выяснили, что 63% волгоградцев относят себя к малообеспеченным жителям, к этой же категории относят себя 44% волгоградской молодежи². В 2015 году социально-экономическое положение населения не улучшилась: «если рассматривать бедность по городам России, по итогам 1 квартала 2015 года лидерами по доле бедных жителей являются Липецк, Волгоград, Саратов, Ярославль и Пенза»³.

Таблица № 2

Ассоциации с понятием «ЧИНОВНИК», %

Варианты ответа	Возрастная категория молодежи	
	15–17 лет	18–25 лет
Честность, исполнительность и ответственность	11	3
Пустые обещания улучшения условий жизни	18,5	16
Управленческая деятельность, направленная на удовлетворение нужд народа	21,5	4,5
Стремление к власти и деньгам	11	28
Проведение государственной политики в жизнь	10	4,5
Постоянное откладывание решения на потом	3,5	12
Контроль за соблюдением норм и правил	4	3
Корыстолюбие, ложь, коррупция, решение только своих проблем	17	27,5
Непосредственное обеспечение безопасности граждан	3,5	1
Затрудняюсь с выбором, возникают другие ассоциации с данным понятием	–	0,5

Необходимо отметить, что Волгоград испытывает значительные социально-экономические трудности в своем развитии [3]. В 2012 году эксперты Business Insider, основываясь на отчете ООН о состоянии городов (State of the World's Cities), поместили его на двадцатое место в списке городов мира,

Сложная социально-экономическая ситуация в городе не может не сказываться на отношении молодых жителей к политическим и правовым институтам. Старшая возрастная группа молодежи более критично настроена к ним, поскольку ей приходится непосредственно сталкиваться с социаль-

¹ "The 28 Fastest-Shrinking Cities In The World" // URL: <http://www.businessinsider.com/cities-that-are-shrinking-2012-10?op=1> (дата обращения: 28.02.2016).

² «Самооценка уровня благополучия населения» // URL: http://www.fa.ru/chair/priklisoc/Documents/12_Russian_Poverty_2014.pdf (дата обращения: 28.02.2016).

³ «Доля бедных и малоимущих граждан в населении крупных и средних городов России» // URL: http://www.fa.ru/chair/priklisoc/Documents/17_Poverty_1Q_2015.pdf (дата обращения: 28.02.2016).

Ассоциации с понятием «СУДЬЯ», %

Варианты ответа	Возрастная категория молодежи	
	15–17 лет	18–25 лет
Справедливость, правосудие	33	27,5
Суровость закона	17,5	13
Иметь неприкосновенность	8	7
Тюрьма	6,5	2,5
Судилице	5,5	6
Вершитель судеб	12,5	11
Преступник	2,5	8
Корыстолюбие, несправедливость, коррупция	8,5	18,5
Обеспечение безопасности граждан	6	5,5
Затрудняюсь с выбором, возникают другие ассоциации с данным понятием	–	1

но-экономическими трудностями, которые данные структуры должны им помогать преодолевать. Несовершеннолетняя молодежь (15–17 лет) еще находится под опекой родителей, которые решают большую часть их социальных проблем. Кроме того, школа создает для нее позитивный образ государственных учреждений. Поэтому младшая группа воспринимают более положительно деятельность представителей основных институтов государственной власти.

Таким образом, политические ценности и доминирующие идеологические представления, определяющие архитектуру общественных отношений в социуме, актуализируют социологические исследования, связанные с решением проблем правовой социализации. Политические послания (messages) имеют особую важность в том, что касается представлений о праве, и оказывают сильное воздействие на формирование культурных архетипов правосознания граждан. В значительной мере правовая социализация дублирует и перекрывает «поле» политической социализации. Социологические исследования показывают, что властные институты российского общества не справляются должным образом с выполнением своей социализирующей функции. Образы представителей трех ветвей государственной власти (депутата, чиновника и судьи), являющихся благодаря своему статусу influentialными агентами правовой социализации, вызывают ассоциации, отражающие в зна-

чительной степени критическое отношение молодых граждан к их деятельности.

1. Арутюнян, М. Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России [Текст] / М. Арутюнян, О. Здравомыслова, Ш. Курильски-Ожвэн. М.: Весь Мир, 2008. 207 с.

2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. М.: Наука, 1977. 379 с.

3. Бельских, И.Е. Кризис региональной экономики 2015–2017 гг. в России: поиск альтернатив развития [Текст] / И.Е. Бельских // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 2–9.

4. Курильски-Ожвэн, Ш. Правовое государство и гражданин: сравнительный анализ индивидуальных представлений во Франции, России и Венгрии [Текст] / Ш. Курильски-Ожвэн // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997. № 3, 4. С. 43–49.

5. Скворцов, Н.Г. Трудовая миграция в современной России: этническое измерение социального неравенства [Текст] / Н.Г. Скворцов // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 32–40.

6. Cohn, E.S. Legal Socialization: A Study of Norms and Rules [Text] / E.S. Cohn, S.O. White. New York, 1990.

7. Cohn, E.S. Legal socialization effects on democratization [Text] / E.S. Cohn, S.O. White // International social science journal. Volume 49. Issue 152. 1997: 151–157.

8. Fuller, L.L. Some presuppositions shaping the concept of socialization. Law, justice and the individual in society [Text] / L.L. Fuller. New York, 1977.

9. Kourilsky, C. Socialisation juridique: la naissance d'un champ de recherche et d'un concept aux confins de la sociologie du droit et de la psychologie.

La socialisation de l'enfance a l'adolescence [Text] / C. Kourilsky. Paris: Presses Universitaires de France, 1991.

10. Kourilsky-Augeven, C. L'esprit du droit: module russe contre module français [Text] / C. Kourilsky-Augeven // Droit et cultures. № 50 (2), 2005: 107–119.

11. Kourilsky-Augeven, Ch. Modele français et modele russe de socialisation juridique: la construction des attitudes a l'égard du Droit avant l'âge adulte [Text] / Ch. Kourilsky-Augeven, O. Zdravomyslova, M. Arutjunjan // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. Paris, 1994. № 3 (septembre): 37–131.

12. Louin-Tapp, J.L. The geography of legal socialization: scientific and social markers [Text] / J.L. Louin-Tapp // Droit et Societe. 1991. № 19: 329–353.

13. Tapp, J.L. The dialectic of legal socialization in community and school. Justice, and the Individual in Society: Psychological and Legal Issues. [Text] / J.L. Tapp, F.J. Levine. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1977.

References

1. Arutuynyan M., Zdravomyslova O., Kourilsky-Augeven C. (2008) *Obraz i opyut prava. Pravovaya sotsializatsia v izmenyautschijsya Rossii*. Moscow, Vesj Mir, 207 p. [in Rus].

2. Ananyev B.G. (1977) *O problemah sovremenogo chelovekoznaniya*. Moscow, Nauka, 379 p. [in Rus].

3. Beljskikh I.E. (2014) *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 26, pp. 2–9 [in Rus].

4. Kourilsky-Augeven Ch. (1997) *Konstitcionnoe pravo: Vostochnoevropejskoe obozrenie*, no. 3, 4, pp. 43–49 [in Rus].

5. Skvortsov N.G. (2015) *Gumanitarij Yuga Rossii*, no. 4, pp. 32–40 [in Rus].

6. Cohn E. S., White S. O. (1990) *Legal Socialization: A Study of Norms and Rules*. New York [in Eng].

7. Cohn E.S., White S.O. (1997) *International social science journal*, volume 49, issue 152, pp. 151–157 [in Eng].

8. Fuller L.L. (1977) Some presuppositions shaping the concept of socialization // *Law, justice and the individual in society*. New York [in Eng].

9. Kourilsky C. (1991) *Socialisation juridique: la naissance d'un champ de recherche et d'un concept aux confins de la sociologie du droit et de la psychologie. La socialisation de l'enfance a l'adolescence*. Paris, Presses Universitaires de France [in Fre].

10. Kourilsky-Augeven C. (2005) *Droit et cultures*, no. 50 (2), pp. 107–119 [in Fre].

11. Kourilsky-Augeven Ch., Zdravomyslova O., Arutjunjan M. (1994) *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*, Paris, no. 3 (septembre), pp. 37–131 [in Fre].

12. Louin-Tapp J. L. (1991) *Droit et Societe*, no. 19, pp. 329–353 [in Eng].

13. Tapp J. L., Levine F. J. (1977) *The dialectic of legal socialization in community and school // Justice, and the Individual in Society: Psychological and Legal Issues*. New York, Holt, Rinehart and Winston [in Eng].

UDC 316.614.6

THEORY AND PRACTICE OF LEGAL SOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF CURRENT POLITICAL VALUES

Gulyaikhin Vyacheslav Nikolaevich,

Volgograd State University,
Head of the Department Chair of Social Work and Pedagogics,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Volgograd, Russia.
E-mail: gulyaich@yandex.ru

Fantrov Pavel Petrovich,

Volgograd State University,
the Department Chair of Social Work and Pedagogics,
post-graduate student,
specialist in teaching and guiding,
Volgograd, Russia.
E-mail: pavelfantrov@rambler.ru

Annotation

Over the last years the problem of legal socialization has attracted researchers' attention to a great extent. The article points out indirect dependence of the given scientific discourse on scientists' political preferences, gives estimation to the impact of political values and understandings on developing the theory and practice of legal socialization. The authors admit that over the last years methodological approach to studying problems of legal socialization has been the most effective, the method was developed on the basis of the theory of cognitive development. In the context of the given approach there was created a methodology of spontaneous and selective associations. The use of this theory made it possible to estimate the attitude of young Russian citizens to the representatives of three main branches of state power, which owing to their social status are influential agents of legal socialization.

Key concepts:

legal socialization,
political values,
legal awareness,
social norm,
legal perceptions,
selective associations,
youth.

УДК 316.46

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КНР

Белусова Екатерина Станиславовна,
Челябинский государственный
университет,
кафедра зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
аспирант,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: belousovaes@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию института политического лидерства в современном Китае. Определены культурно-исторические причины формирования специфического типа лидерства, присущего китайской политической системе. Изложена типология политических лидеров в соответствии с описанным подходом в китайской политологии.

Ключевые понятия:
политическое лидерство,
патерналистское лидерство,
типология лидерства,
КНР,
КПК.

Институт политического лидерства является одним из ключевых в политической системе любого государства; на сегодняшний день его изучению уделено немалое внимание со стороны как зарубежных, так и отечественных исследователей. Однако стоит отметить, что подавляющее большинство специалистов анализируют этот институт в контексте западных демократических политических систем, впоследствии экстраполируя результаты своих исследований на иные политические системы, что далеко не всегда корректно.

Одним из государств, политическая система которого отличается от общепринятой западной модели, является Китай. Выйдя за последнее десятилетие на передний план мировой политики, это государство превратилось из «страны третьего мира» в «большую и ответственную страну». Усилившееся внимание к Китаю как одному из новых геополитических центров мира породило потребность в более глубоком изучении особенностей политической системы и политического режима страны, в том числе и китайского инварианта института политического лидерства, как не в последнюю очередь определяющего внутреннюю и внешнюю политику государства.

Институт политического лидерства в Китае, несомненно, довольно специфичен (хотя и не уникален). Это проявляется хотя бы в том, что в соответствии с Конституцией КНР, формальным главой государства является Председатель Китайской Народной Республики, однако, в этом же документе закреплена руководящая роль Коммунистической партии Китая; это означает, что реальным руководителем страны является именно Председатель КПК (по аналогии с советской политической моделью, которую переняла КНР). Несомненно, данное противоречие нашло свое решение в китайской политической реальности: практически с самого образования Китайской Народной Республики и установления власти КПК функции главы КНР и Председателя Компартии исполняет один человек, являясь институциональным руководителем в политической системе Китая. Но возможно ли на основе этого утверждать, что само понятие «лидер» в китайской науке имеет

иной смысл, отличающий его от западного понимания?

Обратимся к этимологии термина «лидер» в китайском языке. Толковый словарь китайского языка содержит статью со словом 领导 lǐngdǎo, одно из значений которого – «человек, который несет ответственность (берет на себя обязанность) по управлению» [6]. Это слово, в свою очередь, состоит из частей 领 lǐng – «вести; руководить, управлять, возглавлять, командовать; глава, вождь, руководитель, предводитель, начальник» и 导 dǎo – «вести за собой, направлять, указывать путь, руководить». Существительное «лидер» образуется путем прибавления либо суффикса 者 zhě, выражающего принадлежность к определенному роду деятельности, либо существительного 人 rén – «человек, личность, персона». При этом словарь делает акцент на том, что 领导者 lǐngdǎozhě – это руководитель вообще, управленец в любой организации, а 领导人 lǐngdǎorén – это именно политический лидер. Это указывает на то, что для китайского менталитета характерно признание политическим лидером именно «личности», т.е. человека, обладающего особыми качествами.

Когнитологическое исследование использования понятия политического лидерства в Китае позволяет отметить и употребление трактовок, заимствованных из западной политологии. Лидерство в целом понимается как «оказание влияния на крупные группы людей или организации, а также воспитание в этих людях индивидуального качества добровольного повиновения» [7].

Так, например, согласно материалам Универсальной электронной энциклопедии «Байкэ Байду», правительство, политические партии, политические группы и другие политические субъекты используют политическую власть или авторитет для реализации определенных политических принципов и направлений посредством оказания влияния на прочие объекты политического процесса. Политическое руководство в основном проявляется в создании политических принципов и политического курса, важных решений и пр. Политическое лидерство опирается на политическую власть и политический авторитет, в конечном итоге формирует отношения управления и подчинения [7].

Анализ учебной и специализированной литературы по исследуемому вопросу показал, что при изучении политологии в высших учебных заведениях Китая акцент делается на изучении классических и современных западных теорий политического лидерства: бюрократическое, харизматическое, транзакционное, трансформационное и др. Как можно заметить, описанное понимание политического лидерства полностью совпадает с западным, что свидетельствует о прямом заимствовании теоретической базы исследования института политического лидерства из западной политологической школы.

Тем не менее, при более глубоком исследовании современной научной литературы в КНР обращает на себя внимание тот факт, что ряд ученых, занимающихся проблематикой лидерства вообще, в том числе и политического (Фарх, Чэнь, Чен и т.д.), в основном сходятся на том, что для Китая и его социально-политической системы наиболее характерно *патерналистское* лидерство, которое может быть рассмотрено и как тип, и как стиль политического лидерства.

Объяснение этому находим в том, что патерналистское лидерство – это самобытная китайская концепция лидерства, которая опирается на патриархальные традиции Китая и конфуцианские идеи. Так, например, Фарх и Чен в исследовании «Культурный анализ патерналистского лидерства в китайских организациях» предложили трехкомпонентную модель патерналистского лидерства, включающую авторитарное, благотворительное и моральное лидерство [4, с. 99].

Для более глубокого понимания сущности патерналистского типа лидерства в его трехкомпонентной модели следует уделить внимание культурно-историческим корням его возникновения и утверждения.

В своем исследовании Фарх и Чен при анализе корней *авторитарного компонента патерналистского лидерства* обращают внимание на его связь с социальной структурой традиционной китайской семьи. По их мнению, под влиянием конфуцианства семья оставалась основным элементом китайского общества на протяжении трех тысячелетий. Из пяти основных моделей отношений в конфуцианском социуме

(император – министр, отец – сын, муж – жена, старший брат – младший брат, друг – друг) три напрямую обращаются к внутрисемейным отношениям (отец – сын, муж – жена, старший брат – младший брат). В китайской патриархальной традиции вертикальные связи между отцом и сыном считаются первоосновными и превосходят по значимости все другие связи, в том числе и между мужем и женой, и отцовская власть над сыновьями (и прочими членами семьи) является абсолютной. В иерархичном конфуцианском общественном порядке источник императорской власти лежит в ролевых отношениях между императором и министром (подданным), которые, по сути своей, являются продолжением отношений модели «отец–сын». Придав патриархату статус организующего принципа существования китайского общества, китайские императоры вместе с тем упрочили свою абсолютную власть над всеми своими подданными.

Каким же образом патриархальность китайского общества связана с лидерством? В труде 1993 года китайский социолог Ян описал генерализующий процесс, названный «пан-фамилизмом» [5, с. 22], согласно которому китайцы попросту обобщают опыт и привычки, усвоенные в семье, и переносят их на иные социальные группы, что влечет за собой возникновение квази-семейных отношений. Поскольку семья остается единственной социальной группой, которая действительно имеет значение для современных китайцев, естественно, что семья является прототипом почти для всех прочих организаций.

Описанные выводы исследователей можно проиллюстрировать на примере Коммунистической партии Китая как ключевого компонента политической системы КНР. Компартия по своей структуре состоит из множества отдельных ячеек – «отдельных семей» (как в переносном, так и в буквальном смысле), во главе которых стоит один патриарх – руководитель структурного подразделения. Несколько семей, объединенных территориально, образуют клан; по отношению к КПК речь идет, прежде всего, о пекинской и шанхайской группировках. В результате борьбы между кланами один из них побеждает, и его глава становится патриархом для всех

семей, принадлежавших обоим кланам. Этот глава обладает огромным объемом власти над своими «членами семьи», что проявляется как в широких полномочиях, присущих лидеру КПК, так и в неформальном признании элитой и обществом его авторитета.

Далее перейдем к рассмотрению понимания второго компонента патерналистского лидерства – *благотворительного компонента патерналистского лидерства*. Согласно конфуцианской модели диадические отношения в обществе основываются на принципе обоюдности, взаимности. Природа ее описана в «Книге ритуалов»: «Что называется долгом человека? Отец должен проявлять родительские чувства, а сын – почтительность; старший брат – доброту, а младший – дружелюбие, муж – справедливость, а жена – послушание, старшие – милосердие, а младшие – покорность, государь – человеколюбие, а подданные – преданность. Эти десять качеств и именуется человеческим долгом» [2, с. 105].

Из приведенного текста можно выделить два основных аспекта. Во-первых, люди, которые исполняют роли вышестоящих (отцы, старшие братья, мужья, старшие по возрасту и по статусу), должны обращаться с теми, чьи роли в их отношениях ниже (дети, младшие братья, жены, младшие и министры), с добротой, нежностью, добродетельностью и благотворительностью. Во-вторых, нижестоящие должны уважать тех, кто имеет более высокое положение, следуя принципам сыновьего долга, послушания, подчинения, почтения и верности. Все эти принципы в совокупности формируют культурные предписания и ожидания того, что лидер должен быть благотворителем по отношению к своим нижестоящим.

Подобная модель руководства и в современном китайском обществе находит свое отражение даже в официальном источнике – Уставе КПК, который гласит: «член партии подчиняется партийной организации, меньшинство – большинству, нижестоящие организации – вышестоящим, все партийные организации и все члены партии – Всекитайскому съезду и Центральному Комитету партии». В то же время руководство, проявляя внимание и благосклонность к просьбам своих под-

чиненных, обеспечивает себе их поддержку и личную верность, основанные на чувстве долга с обеих сторон: «вышестоящие парторганизации должны постоянно прислушиваться к мнениям нижестоящих парторганизаций и членов партии, а также своевременно разрешать выдвинутые ими вопросы. Нижестоящие парторганизации должны, с одной стороны, обращаться к вышестоящим парторганизациям за указаниями и отчитываться перед ними в своей работе, а с другой стороны, самостоятельно и со всей ответственностью разрешать вопросы, входящие в их компетенцию». Таким образом, культурные корни благотворительного лидерства берут свое начало от конфуцианских идей доброго правителя и в дальнейшем закрепились прагматичным стремлением усилить свое влияние на подданных. Все основывается на принципе обоюдности отношений.

Перейдем к рассмотрению третьего компонента патернализма с китайской спецификой – *морального компонента патерналистского лидерства*. Конфуций учил, что воспитание нравственности является основой общества, а что касается системы управления, он подчеркивал необходимость использования морали, нравственных примеров и духовного убеждения со стороны самих правителей. Наиболее эффективной формой управления, таким образом, он полагал правление на нравственных началах и моральном примере: «Если управлять по закону, а воспитывать наказаниями, народ будет покорен, но лишен стыда. Если же править на основе добродетели и воспитывать с помощью ритуалов, людям будет знаком стыд и сознательное стремление к лучшему» [1].

Конфуцианский идеал правителя одним из базовых требований включает в себя необходимость демонстрации высокого уровня моральности путем отправления ритуалов в соответствии со своей ролью. Эта концепция, как известно, нашла в дальнейшем свое официальное закрепление: только те, кто продемонстрировал благодетельность и сыновью почтительность, могли претендовать на государственные посты по времени династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.); позже, во времена Суй и Тан (589 – 907 гг.) экзамены для чиновников стали включать в себя обязательное знание классических

конфуцианских текстов, которые считались основным источником конфуцианской этики и ритуала. В период установления легистской идеологии в китайском обществе моральный уровень правителей и государственных служащих приобрел исключительную значимость. В условиях полной незащищенности народа перед законом, суровости наказания за незначительные проступки и практически абсолютной субъективности при принятии решения только добродетель чиновника могла стать защитой простолюдным. Подобное положение сохранялось не только в традиционном императорском Китае, но и достаточно длительное время после установления республики. Это, в свою очередь, вновь обернулось в пользу лидера, который, пользуясь своей добродетелью, заслуживал еще большую верность своего народа. Таким образом, важность морального лидерства берет свое начало в конфуцианской идее служения народу.

Итак, мы отмечаем, что корни патерналистского лидерства лежат в классической конфуцианской системе общественных отношений, возведенных в ранг общеобязательного поведения. В то же время стоит подчеркнуть, что несмотря на то, что данная модель лидерства не является исключительно политической, ее применение к китайскому политическому лидерству вполне оправданно: политическая система современного китайского общества по-прежнему строится по типу семейных патриархальных отношений.

Развивая теорию патерналистского лидерства, Фарх и Чен предложили типологию лидеров (вне зависимости от организации, которую они возглавляют – политическая, коммерческая, трудовая и т.д.) на основе выделенных ими аспектов патерналистского лидерства – 1) авторитарного (Authoritarian), 2) благотворительного (Benevolent) и 3) морального (Moral Character) – с учетом преобладания того или иного аспекта лидерства. При этом заглавными буквами обозначается качество, проявляющееся у лидера в высокой степени, и строчными – в слабой. Таким образом, ими определяются 8 типов патерналистских лидеров (ПЛ):

1. Подлинный ПЛ (ABC): эти лидеры характеризуются высоким уровнем авторитаризма, благотворительности и моральных

качеств. Их называют подлинными лидерами, поскольку они максимально близки к идеальному ПЛ. Лидеры подобного типа мотивируют своих подчиненных одновременно посредством всех трех типов психологического воздействия (страх, благодарность и чувство долга, признание и уважение и т.д.).

2. ПЛ – «крестный отец» (AbC): такие лидеры демонстрируют явное авторитарное и благотворительное поведение по отношению к своим подчиненным, однако обладают не самыми выдающимися моральными качествами. Наименование «крестный отец» говорит о том, что лидеры этого типа служат в основном для себя и опираются на страх и чувство благодарности в своих подчиненных.

3. Дисциплинарные ПЛ (AbC): эта группа лидеров отличается высоким уровнем авторитарности и моральных качеств при низкой благотворительности. Они склонны быть строгими, ориентироваться на высокие стандарты исполнения обязанностей и уделять мало внимания личным потребностям подчиненных.

4. ПЛ – диктаторы (Abc): лидеры этой группы характеризуются высокой авторитарностью и низкой благотворительностью и моралью. По мнению их последователей, подобные лидеры уделяют совсем ничтожное внимание их нуждам. Они не уважают и не признают таких лидеров из-за их слабых моральных качеств. Эти лидеры – в большинстве своем тираны, которые правят на основе беззастенчивого применения личной власти.

5. ПЛ – бескорыстные благотворители (aBC): такие лидеры действуют благотворительно по отношению к своим подчиненным, при этом демонстрируя свои высокие моральные качества и прибегая к минимальному авторитаризму. Они правят, опираясь на уважение и благодарность со стороны своих подчиненных, и редко вынуждены применять властные полномочия.

6. Потворствующие ПЛ (aBc): такие лидеры в большой степени благотворительны, однако обладают небольшим авторитаризмом и слабой моралью. Их руководство в основном опирается на вежливые поступки, поэтому они зарабатывают благодарность и чувство обязанности у своих последователей.

7. Идеологические ПЛ (abC): эти лидеры демонстрируют низкий уровень авторитаризма и благотворительности, но высокий уровень личных моральных качеств. Они называются «идеологическими», поскольку оказывают влияние на своих подчиненных преимущественно через личные убеждения и моральное превосходство.

8. Отстраненные ПЛ (abc): эта категория лидеров обладает низким уровнем всех трех качеств ПЛ. Данные лидеры редко встречаются в китайских организациях, поскольку они не в состоянии отвечать базовым требованиям лидерства. Они включены в классификацию лишь в качестве сопутствующей категории для сравнения [3, с. 185].

Введение указанными авторами подобной классификации лидеров в китайской общественной системе, в том числе и политической, позволяет, с одной стороны, выявить наиболее приемлемый для китайского общества тип лидера, а с другой – спрогнозировать возможные модели поведения лидеров в различных ситуациях во внутренней и внешней политике.

Подводя итог, отмечаем, что на современном этапе китайская политическая наука знакома с западной политологией и отчасти использует ее теоретические положения в области изучения политического лидерства. Однако особенности исторического развития, философско-политической мысли и партийно-политического устройства китайского общества позволили китайским исследователям сформировать самобытную теорию лидерства – «патернализм с китайской спецификой».

1. Конфуций. Лунь Юй. [Электронный ресурс] // Лунь Юй на русском языке. URL: <http://www.confucius.org/lunyu/rd0203.htm> (дата обращения: 28.10.2015).

2. Ли Цзи (пер. И.С. Лисевича) [Текст] // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 2. М. АН СССР. Мысль. 1973. 384 с.

3. Chen, C.C. and Lee, Y.T. Leadership and Management in China: Philosophies, Theories, and Practices. / C.C. Chen, Y.T. Lee. Cambridge University Press. 2008. 358 p. doi: 10.1017/CBO9780511753763

4. Farh, J. L., and Cheng, B. S. 2000. "A cultural analysis of paternalistic leadership in Chinese organizations" [Text] / J. L. Farh, B.S. Cheng // J. T. Li, A.

S. Tsui, and E. Weldon (eds.), *Management and organizations in the Chinese context*. London: Macmillan. 2000. 359 pp. doi: 10.1057/9780230511590

5. Yang, K.S. "Chinese social orientation: An integrative analysis" [Text] / K.S. Yang // L.Y. Cheng, F.M.C. Cheung and C.N. Chen (eds), *Psychotherapy for the Chinese (selected papers from the first international conference)*: pp. 19 – 39. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 1995.

6. 领导 (Лидерство) [Электронный ресурс] // 汉典 (Толковый словарь китайского языка). URL: <http://www.zdic.net/c/6/fc/267173.htm> (дата обращения: 03.01.2016).

7. 政治领导 (Политическое лидерство) [Электронный ресурс] // 百度百科 (Байкэ Байду, Универсальная энциклопедия). URL: <http://baike.baidu.com/view/636260.htm> (дата обращения: 03.01.2016).

References

1. The Analects of Confucius [Online] // Lun' Yyu na russkom yazyke. URL: <http://www.confucius.org/lunyu/rd0203.htm> (accessed: 28.10.2015) [in Rus].

2. Drevnekitayskaya filosofiya. *Sobranie tekstov v dvukh tomakh*. (1973) Tom 2. Moscow, AN SSSR. Mysl'. 384 p. [in Rus].

3. Chen C.C. and Lee Y.T. (2008) *Leadership and Management in China*. doi: 10.1017/CBO9780511753763 [in Eng].

4. J. T. Li, A. S. Tsui, and E. Weldon (2000) *Management and organizations in the Chinese context*. doi: 10.1057/9780230511590 [in Eng].

5. L.Y. Cheng, F.M.C. Cheung and C.N. Chen (1995), *Psychotherapy for the Chinese* (selected papers from the first international conference), pp. 19-39 [in Eng].

6. 领导 (Leadership) [Online] // 汉典 (Chinese Dictionary). URL: <http://www.zdic.net/c/6/fc/267173.htm> (accessed 03.01.2016) [in Chinese].

7. 政治领导 (Political leadership) [Online] // 百度百科 (Baikе Baidu, Universal Encyclopedia). URL: <http://baike.baidu.com/view/636260.htm> (accessed 03.01.2016) [in Chinese].

UDC 316.46

PATERNALISM AS A SPECIFIC TYPE OF LEADERSHIP IN THE POLITICAL SYSTEM OF PRC

Belousova Ekaterina Stanislavovna,
Chelyabinsk State University,
The Department Chair of Foreign Regional
Studies, Political Science and Eastern
Philosophy,
post-graduate student,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: belousovaes@mail.ru

Annotation

The article focuses on studying the institution of political leadership in modern China. The author defines cultural and historical causes of forming a specific type of leadership peculiar for Chinese political system. The author gives the typology of political leaders in accordance with the described approach in Chinese politology.

Key concepts:

political leadership,
paternalistic leadership,
typology of leadership,
Peoples' Republic of China,
Communist Party of China.

УДК 321.01:323.2

СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОТЕСТА В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Руденкина Алена Игоревна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления (филиал),
кафедра государственного управления
и политических технологий,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alenarudenkina@gmail.com

Керимов Александр Алиевич,

Уральский федеральный университет
имени
первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
заведующий кафедрой
политических наук,
кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: kerimov68@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу категории «протест» в западной социально-политической науке. Выделены основные подходы и интерпретации понятия «протест» в различных периодах развития западной социально-политической мысли. В статье рассмотрены теоретические подходы, напрямую не употребляющие сам термин «протест», а также прослеживается эволюция взглядов на природу протеста, устанавливаются причины, способствовавшие появлению различных трактовок этого явления.

Ключевые понятия:

протест,
бунт,
мятеж,
восстание,
гражданское неповиновение.

С началом XXI века в мире актуализировалась проблема протеста. С одной стороны, этому способствовал рост числа акций протеста в самых разных странах, приводящих к нагнетанию общественно-политической обстановки, затяжным конфликтам, а в отдельных случаях даже к смене политического режима. С другой стороны, периодически можно наблюдать, что манипулирование данной темой становится инструментом в руках политиков и лидеров общественного мнения, преследующих собственные, узкокорпоративные интересы. Едва ли не очевидно, что в силу самых разных факторов число проявлений протеста и разнообразие его форм в современном обществе будет только увеличиваться, что в свою очередь повышает спрос на достоверное научное знание о природе данного явления. Трудности анализа данной проблематики заключаются в недостаточной разработанности категориального аппарата, обилии концепций, а также динамичности самого объекта исследования. Причем одна из наиболее существенных трудностей, на наш взгляд, заключается в неоднозначности понимания в политической науке самого исходного термина «протест», толкования которого в настоящий момент расходятся весьма ощутимо, затрудняя формулировку каких-то целостных обобщений и аргументированных выводов. В силу запутанности понимания термина «протест» мы полагаем необходимым проследить историю обращения социально-политической мысли к этой базовой категории¹. Данная статья будет посвящена рассмотрению именно этого вопроса.

Перед тем, как перейти к рассмотрению концепций протеста, считаем нужным выделить базовые определения данного термина, при помощи которых мы сможем объединить различные термины, употребляемые авторами данных концепций. Согласно С. И. Ожегову «протест» — это «решительное возражение против чего-нибудь» [13, с. 555]. В англоязычной литературе термин protest применяется и используется для обозначения широкого круга явлений — от сопротивления лечению или нововведениям до мятежного порыва, приводящего к политическому протесту и революциям [18]. Даже по этим определениям видно, сколь многогранным может быть даже самое общее толкование феномена

¹При этом мы бы хотели особенно подчеркнуть, что в данной работе не претендуем на полноту и всеобъемлющее раскрытие истории категории протеста в истории социально-политической мысли. Для нас представляют интерес лишь наиболее упоминаемые и распространенные идеи, оказывавшие влияние на понимание сути протеста в разные исторические периоды.

протеста. Ситуация осложняется еще и тем, что достаточно длительное время целостное и систематическое употребление термина «протест» было не характерно социально-политической науке. Это побуждает нас в своем анализе обращать внимание и на те работы, в которых затрагивалась проблематика, созвучная протесту: бунтов, мятежей, восстаний и иных явлений.

По всей видимости, первым периодом, когда соответствующие вопросы зазвучали в работах представителей социально-политической мысли, оказалась эпоха Античности. Два наиболее упоминаемых ее представителя, Платон и Аристотель, понимали под протестом действия части общества, направленные на изменение государственного строя, либо на смещение правителя, имеющие, в том числе, целью получение доступа к управлению государством. Так, Платон, рассуждая о «восстаниях» и «переворотах», рассматривал их как проявление конфликта, который происходит при утрате консенсуса в государстве по поводу «Блага» (Благо – высшая ценность в государстве) [15]. Аристотель же, апеллируя к терминологии «возмущений» и «государственных переворотов», исходил из того, что в государстве возможна смена власти, которую провоцирует неравенство в имуществе или привилегиях, побуждающее в людях потребность к бунту [1]. Можно сказать, что Платон и Аристотель понимали под протестом выражение возмущения людей, не согласных с отсутствием равного доступа к каким-либо благам.

После Аристотеля политическая мысль длительное время фактически не касалась вопросов протеста – как мы полагаем, в силу сугубо исторических причин: например, таких как клерикализация знания и общественной жизни. Лишь в XVI в. итальянский мыслитель и философ Никколо Макиавелли часть своих изысканий посвятил созвучному с протестом явлению бунта. Для него бунт – противоположность порядку. Бунт возникает в качестве наказания для правителей, если те проводят ненадлежащую политику. Именно через категорию бунта Н. Макиавелли впервые рассмотрел психологию толпы и отметил, что протест без лидера не является опасным для правителя и/или государства. При этом он указывает на то, что утрата свободы или любимого народом правителя (если тот жив) – это самая серьезная движущая сила для народного недовольства [10]. Н. Макиавелли видел причину протестов не в ограничении доступа граж-

дан к материальным благам, как Платон и Аристотель, а в ограничении их свобод. Но при этом сам протест понимал в схожей с ними коннотации: протест (или бунт) для него – это различные виды возмущения граждан против действующих порядков.

Труды Н. Макиавелли повлияли на множество ученых и философов, в том числе и на английского мыслителя Фрэнсиса Бэкона. Он изучал такое явление, как мятеж, и писал, что все мятежи похожи друг на друга. Ф. Бэкон в качестве причин для мятежа отмечал как великий голод, так и великое недовольство. Особого внимания заслуживают материальные причины для начала мятежа: «сколько в государстве разоренных, столько готовых мятежников». Он также отмечал, что наличие у недовольных лидера – большая проблема, чем наличие самих недовольных. Главный двигатель бунта, по его мнению, – это страх [2, с. 347–486].

Н. Макиавелли и Ф. Бэкон дополняют и разворачивают те мысли относительно протеста, которые высказывались ранее. Но в их работах появилась новая составляющая протеста – лидер. Протест для них – это выраженное в активных действиях недовольство некой группы людей относительно того, как происходит управление государством, либо недовольство самим правителем.

В Новое время к теме протестов и связанных с ними явлений проявили интерес сразу несколько мыслителей, причем рассуждения их оказались созвучны друг другу. Так, Томас Гоббс уделял внимание тематике мятежа, становящегося, в его понимании причиной разрушения государства. Рассуждая о мятеже как в целом деструктивном явлении, Т. Гоббс при этом считал, что это явление вполне закономерно и возникает из-за объективной бедности людей и их неудовлетворенной тяги к почестям. Сами же действия людей определяются их волей, а она – страхом и надеждой [4].

Созвучной оказалась и риторика Джона Локка, который полагал естественным право народа на мятеж против сложившегося общественного договора, если власть в обществе становится тиранической, а естественные права людей нарушены [9].

Схожи с этими мыслями оказались и рассуждения еще одного философа того периода – Жана-Жака Руссо: в его понимании можно назвать закономерным и даже необходимым протест большинства против тех, кто их ущемляет, поскольку так общество может вернуться к «естест-

венному состоянию», но протест против большинства он считал неправомерным и опасным [16; 17].

Перечисленные авторы под протестом в основном понимали стихийную форму народного возмущения, которая возникает из-за неравного доступа людей к различным ресурсам и благам, материальным и иным.

Качественно новый этап в осмыслении феномена протеста появляется в трудах у Карла Маркса, который писал о том, что сама динамика социального развития обусловлена конфликтом между производительными силами и производственными отношениями. Для К. Маркса конфликт (революция, протест) несёт в себе позитивное наполнение. Только через конфликт можно перейти на более высокую ступень общественного развития. Он утверждал, что тот класс, который придет к власти в ходе революции, должен установить диктатуру и таким образом вывести общество на новый, лучший, уровень [11].

Таким образом, мы можем отметить, что учёные Нового времени уделяли протесту уже больше внимания, чем это наблюдалось ранее. Авторы этого периода под протестом понимали действия, которые большинство населения использует для смены власти, которая их не устраивает. Можно сказать, что общим для всех обозначенных нами мыслителей стали вопросы о причинах протеста и о том, как именно можно охарактеризовать данное явление.

Позже, уже в XX веке, тема протестов в социально-гуманитарной науке получила новый импульс в развитии. Так, американский социолог Толкот Парсонс говорил о том, что необходимо избегать «войны всех против всех» и не доводить социальные конфликты до катаклизмов. Т. Парсонс в своих трудах опирался на изыскания Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, объединив их позиции в рамках единой теории социального действия. В ходе размышлений о разделении труда Э. Дюркгейм писал о «ненормальных формах» его разделения, в частности об аномии. Именно это состояние нужно было преодолеть на пути к мирному разрешению конфликтов [6]. М. Вебер писал, в свою очередь, о классовом конфликте. Однако в социальном мире, который он описывал, нет места для протеста или какого-то бы ни было сопротивления [3]. Т. Парсонс же, обобщая их позиции, говорил о необходимости существования «социального порядка», главную роль в

котором отводил культуре. В своей книге «Социальная система» он утверждал, что невозможно остановить противодействия людей, т.е. конфликты и протесты будут всегда. Но при этом считал, что конфликты представляют собой негативные явления. Для преодоления таких явлений Т. Парсонс предлагал закрепить систему либерально-демократических ценностей в культуре общества [14]. Таким образом, для Т. Парсонса протест предстал в качестве деструктивного состояния социальной системы, возникающего в результате развития общества.

Несколько иную позицию высказывал другой американский ученый – Роберт Мертон. Он выделил пять типов наиболее характерного политического поведения, среди которых значился и мятеж, который, по мнению исследователя, предполагает отказ от преобладающих политических идей и средств борьбы за эти идеи, при этом индивиды высказываются за иные, неодобряемые существующей властью, политические цели и средства их достижения. Р. Мертон отмечал, что люди, при подобном типе политического поведения, не просто поддерживают какие-либо идеи, но и активно действуют, чтобы добиться своего [12]. Мятеж у Р. Мертона – это нормальный тип поведения, который имеет место, если общество недовольно тем, как функционирует государство.

Ральф Дарендорф, рассматривая проблему социального конфликта в своих работах, пришел к выводу, что конфликт всегда «связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами» [5, с. 55]. Основная причина неравенства кроется в неравном доступе к власти и основой конфликта служит противоречие между теми, кто обладает властью, и теми, кто лишен ее. О самом феномене протеста Р. Дарендорф не пишет, он воспринимает его как следствие того социального конфликта, которые возникают на почве неравенства и по вопросам распределения власти [5]. Таким образом, протест – это форма социального конфликта, который возникает из-за неравного доступа к различным ресурсам, в том числе к власти.

Интересным представляется подход к проблеме протеста Альбера Камю. Описывая такое явление, как бунт, его причину он видел в несправедливости, а его целью – преобразование общества. А. Камю в своих работах размышляет о конструктив-

ной направленности протеста, т.е. о стремлении к чему-то идеальному, стремлению к улучшению. Он называл «солидарность» важнейшей характеристикой протеста [7]. Для него бунт – это и способ исправить несправедливость, и способ почувствовать себя причастным к чему-то, избавиться от чувства одиночества. Идеи А. Камю схожи с тем, что писал Р. Дарендорф, он видел причину протестов в неравенстве. А сам протест понимал как инструмент для изменения сложившейся социальной системы в обществе.

Рассуждая о гражданском неповиновении, американский философ Джон Роулз [John Bordley Rawls] в своих работах акцентирует внимание на характеристиках этого явления. Данное понятие в его интерпретации чем-то созвучно с бунтом, о котором писал А. Камю. Он также использует такие категории, как «справедливость» и «несправедливость». Для Дж. Роулза гражданское неповиновение – это ненасильственный личный и при этом политический акт, который противоречит закону, обычно совершаемый с целью изменения закона или политики правительства. Согласно Дж. Роулзу, участвующий в таких акциях индивид апеллирует к справедливости. Гражданское неповиновение – публично и предполагает конфликт между обязанностью подчиняться законам и правом защищать собственные свободы [8, с. 730–740].

Продолжая исследовать проблему гражданского неповиновения, Ханна Арендт не утверждает, что это лишь ненасильственные акты. Опираясь на идеи Дж. Роулза, она отмечает, что отличие гражданского неповиновения от восстания заключается не в применении или не применении насилия, а в «духе этого действия». При этом, по её мнению, не может существовать оправдания для нарушения законов, но место для гражданского неповиновения должно быть в институтах правления [8, с. 755–760]. Как именно это должно быть реализовано, Х. Арендт не указывает, также она не говорит и о том, как понять, в чём именно заключается «дух» неповиновения и как его отличить от «духа» восстания.

Развивая тематику гражданского неповиновения, Юрген Хабермас помещает гражданское неповиновение посередине между законностью и легитимностью. Гражданское неповиновение – это неконвенциональное средство влияния, не нечто негативное, это не серьезный кризис и не реакция на экстремальную несправедли-

вость, это нормальная реакция, связанная с постоянным изменением ситуации, так как построение демократии и гражданского общества – это долговременный и не однолинейный процесс [8, с. 760–765].

Таким образом, анализ современных концепций феномена протеста позволил нам увидеть более системный подход в его изучении как социально-политического явления. Авторы рассматривают вопросы, связанные с функционированием государства и общества, и считают, что протест («конфликт», «мятеж», «бунт», «восстание», «гражданское неповиновение») – это неотъемлемая часть общественной жизни. Протест в их понимании – это активные публичные действия людей, которые используются как средство влияния на власть, которая ограничивает и/или угнетает часть общества или его целиком, целью которых является либо изменение законов, либо смена правительства, которое не исполняет существующих законов.

Рассмотренные теории позволяют проследить эволюцию взглядов на такое явление, как протест, на протяжении значительного периода времени. Важно понимать, что протест как явление изучался многими исследователями ещё задолго до начала использования самого термина. Это свидетельствует о давней традиции изучения различных проявлений протеста, что дает нам основания говорить о том, что само использование иных терминов (бунт, восстание, мятеж и т.д.) не влияет на суть рассматриваемых явлений. Несмотря на то, что большинство из вышеобозначенных авторов и не употребляли сам термин «протест» (по крайней мере, систематически), все они размышляли о тех явлениях, которые мы можем отнести к данному феномену.

Необходимо отметить, что в рассмотренных нами концепциях протест в целом понимается и признается как естественная и неотъемлемая часть общественной и политической жизни. Заметен и тот факт, что большинство авторов видят причиной протеста вопросы неравенства и отсутствия справедливости в обществе. Для них неравенство может выражаться по-разному и иметь свои особенности, но именно оно порождает недовольство общества и приводит, в конечном счете, к протестам. При этом, начиная с эпохи Возрождения, в структуре протеста и в качестве его ядра выделяется лидер, способный придать протесту организованность и динамику. Помимо этого, в эволюции взглядов на природу протеста можно проследить и

некий водораздел в понимании того, что такое протест. Авторы периода Античности, эпохи Возрождения и Нового времени, которые занимались этой проблемой, заявляли о том, что протест – это действия, направленные на смену политической системы и/или правителя (власти), а авторы, которых мы относим к Новейшему времени, взяв это определение за основу, добавляют важный аспект: протест – это ещё и средство влияния на власть. Прослеживается важное изменение в подходе к протесту: сейчас это не столько действия, направленные против власти, сколько действия, с помощью которых общество пытается повлиять на власть. Истинную причину такого изменения взглядов на суть протеста нам назвать сложно, но кажется весьма достоверным утверждение о том, что в связи со спецификой социально-общественных трансформаций XX и XXI веков была продемонстрирована, как минимум, спорность тезиса о том, что смена власти решит проблемы, которые существуют в том или ином обществе. Возможно, что именно поэтому изменилось не только понимание сути протеста, но и сама суть протеста. Теперь большинство протестов не направлены на смену власти, они направлены на то, чтобы власть услышала требования общества и изменилась сама.

Протест – многогранное явление. С усложнением социально-политических и экономических отношений в обществе трансформируется и природа протеста. На каждом этапе общественного развития результатом усложнения «внутренней конструкции» протеста становится появление различных его теорий. В некоторых из них авторами употребляется сам термин «протест», в некоторых нет, но все они способствуют его более глубокому пониманию. Это более глубокое понимание может помочь представителям власти более грамотно реагировать на протесты и совершенствовать систему коммуникации с обществом и его отдельными представителями. Нам представляется важным тот факт, что рассмотренные нами авторы внесли свой вклад в развитие современных западных концепций протеста, таких как концепция мобилизации ресурсов, теория относительной депривации и концепция коллективного поведения, а также коммуникативная теория. Мы считаем невозможным изучение проблемы протеста без нахождения взаимосвязи между рассмотренными в данной статье теориями

и основными современными концепциями протеста, существующими в западной социально-политической науке. К этой теме мы намерены обращаться в наших дальнейших работах.

1. Аристотель [Aristotel']. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель // Либрусек. Много книг. URL: <http://lib.rus.ec/b/129778/read> (дата обращения: 09.02.2016).

2. Бэкон, Ф. [Bacon F.] Опыты, или наставления нравственные и политические [Текст] / Ф.Бэкон. Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1978. Т.2. 574 с.

3. Вебер, М. [Weber M.] Избранное. Образ общества [Текст] / М. Вебер. М.: Юрист, 1994. 704 с.

4. Гоббс, Т. [Hobbes T.] Философские основания учения о гражданине [Текст] / Гоббс Т. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.

5. Дарендорф, Р. [Dahrendorf R.] Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы [Текст] / Р. Дарендорф. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.

6. Дюркгейм, Э. [Durkheim E.] О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1996. 347 с.

7. Камю, А. [Camus A.] Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / А. Камю. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

8. Коэн, Д.Л. [Cohen D., Arato A.] Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Д.Л. Коэн, Э. Арато. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 784 с.

9. Локк, Дж. [Locke J.] Два трактата о правлении [Текст] / Дж. Локк. Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.

10. Макиавелли, Н. [Machiavelli N.] Государь: Сочинения [Текст] / Н. Макиавелли. М.: ЭКСМО Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 656 с.

11. Маркс, К. [Marx K., Engels F.] Избранные произведения. В трех томах [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1985. 1817 с.

12. Мертон, Р. [Merton R.] Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

13. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. М.: Русский язык, 1987. 797 с.

14. Парсонс, Т. [Parsons T.] Система современных обществ. [Текст] / Т. Парсонс. М.: Аспект пресс, 1997. 270 с.

15. Платон [Platon]. Государство. Книга 8. [Электронный ресурс] / Платон // Либрусек. Много книг. URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 09.02.2016).

16. Руссо, Ж.-Ж. [Rousseau J.-J.] Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. М., «Наука», 1969. 704 с.

17. Шульц, Э.Э. Политическая теория социального протеста от Аристотеля до Гоббса [Текст] / Э.Э. Шульц // Приволжский научный вестник. 2014. № 1 (29). С. 118–124.

18. Protest / Define Protest at Dictionary.com [Электронный ресурс] // Dictionary.com. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/protest> (дата обращения: 09.02.2016).

References

1. Aristotel'[Aristotel']. Politika // Librusek. Mnogo knig, available at: <http://lib.rus.ec/b/129778/read> (accessed 09.02.2016) [in Rus].
2. Bekon F. [Bacon F.] (1978) Opyty, ili nastavleniya npravstvennye i politicheskie. Moscow, Mysl', t.2, 574 p. [in Rus].
3. Veber M. [Weber M.] (1994) Izbrannoe. Obraz obshchestva. Moscow, Yurist, 704 p. [in Rus].
4. Gobbs T. [Hobbes T.] (2001) Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine. Moscow, AST; Minsk: Kharvest, 304 p. [in Rus].
5. Darendorf R. [Dahrendorf R.] (2002) Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody. Moscow, ROSSPEN, 288 p. [in Rus].
6. Dyurkgeym E. [Durkheim E.] (1996) O razdelenii obshchestvennogo truda. Moscow, Kanon, 347 p. [in Rus].
7. Kamyu A. [Camus A.] (1990) Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo. Moscow, Politizdat, 415 p. [in Rus].
8. Koen D.L., Arato E. [Cohen D., Arato A.] (2003) Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya. Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 784 p. [in Rus].
9. Lokk Dzh. [Locke J.] (1988) Dva traktata o pravlenii. Moscow, Mysl', pp.137-405 [in Rus].
10. Makiavelli N. [Machiavelli N.] (2001) Gosudar': Sochineniya. Moscow, EKSMO Press; Khar'kov: Folio, 656 p. [in Rus].
11. Marks K., Engel's F. [Marx K., Engels F.] (1985) Izbrannye proizvedeniya. V trekh tomakh. Moscow, Politizdat, 1817 p. [in Rus].
12. Merton R. [Merton R.] (2006) Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. Moscow, AST: AST MOSKVA: KHRANITEL, 873 p. [in Rus].
13. Ozhegov S.I. (1987) Slovar' russkogo yazyka. Moscow, Russkiy yazyk, 797 p. [in Rus].
14. Parsons T. [Parsons T.] (1997) Sistema sovremennykh obshchestv. Moscow, Aspekt press, 270 p. [in Rus].
15. Platon [Platon] Gosudarstvo. Kniga 8. // Librusek. Mnogo knig, available at: <http://lib.ru/POEE-AST/PLATO/gosudarstvo.txt> (accessed 09.02.2016) [in Rus].
16. Russo Zh.-Zh. [Rousseau J.-J.] (1969) Traktaty. Moscow, «Nauka», 704 p. [in Rus].
17. Shul'ts E.E. (2014) *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, no.1 (29), pp. 118–124 [in Rus].
18. Protest /Define Protest at Dictionary.com // Dictionary.com. available at: <http://dictionary.reference.com/browse/protest> (accessed 09.02.2016) [in Eng].

UDC 321.01:323.2

SOCIAL POLITICAL THEORY OF PROTEST IN FOREIGN SCIENCE

Rudenkina Alena Igorevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration – branch, the Department Chair of Public Administration and Political Technologies, Post-graduate, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: alenarudenkina@gmail.com

Kerimov Aleksander Alievich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Head of the Department Chair of Political Sciences
Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: kerimov68@mail.ru

Annotation

The article focuses on analyzing the category of “protest” in western social political science. The authors point out the main approaches and interpretations of the notion “protest” in different periods of development of western social political thought. The article considers theoretic approaches directly not using the term “protest”, and also traces evolution of views on the nature of protest, finds out the causes of appearance of different interpretations of the notion.

Key concepts:

protest,
mutiny,
rebellion,
revolt,
civil disobedience.

УДК 323.1

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОГРАММАХ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бурков Александр Андреевич,

Уральский государственный
педагогический университет,
ассистент кафедры
социологии и политологии,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alexpost1@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается отражение тематики национальных отношений в текстах программ политических партий современной России, зарегистрированных Министерством юстиции РФ.

При анализе программ партий используются методы контент-анализа и традиционного анализа документов.

Ключевые понятия:

национальные отношения,
политические партии,
идеология,
нация,
программа.

Заметным явлением в современной России стало возрастание актуальности проблемы национальных отношений. Нередко важные общественно-политические мероприятия (митинги, собрания, праздники, демонстрации и т.д.) имеют прямую или косвенную смысловую или символическую связь с межнациональными отношениями.

В научных исследованиях такое понятие, как «национализм», часто используется в нейтральных тонах. Так, Дж. Бройи оперирует категорией «политический национализм», определяя ее как национальный фактор в политической идентификации и лояльности, дающий возможность образования национального государства [1]. Можно сказать, что такое видение является устоявшимся в западных исследованиях. В отечественных исследованиях последних лет можно проследить тенденцию противопоставления терминов «националистический» и «национальный», где первый зачастую сводится к радикальности, а второй – к умеренности [5; 6]. Некоторые авторы объясняют эту ситуацию неопределенностью в трактовках термина «нация» и родственных с ним категорий («этнос», «этничность», «национальность» и др.). Так, А.М. Кузнецов говорит о том, что «используемые исследователями термины «этнос/этничность», «нация» и их эквиваленты фактически оказываются пресловутыми «черными ящиками», которые можно наполнять каким угодно содержанием» [4, с. 16].

В этой связи интересно рассмотрение отражения национальных отношений в идеях политических партий, тем более что партийная система России в последние годы претерпевает изменения. Введенный в 2012 г. новый регламент создания и регистрации политических партий привел к заметному увеличению их числа. Так, если до 2012 года в России существовало всего 7 политических партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Патриоты России», «Справедливая Россия» и «Правое дело»), то к началу 2014 года их было уже 72, а к началу 2016 г. партий в России уже 77.¹

Важно, какие идеи выражают, к каким целям стремятся политические партии, на какие группы населения они потенциально опираются. И если речь идет об обраще-

¹ Список зарегистрированных политических партий / информация с официального сайта Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 15.01.2016).

нии к тематике национальных отношений, то актуальной проблемой становится рассмотрение того, как они отражены в идеях политических партий современной России. Для этого необходимо обратиться к программам политических партий как к документам, отражающим их основные и самые принципиальные идеи.

Отметим, что далеко не все партии имеют такой документ, как программа. Так, из 77 зарегистрированных Минюстом РФ политических партий, ставших предметом настоящего исследования, такой документ, как программа, есть у 56 партий, и 10 из них имеют крайне маленькие по объему программы, позволяющие оценить их идеологию и политические цели только в самом общем плане. Но, так или иначе, даже такие программы можно подвергнуть анализу.

Методика анализа заключается в совмещении элементов традиционного анализа документов и контент-анализа. Традиционный анализ программ заключается в том, чтобы, ознакомившись с программой политической партии, охарактеризовать основные идеи, изложенные в ней, а также сопоставить их с общей информацией о политической партии. Контент-анализ в данном исследовании осуществлялся при помощи специализированной компьютерной программы TextAnalyst 2.0, и позволил составить рейтинги часто встречающихся в программах политических партий слов и выражений. Кроме того, этот метод анализа программ позволяет найти связь определенного слова, часто встречающегося в ней, с другими словами. Так, если в программе политической партии часто встречается слово «национальный», с помощью вышеназванной компьютерной программы можно определить место данного слова в общем рейтинге часто употребляемых слов документа. Кроме этого, можно составить вторичный рейтинг слов, часто связываемых уже с отдельно рассматриваемым словом «национальный».

Например, в тексте программы такой политической партии, как «Родина», известной своим обращением к проблемам миграции и национальных отношений, наиболее частыми оказались такие слова, как «государство», «граждане», «культурный», «нация», «национальный», «политическая нация», «территория», «духовный», «проживание».

Среди этих слов и выражений можно выделить связанные со сферой националь-

ных отношений: «нация», «национальный», «политическая нация». По каждому из этих часто упоминаемых выражений можно составить отдельные рейтинги относительно того, с какими словами связаны они. Так, со словом «нация» в тексте программы данной политической партии связаны такие слова, как: «Россия», «возрождение», «граждане», «культура», «народ». Со словом «национальный» – «Россия», «граждане», «территория», «нация». С «политической нацией» – интересным словосочетанием, характерным для программы партии «Родина» связываются: «Россия», «возрождение», «граждане», «территория». Данная информация, помимо прочего, позволяет дать оценку весомости национальных отношений в тексте программы этой политической партии. В исследовании для решения данного вопроса применялась методика шкалы от 0 до 5, подробнее описанная ниже:

0 баллов – это отсутствие в тексте программы слов и словосочетаний (словесных конструктов), связанных с национальными отношениями;

1 балл – 1 словесный конструкт, не имеющий при этом большого объема в общем рейтинге (не часто употребляющийся; под частым употреблением здесь будем понимать долю лексического конструкта более 0,25% текста);

2 балла – 2 и более словесных конструктов, не имеющих большого объема в общем рейтинге (либо 1 словесный конструкт, имеющий средний объем 0,25–0,5%);

3 балла – 2 и более конструкта со средним объемом;

4 балла – 1 конструкт с большим объемом (более 0,5%) либо 1 конструкт с большим объемом и несколько – со средним;

5 баллов – несколько словесных конструктов с большим объемом, связанных с тематикой национальных отношений.

По данной методике были проанализированы все имеющиеся программы политических партий, что позволило присвоить каждой из этих программ определенный балл по описанной выше шкале. Кроме того, в ходе анализа все программы политических партий были условно разбиты на три группы в зависимости от объема текста программ (большие, средние и мелкие программы). Одни политические партии имеют большие по объему и содержательные программы, в которых описаны не только основные идеи партии, но содержится и описание ситуации в стране, обращается внимание

на основные с точки зрения партии проблемы общества. Некоторые же партии имеют крайне малые программы, объем которых исчисляется несколькими предложениями.

Как показали результаты контент-анализа, у некоторых политических партий современной России проблема национальных отношений лежит в основе текста политических программ. Так, по описанной выше пятибалльной шкале оценивания объема национальной тематики в содержании программы двум политическим партиям можно дать, условно говоря, «высший балл» ориентированности на проблематику национальных отношений:

- политическая партия «Российский общенародный союз»;
- политическая партия «Национальный курс».

В программе политической партии «Российский общенародный союз» самыми распространенными словами являются: «государство», «национальный», «Россия», «русские», «страна», «возрождение» – что подчеркивает консервативный оттенок идеологии партии, дополненный тематикой национальных отношений.

Партия «Национальный курс» в своей программе чаще всего обращается к таким словам, как «государственный», «страна», «национальный», «экономика», «социальный», «русские», «культура», «история», апеллируя к идеям этатизма, и консервативного стиля в трактовке национальных отношений

Отметим также партии, оцениваемые по описанной выше 5-балльной шкале в 4 и 3 балла:

- ЛДПР (4 балла);
- «Интернациональная партия России» (4 балла);
- «Родина» (3 балла);
- «Патриоты России» (3 балла);
- «Партия национальной безопасности России» (3 балла);
- политическая партия «Родная партия» (3 балла);
- политическая партия «Спортивная партия России «ЗДОРОВЫЕ СИЛЫ» (3 балла).

Если обращение ЛДПР к национальной тематике является известным фактом, и то, что это отражено в программе партии, на первый взгляд неудивительно. При этом, идеологическое содержание програм-

мы данной политической партии можно определить как консервативно-националистическое (либо консервативно-народническое). Примечательно, что среди парламентских партий лишь в программе ЛДПР словесные конструкции, связанные с национальными отношениями, имеют заметный вес.

Помимо ЛДПР, в ряду упомянутых партий определенную известность и популярность имеют партии «Патриоты России» и «Родина», проявляющие заметную активность на политической арене. Известно, что данные партии используют в своей деятельности обращения к проблемам национальных отношений. Так, «Родина» активно использует тематику миграции в своей программе и на практике, о чем можно судить о недавних предвыборных кампаниях данной партии.²

Согласно описанной методике объем лексических конструкций, связанных с отражением тематики национальных отношений в тексте программы политической партии «Родина», может быть оценен в 3 балла, что говорит о заметной выраженности данной темы в программе партии (слова «национальный» и «нация» в своем суммарном объеме занимают более 1% текста программы).

Другие же из названных партий недавно появились на политической арене современной России, и об их программах можно говорить лишь как о декларациях и самопрезентации. Интересно, что в идеях одной из названных партий (Спортивная партия «ЗДОРОВЫЕ СИЛЫ») национальная тематика связывается с темой спорта и пропаганды физической культуры. Видимо, данная политическая партия рассматривает в качестве своих сторонников определенные молодежные течения националистического характера, среди которых в последние годы также популярны стали проблемы пропаганды здорового образа жизни, физкультуры, трезвости, борьбы с наркоманией, что перекликается с программой этой партии.

Как видно, партии, обращающиеся к проблемам национальных отношений в своих программах весьма разнообразны. Здесь, с одной стороны, опытная политическая партия ЛДПР, часто именуемая себя «старейшей» партией современной России, и такие небезызвестные политические игроки, как «Родина» и «Патриоты России»,

² Официальный сайт политической партии «Родина» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodina.ru> (дата обращения: 10.05.2015).

а с другой стороны – небольшие и малоизвестные новые политические партии. Что касается последних, то их сегодня трудно считать серьезными претендентами не только на власть, но и на сколь бы то ни было заметную роль в политической жизни. И к программам данных партий можно относиться как к декларациям о намерениях. Однако даже среди описанных выше крупных и известных партий, национальный дискурс принимает различные формы. Так, в программе ЛДПР заметно обращение к этническим аспектам национализма, и одним из самых распространенных слов является «русский», подчеркивая актуальность национального вопроса. Однако в содержании самой программы проблемы национальных отношений не ставятся отдельным вопросом, а являются вплетенными в рассмотрение самых разных проблем – истории, культуры, социальных проблем современности, экономического развития и др.

Тема национальных отношений становится предметом обращения самых различных по своим идеологическим ориентациям партий, и идеи по их регулированию связываются с другими политическими идеологиями. Некоторые исследователи разделяют все политические идеологии на две группы: крупные идеологии (социализм, либерализм, консерватизм) и локальные идеологии (экологизм, феминизм, глобализм) [7, с. 19]. Известная позиция И. Валлерстайна о том, что по большому счету есть только три формы политических идеологий – консерватизм, либерализм и социализм [2, с. 150–159], в данном случае является концептуальным вектором исследования. Есть смысл говорить о трех форматах презентации идей национальных отношений: консервативном, либеральном и социалистическом.

Обращаясь к национальной тематике, некоторые партии делают явный акцент на сохранении исторических традиций, свойственных народу, видят главную ценность в стабильности, призывают к возрождению былого величия. Таким образом, проявляется консервативный характер национального дискурса. Нация в таком понимании есть народ с его исторически сформировавшейся культурой, традицией, духовностью. При этом часто партии консерва-

тивного толка обращаются к религиозной тематике, возвращаясь в своих программах к церковным ценностям, идеалам духовности и т.п. Это видно даже в названиях некоторых партий: Партия духовного преображения России, Монархическая партия России. Из крупных политических партий уклон в сторону консерватизма заметен в программах ЛДПР и «Единой России».

Национальный дискурс в программе «Единой России» заслуживает отдельного внимания, как и идеология данной политической партии в целом. Ведь с момента своего основания данная партия не позиционировала себя как партия одной строго определенной идеологии, проявляя в данном вопросе некое лавирование между различными идеологическими течениями. Если речь идет о развитии рынка и экономики, в программных установках данной партии можно заметить обращение к принципам либерализма, когда дело касается социальной политики и защиты различных категорий граждан – налицо социалистический дискурс. Однако в последние годы идеологию «Единой России» многие исследователи [3], да и представители самой партии, все чаще характеризуют как консервативную, главными ценностями которой являются стабильность, авторитет государства, традиционные российские общественные и исторические ценности.³ Интересен в этой связи национальный компонент идеологии данной партии, место национального вопроса в ее идеях. Впрочем, в программных заявлениях данной партии нет достаточной определенности. Так, при контент-анализе видно, что в программе «Единой России» национальные отношения не имеют заметного веса, эта тематика обходится стороной. Но при контент-анализе другого программно-документа этой партии, «Программы «Единой России» на выборах Президента РФ 2012 г.»⁴, национальная тематика уже имеет весьма ощутимый вес, а категория «национальный» используется очень часто и уступает по частоте употребления лишь таким словам, как «государственный», «Россия», «модернизация» и «граждане». Сама же категория «национальный» связывается в тексте с такими словами, как «государство», «законы», «религиозный»

³ Габуев А., Тарасенко П., Анн-Дорит Б. «Единая Россия» вливается в ряды европейских консерваторов [Текст] // Коммерсант. 2009. № 232. 11 декабря; Исаев А.К. Социальный консерватизм – идеология «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <http://isaev.info/vzglyad/6/> (дата обращения: 12.05.2015).

⁴ Программа «Единой России» на выборах Президента РФ 2012 г. / информация с официального сайта ВПП «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://er.ru/party/presidential_election/ (дата обращения: 10.05.2015).

и «экономический», что также обращает внимание на консервативный характер националистического дискурса данной партии.

Видно, что обращение к консервативной форме национального дискурса характерно для различных политических партий и имеет довольно разнообразные воплощения от уклона к авторитарности до гражданско-демократической риторики.

Некоторые партии связывают национальные отношения с проблемами развития рыночной экономики, коррупцией, проблемой соблюдения закона и развитием гражданского общества, что характеризует либеральный дискурс. В программах политических партий современной России, позиционирующих себя либеральными («Яблоко», «ПАРНАС», «Гражданская сила» и т.п.) национальный дискурс слабо выражен и не имеет весомого положения. Если в текстах программ данных партий и встречается употребление термина «национальный», то чаще всего по смыслу он сводится к синониму термина «гражданский».

Впрочем, это отнюдь не говорит о том, что практическая деятельность подобных партий не связана с национальными отношениями. К примеру, политическая партия «Другая Россия», позиционирующая себя либеральной партией, в своей программе не имеет и тени намека на присутствие в своей идеологии националистических идей. Однако известна связь данной партии с фигурой Э. Лимонова, известного в прошлом идеолога русского национализма, идейного лидера бывшей Национал-большевистской партии. Сегодня партия официально не существует, но в виртуальном пространстве можно встретить публикации и иные материалы, созданные от имени НБП, под ее названием.

В программах ряда партий национальная тематика также может переплетаться с принципами и идеями социализма. В программе КПРФ собственно национальный вопрос как проблема отношений между людьми разных национальностей трактуется традиционно сквозь призму социалистической идеи «дружбы народов» и «социалистического интернационализма». Однако в содержании программы видно обращение к ряду вопросов, близких к националистической тематике. Так, часто употребляемое слово «национальный» трактуется как «народный», «государственный». Кроме того, частое обращение к тематике патриотизма – заметная черта идеологии этой партии. Если сопоставить

это с некоторыми инициативами, неоднократно озвучиваемыми руководством данной партии в последнее время, такими, как обращение к теме особой, объединяющей роли русского народа в истории России, инициативам вернуть графу «национальность» в паспорта граждан РФ, то можно сделать вывод о заметной роли националистических идей в идеологии КПРФ. Интересно в этом случае то, с какой целью данная партия обращается к данной тематике – для зарабатывания ли голосов и склонения на свою сторону националистов либо из-за насущности национального вопроса в современной России и невозможностью обойтись без обращения к нему.

Другие партии социалистического толка также уделяют национальному вопросу заметное внимание. Так, уже упомянутая ранее партия «Родина», именуемая, помимо всего прочего, социалистическим движением, в своей программе уделяет особое внимание национальному вопросу, сводя его к решению миграционных проблем, а также сохранению культуры России, ее национальной самобытности и духовному возрождению традиционных ценностей. Как видно, здесь комфортно соседствуют идеи национализма, консерватизма и социализма.

Описанные результаты исследования программ политических партий показывают, какие различные формы могут принимать идеи «национального вопроса», отражаясь в партийных идеологиях, как разнообразны трактовки понимания концептов «нация» и «национальный». Одни политические партии в «национальном» видят традиции, культуру и историю страны. Другие – граждан, население и народы современной России. Третьи понимают под национальными интересами государственные, а в нации видят воплощение государства. Но и первые, и вторые и третьи подчеркивают актуальность «национального вопроса», активно обращаясь к нему в своих программных документах. Это характеризует национальные отношения как важную социальную проблему с одной стороны, и как популистский инструмент артикуляции политических идей и манипуляции электоратом – с другой.

Важно, чтобы проблема национальных отношений не становилась политической идеей фикс, что непременно приведет к росту конфликтности в обществе и радикализации настроений в политической сфере.

1. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма [Текст] / Дж. Бройи // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.

2. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение [Текст] / И. Валлерстайн. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

3. Гончаров, В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/664/30> (дата обращения: 15.08.2015).

4. Кузнецов, А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе [Текст] / А.М. Кузнецов // Политические исследования. 2007. № 6. С. 9–23.

5. Мнацаканян, М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений [Текст] / М.О. Мнацаканян // Политические исследования. 2007. № 6. С. 24–35.

6. Раскин, Д.И. Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности [Текст] / Д.И. Раскин // Политические исследования. 2007. № 6. С. 36–44.

7. Сирота, Н.М. Идеология и политика [Текст] / Н.М. Сирота. М.: Аспект Пресс, 2011. 217 с.

References

1. Broji Dzh. (2002) Podhody k issledovaniju nacionalizma // Nacii i nacionalizm. Moscow, Praksis, pp. 201–236 [in Rus].

2. Vallerstajin I. (2006) Mirossystemnyj analiz: Vvedenie. Moscow, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 248 p. [in Rus].

3. Goncharov V.Je. (2010) *Politicheskaja jekspertiza: POLITJEKS*, available at: <http://www.politex.info/content/view/664/30> (accessed 15.08.2015) [in Rus].

4. Kuznecov A.M. (2007) *Politicheskije issledovanija*, no. 6, pp. 9–23 [in Rus].

5. Mnacakanjan M.O. (2007) *Politicheskije issledovanija*, no. 6, pp. 24–35 [in Rus].

6. Raskin D.I. (2007) *Politicheskije issledovanija*, no. 6, pp. 36–44 [in Rus].

7. Sirota N.M. (2011) *Ideologija i politika*. Moscow, Aspekt Press, 217 p. [in Rus].

UDC 323.1

REFLECTION OF NATIONAL RELATIONSHIPS IN THE PROGRAMS OF REGISTERED POLITICAL PARTIES OF MODERN RUSSIA

Burkov Aleksander Andreevich,
Ural State Pedagogical University,
Teaching assistant of the Department Chair
of Sociology and Political Science,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: alexpost1@list.ru

Annotation

The article considers the reflection of national relationships in the texts of the programs of political parties of modern Russia, registered by the Ministry of Justice of Russian Federation. When analyzing the programs of the parties methods of content-analysis and traditional analysis of documents are used.

Key concepts:

national relationships,
political parties,
ideology,
nation,
program.

УДК 323.1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТНЫХ ПОЗИЦИЙ В ДАГЕСТАНЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ¹

Адиев Асланбек Залимханович,

Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра
Российской академии наук,
ученый секретарь РЦЭИ ДНЦ РАН,
кандидат политических наук,
г. Махачкала, Россия.
E-mail: khalid_84@mail.ru

Курбанов Роберт Шабанович,

Южный федеральный университет,
младший научный сотрудник
Института философии и
социально-политических наук ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: kurbanov_05dag@mail.ru

Аннотация

В работе описывается практика политического представительства этнических групп в региональных органах государственной власти Республики Дагестан, где в целях обеспечения общественно-политической стабильности и федеральный центр, и республиканское руководство стараются сохранить межэтнический баланс при распределении властных позиций.

Ключевые понятия:

этническое квотирование,
политическое представительство,
Дагестан,
региональная власть.

Одним из механизмов согласования интересов субъектов гражданского общества в его этнокультурной модели на уровне политико-управленческих процессов является обеспечение представительства этнических групп в системе органов государственной власти, что применяется в полиэтничных регионах Российской Федерации. Так, в СКФО кадровая политика федерального центра в отношении руководства полиэтничных республик, а также кадровая политика руководства самих республик опирается на институт неформального этнического квотирования, согласно которому во властных структурах регионов должны быть представлены так называемые субъектообразующие, или «титовые» этносы. Считается, что практика обеспечения представительства основных этнических групп во властных структурах призвана поддерживать общественно-политическую стабильность в регионе. В теоретическом плане данная политико-управленческая гипотеза, как и сама наша работа, опирается на концепцию общественной демократии в сложносоставных обществах (сегментированных на этнические, языковые, конфессиональные и расовые группы). Ее автор, А. Лейпхарт, называет первой и основной отличительной чертой общественной демократии сотрудничество элит, без которого сегментированное общество, как и государство, обречено на распад. Смысл концепции общественной демократии определяют два основных момента, а именно: «сегментарные различия», т.е. различия между группами населения многосоставного общества и политическое сотрудничество элит, представляющих его основные группы. При этом характерные для традиционного общества ориентации, по мнению А. Лейпхарта, чрезвычайно глубоко укоренены, и отдельные лидеры *«практически неизбежно оказываются представителями интересов отдельных сегментов и, следовательно, политиками, неприемлемыми для остальных сегментов»* [5, с. 264]. Поэтому одним из важных элементов демократического режима в сегментированных обществах является представительство в органах власти всех основных групп.

Предполагается, что представленность этнических групп в органах государственной власти уменьшает риски их протестной мобилизации против госу-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 16-03-00440.

дарства. Как пишет А. Лейпхарт, для них *«перспектива участия в правительстве служит мощным стимулом для отказа от радикализма»* [5, с. 66]. Политическое представительство дает им возможность участвовать в обсуждении и принятии решений, что конструктивным образом влияет на снижение протестного потенциала этих групп при возникновении конфликтных ситуаций. Кроме того, институт неформального этнического квотирования в понимании его сторонников не позволяет монополизировать политическую власть этническим большинством и гарантирует представительство во властных структурах даже малочисленным этническим группам. Но насколько действенна подобная практика в плане реализации политических интересов этнических меньшинств в современных условиях российских регионов? Ведь, по справедливому замечанию проф. В.П. Панова, когда мы говорим о функционировании системы, гарантирующей этническое представительство, *«необходима так или иначе определенная «связанность» между этим сегментом и его представителем. Иными словами, представитель должен восприниматься этническим сегментом как именно его («свой») представитель. И одновременно представитель должен воспринимать себя как представителя данной («своей») этнической группы»* [6, с. 151]. Возникает необходимость подробного исследования практик этнического квотирования в органах государственной власти в полиэтничных республиках Российского Кавказа, изучения политической целесообразности функционирования данного института в контексте формирования и реализации научно обоснованной государственной национальной политики.

В управленческом и экспертном мнении относительно политического устройства Республики Дагестан (РД) доминирует суждение, что в регионе действует неформальная система этнического квотирования. В 90-е годы в Дагестане политическое представительство этнических групп было гарантировано Конституцией республики и местными законами о выборах. До 2006 года высшим органом государственной власти в республике являлся коллегиальный Государственный Совет РД, куда входили по одному представителю от всех 14 признанных народов республики. Государственный Совет избирался Конституционным собранием, а

члены Госсовета избирали из своего круга Председателя высшего органа власти. Кроме того, каждый член Госсовета обладал правом вето на любые политические решения, касающиеся жизненных интересов своего народа. Государственный Совет как коллективный глава республики был сформирован, по мнению политолога К.Г. Ланда, *«во-первых, в качестве наиболее подходящего института, способного обеспечить успешный переход к политической демократии, во-вторых, как инструмент включения во властную систему представителей основных этносов Дагестана»* [4, с. 64].

Политическое представительство этнических групп обеспечивалось и в Народном Собрании РД через особую систему выборов – национально-территориальные округа и резервирование мест в парламенте за представителями малых этносов, пока Москва не принялась за работу по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, с целью унификации правового поля внутри страны. И дагестанские власти, начиная с 2003 года, были вынуждены исключить из республиканской Конституции и местных законов о выборах положения о представительстве этносов в органах государственной власти. По этому поводу первый президент РД М. Алиев пишет: *«Для нас очень важно, чтобы парламент республики реально был не только законодательным органом, но и представительным, в частности представлял все 14 дагестанских народов. Федеральный закон не позволяет учитывать этот фактор. В центральных СМИ утверждается мысль об архаичности подходов, учитывающих национальный фактор. Возможно, для других субъектов это не имеет принципиального значения, но для Дагестана это крайне важно. Только такой подход позволяет решить одну из главных задач, стоящих перед республикой. И аспект национального представительства сегодня имеет больше значения для избирателей, чем идеи и программы политических партий, в которых сами кандидаты не очень еще разбираются»* [1, с. 394].

Но, несмотря на отсутствие сегодня формальных механизмов обеспечения политического представительства этнических групп в Дагестане, практика распределения властных позиций не перестала учитывать этнический фактор. Должности главы республики, председателя прави-

тельства и спикера парламента неизменно занимают представители трех разных дагестанских народов: аварцев, даргинцев и кумыков.

Примечательно, что и федеральный

кандидатов, представляемых Президентом Российской Федерации¹. Скорее всего, федеральный центр и в дальнейшем не предложит на рассмотрение дагестанским парламентариям кандидатов на должность

Таблица 1

Политическое руководство Дагестана с 1994 по 2016 г.

Период работы	Высшее должностное лицо Республики Дагестан	Период работы	Председатель правительства Республики Дагестан	Период работы	Председатель Народного Собрания Республики Дагестан
1994–2006 гг.	Магомедов Магомедали Магомедович (даргинец)	1994–1997 гг.	Мирзабеков Абдуразак Марданович (кумык)	1995–2006 гг.	Алиев Муху Гимбатович (аварец)
		1997–2004 гг.	Шихсаидов Хизри Исаевич (кумык)		
		2004–2006 гг.	Алиев Атай Баширович (кумык)		
2006–2010 гг.	Алиев Муху Гимбатович (аварец)	2006–2010 гг.	Зайналов Шамиль Магомедович (кумык)	2006–2007 гг.	Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич (даргинец)
				2007–2010 гг.	Сулейманов Магомед Валибагандович (даргинец)
2010–2013 гг.	Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич (даргинец)	2010–2013 гг.	Абдулаев Магомед Имранович (аварец)	2010–2013 гг.	Магомедов Магомед-Султан Байболатович (кумык)
с 2013 по НВ	Абдулатипов Рамазан Гаджимуратович (аварец)	2013 г.	Меджидов Мухтар Муртузалиевич (даргинец)	с 2013 по НВ	Шихсаидов Хизри Исаевич (кумык)
		с 2013 по НВ	Гамидов Абдусамад Мустафаевич (даргинец)		

центр по отношению к республике соблюдает данную политическую традицию. В период назначения глав субъектов Президентом Российской Федерации руководителями Дагестана поочередно становились представители двух самых крупных дагестанских этносов: М.Г. Алиев (аварец), М.М. Магомедов (даргинец), Р.Г. Абдулатипов (аварец). А текущее законодательство регламентирует порядок избрания главы республики депутатами НС РД из числа трех

главы республики с «неподходящей» национальностью.

Согласно ст. 84 Конституции РД правительство РД слагает свои полномочия перед вновь избранным главой РД и по его поручению продолжает выполнять свои функции до формирования нового регионального правительства. Председатель вновь сформированного правительства назначается главой Дагестана с согласия Народного Собрания РД. Таким образом,

¹ О порядке избрания главы Республики Дагестан депутатами Народного Собрания Республики Дагестан: Закон Республики Дагестан от 6 июня 2013 г. № 29 // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2013. № 11, (14 июнь). С. 1485–1489 (ст. 719).

процедурно не сложно контролировать учет этнического представительства при назначении председателя дагестанского правительства. И действительно, в период руководства республикой Магомедом Магомедовича Магомедова – председателя Государственного Совета РД, на посту председателя дагестанского правительства проработали, сменяя друг друга, три чиновника, и все они одной национальности – кумыки. Таким образом, в условиях, когда две из трех высших политических должностей в республике заняты даргинцем и аварцем, третий пост негласно зарезервирован за политиком кумыкской национальности.

Но спикер НС РД – должность не назначаемая, а избираемая, и теоретически вполне допустимо, что депутаты НС РД могут избрать спикером местного парламента депутата той же национальности, что, к примеру, и глава республики или председатель правительства, или представителя вообще другой национальности, например русского. Однако на практике такого в Дагестане ни разу не происходило. Из табл. 1 видно, что при президенте аварце М.Г. Алиеве сменялся спикер НС РД, что происходит крайне редко (это практически единственный случай за весь постсоветский период). Вначале спикером был избран даргинец Магомедсалам Магомедов, но уже через год новым председателем НС РД стал другой даргинец М.В. Сулейманов. А в 2010 году, когда Магомедсалам Магомедов сам стал президентом республики, автоматически встал вопрос о смене спикера парламента, поскольку они оба даргинцы. Так, во время избрания спикером НС РД в 2010 году кумыка М.-С.Б. Магомедова, президент Магомедсалам Магомедов сообщил, что *«руководить парламентом будет кумык, поэтому на президиуме рассматривались только кандидатуры данной национальности»*². Заявляя об этом, президент Дагестана не мог ссылаться на какой-либо закон, поскольку в России отсутствует формальный институт квотирования или резервирования мест в органах государственной власти для представителей этнических групп. Таким образом, в современном Дагестане речь идет об институте неформального этнического квотирования. Это действительно

но неформальный политический институт, поскольку распределение властных позиций в высшем политическом руководстве Дагестана осуществляется по неким неписаным правилам, предписывающим необходимость представительства трех (согласно количеству высших государственных должностей) самых крупных дагестанских этносов в органах государственной власти. Представляется, что в глазах дагестанской общественности политическое руководство республики не будет легитимным, если две из трех указанных должностей будут занимать представители одной этнической группы. При этом роль профессиональных и других качеств политика (чиновника) как государственного управленца никто не принижает, но выбор кандидатов на высшую должность резко ограничивается их национальной принадлежностью. Причем, как было показано на примере позиции спикера дагестанского парламента, абсолютно не важно, назначаемая эта должность или избираемая.

Если посмотреть на территориальное и этническое представительство дагестанцев в составе республиканского правительства на начало 2016 года, то можно увидеть в структуре органов исполнительной власти РД признаки соблюдения национального квотирования. Нынешний председатель правительства РД – даргинец, а его первые заместители – по национальности аварец и лезгин. Среди не первых заместителей председателя правительства есть аварец, кумык, лакец, лезгин, табасаранец и даже кабардинец. Больше всех в правительстве РД представлены аварцы – 15 из 38 позиций. Количественно вслед за аварцами в дагестанском правительстве больше остальных представлены кумыки: 1 заместитель председателя правительства РД и 4 министра. Даргинцы: председатель правительства РД, 2 министра и 1 председатель республиканского комитета. В составе правительства РД четыре чиновника лезгинской национальности, еще 2 чиновника – лакцы; 1 – русский; 1 – табасаранец; 1 – азербайджанец; 1 – чеченец и 1 – кабардинец³.

В основе функционирования института неформального этнического квотирования при распределении властных позиций в Дагестане лежит глубоко укорененное в

² Спикером парламента Дагестана избран Магомедсултан Магомедов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/166942/> (дата обращения: 08.04.2016).

³ Состав Правительства Республики Дагестан // Официальный сайт Правительства РД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-dag.ru/2013-05-27-06-53-44/2013-05-27-23-08-55.html> (дата обращения: 15.02.2016).

дагестанском обществе убеждение, что в высших эшелонах власти должны быть представлены основные дагестанские этносы. Это убеждение поддерживает систему квотирования и заставляет ее работать. Глава РД вынужден учитывать этнический фактор при осуществлении кадровой политики в республике. В то же время, идея необходимости политического представительства этнических групп во многом характеризует и отношение к властным позициям в республике. По мнению многих исследователей, в Дагестане властная позиция рассматривается, в основном, как высокий статус, позволяющий участвовать в распределении бюджетных средств. Как пишет К.И. Казенин, «*“кланы” в северокавказских республиках – это союзы чиновников и предпринимателей, создаваемые для решения практических задач: расширения контроля над финансовыми потоками, укрепления политического влияния в регионе, развития связей за его пределами*» [3, с. 24]. Для политической элиты, устроенной по описанной «клановой» модели, институт неформального этнического квотирования при распределении властных позиций представляется удобным инструментом при оспаривании тех или иных назначений. Например, ситуация с назначением В. Радченко на пост главы УФСН России по РД в феврале 2009 года описывалась в СМИ как политическая борьба дагестанских политических альянсов, в которой одна из сторон противостояния покушалась на систему негласного этнического квотирования при распределении высоких должностей⁴.

Разумеется, речь не идет о том, что каждое назначение чревато актуализацией этнополитического дискурса в регионе. Как выразился М. Алиев, «*невозможно обеспечить представительство в органах власти и управления того или иного народа с аптекарской точностью*» [2, с. 213]. К тому же система этнического квотирования, по наблюдениям К.И. Казенина, постепенно теряет былую актуальность. В частности, пишет исследователь, «*сокращается количество должностей, замещение которых регулируется этой неформальной системой. Так, в Дагестане в последние годы не раз имела место замена чиновника одной национальности на чиновника другой национальности на уровне вице-премьеров и министров, и вовсе не всегда это сопровождалось, как*

раньше, «компенсирующей» кадровой заменой, когда какое-либо назначение получал представитель национальности, «потерявшей» должность» [3, с. 23].

Итак, сегодня интерес дагестанской общественности к национальной принадлежности чиновников значительно ниже, чем был несколько лет назад. Вместе с тем существуют риски обострения общественно-политической обстановки из-за явных перекосов в пользу или в ущерб той или иной этнической группы. Тенденция сверхпредставительства крупных по численности этносов и сокращение представительства малых по численности этносов наблюдается в региональных органах исполнительной власти РД. Что касается парламента республики, то этническое и территориальное представительство дагестанцев в НС РД гораздо шире, но такое представительство групп не может рассматриваться как эффективная модель обеспечения межэтнического баланса (см. табл. 2).

Во-первых, в этом представительстве отсутствует институционализация связей между депутатами и соответствующими этническими сегментами общества. Говоря о депутатах парламентов из числа этнических меньшинств, М.Х. Фарушкин пишет: «*Их никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию*» [7, с. 35]. В данном случае под этническим представительством понимается только лишь наличие в составе представительного органа депутатов, которых по неким «объективным признакам» можно отнести к тем или иным этническим группам. Они не попали туда по каким-то парламентским квотам для этнических меньшинств. Во-вторых, в силу несопоставимости ресурсов крупных и малых по численности этнических групп представительство последних зачастую оказывается лишь символическим. Например, нахождение в Народном Собрании республики текущего созыва, состоящем из 90 парламентариев, одного депутата – цахура – вряд ли можно рассматривать как механизм полноценного политического представительства данной этнической группы в органах государствен-

⁴ Владимир Радченко не будет главой УФСН Дагестана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/149403/> (дата обращения: 04.04.2016).

Таблица 2

**Этническое представительство дагестанцев
в Народном Собрании Республики Дагестан V созыва (2011–2016 гг.)⁵.**

№	Этнические группы	Количество депутатов в НС РД V созыва	Из них женщины
Всего депутатов НС РД		90	4
1	Аварцы	25	0
2	Агульцы	1	0
3	Азербайджанцы	3	1
4	Даргинцы	15	0
5	Кумыки	12	0
6	Лакцы	5	0
7	Лезгины	13	1
8	Ногайцы	1	0
9	Табасаранцы	3	0
10	Таты	1	1
11	Русские	4	1
12	Рутульцы	3	0
13	Цахуры	1	0
14	Чеченцы	3	0

ной власти РД. В-третьих, пребывание в парламенте не гарантирует соблюдения интересов этнических меньшинств, поскольку в Дагестане высшим органом государственной власти по конституции является глава республики, а не Народное Собрание, и в плане более эффективной реализации этнических интересов представительство в парламенте является наиболее действенным в парламентской республике.

Таким образом, институт неформального этнического представительства в Дагестане при распределении властных позиций на региональном уровне представляет собой некую политическую традицию строгого учета национальности при избрании и назначении трех высших государственных деятелей: главы РД, председателя НС РД и председателя правительства РД. На уровне регионального правительства руководство республики не обязано учитывать этнический фактор, но

все же старается сделать его максимально представительным.

В законодательном органе власти республики принцип политического представительства этнических групп работает, обеспечивая присутствие среди парламентариев представителей малых по численности дагестанских этносов, но зачастую, это представительство является «символическим» и не позволяет говорить о полноценном учете групповых интересов малых по численности народов Дагестана. Вместе с тем в условиях отсутствия правовых основ для поддержки механизмов, гарантирующих политическое представительство этнических групп в органах государственной власти Республики Дагестан, единственным способом обеспечения межэтнического баланса в регионе является практика неформального этнического квотирования. Ее ценность заключается, прежде всего, в содействии формированию общеграждан-

⁵ Депутаты Народного Собрания Республики Дагестан // Официальный сайт НС РД [Электронный ресурс]. URL: http://nsrd.ru/organizatsiya/deputati_ns_rd (дата обращения: 04.04.2016).

ской идентичности через сопричастность всех этнических групп Дагестана к институтам государственной власти.

1. Алиев, М.Г. Выбор курса. Проблемы модернизации региона [Текст] / М.Г. Алиев. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 716 с.

2. Алиев, М.Г. Неожиданный поворот. Проблемы модернизации региона [Текст] / М.Г. Алиев. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 724 с.

3. Казенин, К.И. Северный Кавказ и современная модель демократического развития: Экспертный доклад [Текст] / К.И. Казенин, И.В. Стародубровская. М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. 69 с.

4. Ланда, К.Г. Место и роль Государственного Совета в формировании властной системы Республики Дагестан [Текст] / К.Г. Ланда // Власть. 2016. № 1. С. 63–67.

5. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование [Текст] / А. Лейпхарт / пер. с англ., под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 1997. 287 с.

6. Панов, П.В. Этничность и распределение властных позиций в полиэтничном обществе: проблемы и решения [Текст] / П.В. Панов. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. 600 с.

7. Фарукшин, М.Х. Политическое представительство этнических групп [Текст] / М.Х. Фарукшин // Вестник российской нации. 2011. № 4–5. С. 24–44.

References

1. Aliev M.G. (2015) *Vybor Kursa. Problemy modernizacii regiona*. Moscow, Izd-vo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 716 p. [in Rus].

2. Aliev M.G. (2015) *Neozhidannyj povorot. Problemy modernizacii regiona*. Moscow, Izd-vo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 724 p. [in Rus].

3. Kazenin K.I., Starodubrovskaja I.V. (2016) *Severnyj Kavkaz i sovremennaja model' demokraticheskogo razvitija: Ekspertnyj doklad, Komitet grazhdanskih iniciativ*. Moscow, 69 p. [in Rus].

4. Landa K.G. (2016) *Vlast'*, no 1, pp. 63–67 [in Rus].

5. Lejphart A. (1997) *Demokratija v mnogostavnyh obshhestvah: sravnitel'noe issledovanie*. Moscow, Izd-vo Aspekt Press, 287 p. [in Rus].

6. Panov P.V. (2015) *Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, reshenija* Moscow, Izd-vo «Aspekt Press», pp. 148–158. [in Rus].

7. Farukshin M.H. (2011) *Vestnik Rossijskoj nacii*, no 4–5, pp. 24–44 [in Rus].

UDC 323.1

DISTRIBUTION OF POWER POSITIONS IN DAGESTAN: STUDYING THE POLITICAL REPRESENTATION OF ETHNIC GROUPS IN REGIONAL AUTHORITIES

Adiev Aslanbek Zalimhanovich,
Regional Centre of Ethnopolitical Researches
of Dagestan Scientific Centre of Russian
Academy of Science,
Scientific Secretary of RCER DSC RAS,
Cand.Sc. (Political Sciences),
Makhachkala, Russia.
E-mail: khalid_84@mail.ru

Kurbanov Robert Shabanovich,
South Federal University,
Junior research fellow of the Institute of
Philosophy and Social and Political Sciences
of SFU,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: kurbanov_05dag@mail.ru

Annotation

The article describes the practice of political representation of ethnic groups in regional government authorities in the Republic of Dagestan where in order to provide social and political stability both the federal center and the republic's authorities try to preserve inter-ethnic balance when distributing power positions.

Key concepts:

ethnic fixing quotas,
political representation,
Dagestan,
regional authorities.

УДК 322.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА И РПЦ

Сергеева Александра Нахмановна,

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургская школа социальных
и гуманитарных наук,
департамент прикладной политологии,
старший преподаватель,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: alevagn@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию модели взаимодействия советских и российских политических лидеров и Патриархов Русской Православной Церкви в контексте постсекулярного дискурса.

Ключевые понятия:

постсекулярность,
политика,
религия,
коммуникация,
символический ресурс,
сакральность.

Концептуализация постсекулярного основания общественного устройства позволяет анализировать современные политические институты в контексте нивелирования характерных для модернистской парадигмы границ дихотомии «клерикальное – светское», «религиозное – секулярное», «сакральное – профанное». Новые коммуникативные принципы, «действенные для всех» [4], позволяют актерам публичного процесса моделировать репертуар взаимодействий. Исходя из данных тезисов, рассмотрим трансформацию конфессионально-государственных отношений в современной России на примере формирования нового типа диалога между политическими лидерами и Предстоятелями Русской Православной Церкви в период с 1988-го по 2015 г.

Начальным этапом выстраивания религиозно-политических взаимоотношений явилась официальная встреча в Кремле тогда еще Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Святейшего Синода Русской Православной Церкви. Отсутствие опыта проведения такого рода переговоров проявилось в специфике формулирования приветственных обращений. Так, М. С. Горбачев предварил свою речь фразой: «Рад побеседовать с вами, готов послушать вас и ответить на ваши вопросы».¹ В ответном слове Патриарх Пимен использовал следующий оборот: «Примите самую сердечную благодарность...» и далее «Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич...».² В своей речи лидер партии обозначил позицию политического руководства страны: «Мы ясно видим всю глубину наших мировоззренческих различий, но вместе с тем реалистически учитываем существующую ситуацию. Верующие – это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. <...> В особенности это относится к сфере нравственности, где общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу. Так что точек соприкосновения для плодотворного диалога у нас много. У нас общая история, одно настоящее и одно будущее».³

Последовавшие вскоре общественно-политические трансформации, связанные, в том числе, с активным включением религиозного компонента в публичное пространство, способствовали более тесному церковно-государственному диалогу, что позволило аналитикам говорить о формировании «проправославного консенсуса». И «мировоззренческие различия» лидеров не будут так очевидны, и

¹ Верующие – это советские люди, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения (из архива ЖМП). Официальный сайт: Журнал Московской Патриархии и Церковный вестник. [Электронный ресурс]. URL: http://e-vestnik.ru/docs/vstrecha_genseka_gobacheva_s_patriarhom_pimenom_7144 (дата обращения: 01.10.14).

² Там же.

³ Там же.

«право выражать свои убеждения» приобретет силу закона о защите этих прав, и атеистический образ мысли станет синонимичен «политически опасной ереси» [6, с. 12], а стилистика приветствий политических и церковных лидеров приобретет формы «Ваше Святейшество...» и «Ваше Превосходительство...».

Период, начиная от 1990-х годов, «когда начальники стали выстраиваться в храмах со свечками и люди язвительно прозвали их “подсвечниками”⁴, до ставших уже привычными репортажами о присутствии первых лиц государства во время богослужений, вместит в себя широкий пласт онтологического общественного и индивидуального переосмысления.

За относительно короткий промежуток времени коммуникативные модели взаимодействия государственных и духовных лидеров наполняются новым символическим содержанием, изменится формат общения, риторика и личная дистанция. Взаимодействия М. С. Горбачева с Патриархом Пименом, а затем и с главой РПЦ Алексием II носили скорее «ознакомительный характер» и связаны были в основном с преодолением многолетнего взаимного недоверия представителей политического руководства и церковного клира. Б. Ельцин проявлял доверие к религиозным институтам в целом, лично к Патриарху Алексию II и полагал, что «слияние воедино» оба ведомства должны послужит на благо стране. Интересно, что среди биографов Б. Ельцина нет единого мнения в интерпретации такой позиции президента: Т. Колтон [1] и Б. Минаев [2] акцентируют внимание на особенностях семейной традиции старообрядческого мировоззрения и факте крещения в младенчестве по православному обряду; Ю. Батурин пишет, что «воспитанный в атеизме, он воспринимал Патриарха не как духовного пастыря, а как олицетворение культуры и традиций» [5, с. 269]. Знаковым является присутствие Патриарха Алексия II 31 декабря 1999 года в момент принятия отставки Б. Ельцина и передачи полномочий главы государства В. Путину. По различным версиям, «Патриарх приехал в Кремль, чтобы поздравить президента с Новым годом» [2, с. 730] и возможно не знал о предстоящем событии или Патриарх был специально приглашен Б. Ельциным для благословления приемника. Однако оба представленных варианта свидетельствуют о формировании новой конфигурации церковно-государственных взаимоотношений.

В период опасного конституционного кризиса 1993 года, когда общество находилось на пороге гражданской войны, Русская Пра-

вославная Церковь впервые выступила самостоятельным политическим актором. Доверие представителей противоборствующих сторон к институту церкви обеспечило возможность проведения инициированных Патриархом Алексием II переговоров в Свято-Даниловом монастыре. У обществоведов нет единодушного мнения об эффективности этих переговоров, но сам факт их осуществления говорит об изменении политического статуса РПЦ. Произнесенные Патриархом слова о том, что «...общество перестало быть моноидеологическим» и необходимо «...отречься от греховного стремления объявить только свой взгляд на будущее России единственно правильным, а всех носителей иных взглядов назвать врагами», а «каждой из политических сил надо признать это»,⁵ звучат совсем иначе в нынешнем религиозно-политическом тренде.

Трансформация моделей церковно-государственных отношений обнаруживается при анализе сравнительных ситуаций. Встреча в Кремле Президента СССР М.С. Горбачева с блюстителем патриаршего престола Алексием II вскоре после его интронизации в 1990-м году символизировала скорее выстраивание нового формата диалога между светскими и религиозными институтами. Интронизация следующего Московского Патриарха Кирилла в 2009 году проходила уже в присутствии политического руководства страны, транслировалась в прямом эфире, и честь первой получить патриаршее благословение была предоставлена супруге президента. На следующий день, по случаю празднования восшествия на патриарший престол нового главы, для представителей Поместного собора РПЦ и глав делегаций некоторых православных церквей мира состоялся торжественный прием в Большом Кремлёвском дворце Президентом России Д. А. Медведевым. Новоизбранный патриарх практически выступил с программной речью и, говоря о своем видении идеальных отношений между церковью и государством, призывал к «Симфонии» по византийскому типу.

К наиболее знаковым проявлениям нового стиля церковно-государственных отношений можно отнести формирование традиции присутствия патриарха во время инаугурации президента с последующим благословением в Благовещенском соборе Кремля супружеской четы законно избранного главы государства по православному канону, что ставит под сомнение этические нормы светского государства. Во избежание аналогии с ритуалами коронации и помазания на царство, молебен о президенте проводят не в Успенском

⁴ «Я стараюсь не прилепляться к земным вещам». СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ (РИДИГЕР) | 12 ИЮНЯ 2005 Г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/yastarayus-ne-prileplyatsya-k-zemnym-vesham/> (дата обращения: 10.07.14).

⁵ Яковлев А., Хромченко М., Поволяев В. Макет Г. Агаянц. «Тишайшие переговоры». (1–3 октября 1993 г. Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре). Библиотека Якова Кротова. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/20/1990/1993_10_01.htm (дата обращения: 05.10.14).

соборе. Однако, возможно, прав историк, утверждающий, что «образ «православно-го царя-батюшки» исторически укоренен в российском общественном сознании, когда легитимность обретают через демонстрацию своей русскости и «природной православной персоны» [З, с. 150]. Позицию Московской Патриархии по вопросу «молебного последования» разъяснил руководитель пресс-службы: «...если бы даже президент не был православным человеком, эта служба также была бы совершена».⁶

В заключение хотелось бы отметить, что столь парадоксальное для модернистского секулярного сознания религиозно – политический институциональный и мировоззренческий симбиоз вполне укладывается в современную постсекулярную парадигму, объясняющую нивелирование границ дихотомии «светское – религиозное». Но для современной российской политической реальности обозначенная в статье тенденция моделирования церковно-государственных отношений в сторону активного сближения сторон без учета этических норм светского устройства содержит в себе конфликтный потенциал для целостности общества.

1. Колтон, Т. Ельцин [Текст] / Т. Колтон / пер. с англ. М.: КоЛибри, 2013. 752 с.

2. Минаев, Б.Д. Ельцин [Текст] / Б.Д. Минаев. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. 750 с.

3. Уортман, Ричард С. Сценарий власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I [Текст] / Р. Уортман. М.: 2000. 608 с.

4. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи [Текст] / Ю. Хабермас. М.: Весь Мир, 2011. 336 с.

5. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории [Текст] / Ю.М. Батулин и др. 2-е изд. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 815 с.

6. Эпштейн, М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии [Текст] / М.Эпштейн. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.

References

1. Kolton T. (2013) El'cin. Moscow, KoLibri, 752 p. [in Rus].

2. Minaev B.D. (2011) El'cin. Moscow, Molodaja gvardija, 750 p. [in Rus].

3. Uortman Richard S. (2000) Scenarij vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. T.1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaja I. Mocsow, OGI, 608 p. [in Rus].

4. Habermas J. (2011) Mezhdz naturalizmom i religiej: filosofskie stat'i. Moscow, Ves' mir, 336 p. [in Rus].

5. Jepoha El'cina. Oчерki politicheskoi istorii (2011). Ju.M. Baturin [et al.] Moscow, Prezidentskij centr B.N. El'cina, 815 p. [in Rus].

6. Epshtyen M. (2013) Religija posle ateizma. Noveye vozmozhnosti teologii. Moscow, AST–PRESS KNIGA, 416 p. [in Rus].

UDC 322.2

TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES OF INTERRELATION BETWEEN RUSSIAN POLITICAL CLASS AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Sergeeva Aleksandra Nakhmanovna,

National Research University "Higher School of Economics" of Saint Petersburg, Saint Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, Department of Applied Political Science, Senior Teacher, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: alevagn@gmail.com

Annotation

The article focuses on studying the model of interrelation between Soviet and Russian political leaders and the Patriarchs of the Russian Orthodox Church in the context of postsecular discourse.

Key concepts:

postsecularity, politics, religion, communication, symbolic resource, sacral.

⁶ Молебен о Президенте: для чего? Редакция портала "Православие и мир" от 5 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/moleben-o-prezidente-dla-cheho/> (дата обращения: 10.10.14).

УДК 303.01

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» КАК ИСТОЧНИК КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА

Исаков Александр Сергеевич,

Института философии и права
Уральского отделения Российской
академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные подходы к изучению политических процессов в исламском мире. Подчеркивается необходимость их изменения после событий так называемой «Арабской весны». Акцент сделан на анализе исследовательского потенциала двух традиционных подходов к политическим исследованиям исламского мира. Во-первых, это универалистский подход. Во-вторых, цивилизационный подход. Приводится их историческое обоснование и анализ современного состояния. Кроме того, в статье затрагивается ряд новых подходов, например, логико-смысловой. Результатом исследования стало выделение авторского подхода, предполагающего анализ мазхаба как основы для политических изменений.

Ключевые понятия:

политический ислам,
шииты,
сунниты,
ДАИШ,
«Арабская весна»,
мазхаб,
универалистский подход,
мир-системный подход,
цивилизационный подход,
логико-смысловой подход.

Политические события последних лет, называемые «Арабской весной», оказали смыслообразующее влияние на политические исследования стран исламского Востока. Порождённые чередой революций, политические процессы, новые угрозы мирового порядка поставили вопрос об актуальности принятых в отечественной и западной науке исследовательских подходов к изучению политического ислама, то есть использования религии как источника политического развития.

Подобная проблема отмечается многими отечественными и зарубежными экспертами. Так, например, была выдвинута точка зрения, что среди зарубежных исламоведов, отчасти, бытовал детерминизм исламизма, предполагавший объяснения любых политических процессов исключительно через его призму [17]. При этом отмечается, что в практическом преломлении аксиологией исламизма не исчерпывается объём той политической повестки, которую принесли события «Арабской весны». Если ранее, в большей мере, господствовал тезис о том, что единственной преградой политического ислама являются светские авторитарные режимы, то после их падения в некоторых странах, самым ярким кейсом из которых стал Египет, политическая реальность четко показала неспособность аутентично исламистских сил к управлению государством [14].

Контртезис данному примеру, однако, составляет исторический факт успеха исламской революции в Иране. На этот счет отмечается, что если в арабском мире артикуляция идеями исламизма заполнила вакуум кризиса арабского национализма, то критерием успеха Исламской Республики Иран стала способность адаптации дореволюционных структур к социальным потребностям общества, что не смогли сделать египетские исламисты [17]. В свою очередь, это позволяет сделать вывод, что подход, основанный на использовании исламизма в качестве исследовательского универсума, не позволяет исчерпывающе проводить политические исследования, прогнозировать и объяснять те или иные политические изменения.

Под «Арабской весной» понимается вызванная гражданскими протестами череда политических изменений, произошедших в большинстве стран исламского Востока с конца 2010 года. При этом подразумевается наличие двух фаз «Арабской весны»: активной и пролонгированной. Активная фаза включает в себя период с конца 2010

до середины 2012 года. Хронологические рамки обусловлены началом политических протестов в Тунисе в конце 2010 года, инициированных самосожжением Мохаммеда Буазизи и приходом к власти в Египте президента Мухаммеда Мурси, что стало последним крупным политическим изменением в пространстве Ближнего Востока. Пролонгированная фаза включает в себя как вышеуказанные события, так и инициированные в ее ходе процессы, актуальные по сей день. В большей степени к данным процессам относятся побочные явления возникшей политической дивергенции в ряде стран региона, крайним выражением чего являются вооруженные конфликты в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии. В данной статье рассматриваются как непосредственные события активной фазы, так и существующие на сегодня политические процессы пролонгированной.

Традиционные подходы к изучению политических процессов в отечественном дискурсе, в большей степени, основаны на традиции диалектического описания политических процессов в рамках религиозных отличий, преподносимых основными направлениями исламской веры – суннизмом и шиизмом. Наиболее релевантные исследования в российском измерении политического исламоведения представлены в работах А. Малашенко [5], Г. Мирского [6], Е. Сатановского [7]. Работы названных авторов составляют фундаментальное ядро отечественных исследований политической ислама. Ими была сформирована современная логика и философия изучения ислама, повлиявшая на характер всех производимых исследований. При этом остается ряд исследовательских вопросов, поставленных актуальными вызовами исламского мира, на которые еще предстоит ответить. Самый важный является вопрос разработки новых подходов к политическим исследованиям исламского Востока, основанных как на ситуативных эвристических концепциях, так и на новом уровне локализации исследования, отходящего от традиционного противопоставления суннитов и шиитов.

На сегодняшний день около 85% всех мусульман являются суннитами, 15% – шиитами. Несмотря на статус меньшинства, последние интенсивно актуализируют свою аксиологическую роль в рамках уммы. Катализатором подобного послужили процессы «Арабской весны», породившие две диаметрально противоположные тенденции.

С одной стороны, в рамках суннитского большинства наметилась политическая и аксиологическая дивергенция. Ее следствием стало появление различных подходов у крупных суннитских держав к событиям актуальной повестки, к коим можно отнести Сирийский кризис, военный конфликт в Йемене и условную конкуренцию за место лидера исламского мира, освободившееся после ослабления Египта.

Потенциальные лидеры – Турция и Саудовская Аравия, при поддержке собственных лимитрофов, предлагают суннитам различную политическую повестку. В качестве антагонизма обеим силам выступает запрещенная в России террористическая группировка «Исламское Государство», или ДАИШ, являющаяся кульминацией выражения этатистской ортодоксии. При этом увеличение силы группировки играет на руку иным игрокам Ближнего Востока, в частности – Катару, политический курс которого зачастую отклоняется от саудовского мейнстрима.

С другой стороны, наблюдается конвергенция и расширение шиитского присутствия и его влияния в исламской умме. Кроме традиционной поддержки Сирийского алавитского режима и Хезболлах в Ливане, Исламская Республика Иран усиливает свои международные позиции по другим направлениям. Это отражается как в оказании содействия политическим целям йеменских зейдитов, а в перспективе – сторонникам свободного Неджда, Хиджаза, шиитскому сепаратизму северо-востока Аравийского полуострова и Бахрейна, так и в условном успехе на переговорах по ядерной проблеме.

Наличие данных тенденций создает предпосылки для академического плюрализма политических исследований, выходящих за рамки имеющихся подходов. Однако для четкого формулирования исследовательских задач, нужно обратиться к делимитации и обобщению имеющегося научного дискурса, для чего можно воспользоваться подходом, предложенным член-корреспондентом РАН А.В. Смирновым: «Сегодня в арабистике (и исламоведении, да и востоковедении в целом) доминируют два подхода, которые не просто связаны, но являются прямыми продолжениями соответствующих позиций в философии истории и в понимании путей развития человеческого общества, человеческой культуры. Я имею в виду универсалистский подход, универсалистское прочтение, с одной стороны, и то, что называется цивили-

зационным подходом, с другой» [8, с. 23]. С помощью данного подхода аналогично могут быть охарактеризованы научные изыскания в области политических исследований исламского Востока.

Универсалистская методология в политических исследованиях исламского Востока предполагает рассмотрение объекта исследования, в роли которого выступают страны исламского Востока как части глобального мира. В качестве предмета исследования могут выступать возникающие отклонения и особенности политического процесса, а также пути их нивелирования, возникающие при включении изучаемой страны в процесс глобализации.

Использование универсализма предполагает ряд фундаментальных методологических оснований. В его контексте процессы глобализации, имеющие вестерналистский характер, понимаются как объективные и необратимые. В качестве цели любых изучаемых политических изменений исследователь полагает унификацию качественных характеристик политической системы исследуемого государства и стран-лидеров мирового развития.

Практика использования универсалистской методологии в политических исследованиях имеет значительную ретроспективу. Условно, в рамках универсализма, можно выделить два обособленных направления. Во-первых, это наиболее консолидированная методология мир-системного анализа, в большей степени являющаяся частью неомарксизма. Во-вторых, это широкий репертуар западных исследований в области транзитологии, актуализация которых произошла в начале 90-х годов XX века после распада Союза ССР. Основные различия данных субподходов заключаются в том, что понимание универсализма со стороны транзитологии основано на анализе конвергенции как феномена имеющего презумпцию прогресса. В то же время, сторонники мир-системного подхода основываются на анализе роли стран центра – лидеров экономического развития как законодателей мирового политического процесса, пролонгирующих выгодный им характер политических изменений.

Эвристическая основа институциональных рамок для современных универсалистских исследований в области транзитологии и сопряженных с ней ответвлений политических исследований исламского Востока заложена польским социологом Петром Штомпкой и американским футурологом Фрэнсисом Фукуямой. Вклад П. Штомпки

заключается в методологической натурализации теории конвергенции к условиям необходимости адаптации постсоветских политий в рыночную экономику с помощью либерального инструментария [12, с. 171]. К заслугам Ф. Фукуямы относится методологический толчок рассмотрения западной капиталистической модели государства в качестве универсума политического развития [10, с. 39].

Основными представителями мир-системного подхода, оказавшими наибольшее влияние на политические исследования, являются основатель подхода американский социолог Иммануил Валлерстайн и египетский политолог Самир Амин. В работах И. Валлерстайна появляется идея поиска путей придания универсальности характеру политического развития мусульманских стран для их интеграции в мир-экономику западного мира, критическим условием которой является рецепция либерализма [2, с. 34]. В своих работах С. Амин подчеркивает принудительный характер универсализма и рассматривает мусульманский мир в качестве вынужденного реципиента западной культуры и капиталистической экономики [1, с. 33].

Общим для любых исследователей, использующих универсалистский подход, является изучение мусульманских стран с точки зрения их конвергентного потенциала со странами-лидерами мирового развития. В данном подходе могут игнорироваться автохтонные особенности мусульманских стран ввиду того, что методологией предполагается обязательная рецепция исследуемых государством западных ценностей как критерия эффективного социально-политического развития.

Цивилизационный подход основан на исследовании мусульманского мира с позиции социокультурных особенностей политического процесса. В свою очередь это предполагает наличие значимых социокультурных отличий между объектом исследования, в роли которого выступает исламская восточная полития, и средой нахождения исследователя. Основу для данного подхода в политических исследованиях составляет политическая антропология.

Популяризация цивилизационного подхода в западном академическом дискурсе произошла под влиянием работ американского политолога Сэмюэля Хантингтона. Им был привнесен тезис об априорной антагонистической природе взаимоотношений между цивилизациями. Из его работ проистекает неизбежность конфликта

западной и мусульманской цивилизаций. Автор рассматривает исламский радикализм сквозь призму реакции на экспансию западного образа жизни, предполагая, что все вновь возникающие угрозы на почве экстремального ислама носят сугубо культурологический характер [11, с. 14–15].

Также цивилизационный подход является преобладающим в отечественном академическом дискурсе. Так, в фундаментальной работе востоковеда А. А. Игнатенко исламская цивилизация рассматривается в качестве зеркального отражения западной [4, с. 168]. Проецируя данный подход в русло политологического инструментария, можно заключить, что страны исламского Востока могут быть рассмотрены как трансцендентное выражение идеи «Востока», являющейся полным антагонизмом идеи «Запада».

Таким образом, цивилизационный подход основан на изучении мусульманских стран сквозь призму антропологических особенностей и культурного аутентизма. Исламский мир рассматривается в качестве единого изучаемого объекта, где все общие свойства характеризуют каждую составляющую его часть. Цивилизационный подход в политологии предполагает неизбежным наличие антагонистических отношений между исламским и западным миром. Локализация исследований подразумевает анализ различий внутри мусульманской уммы, раскрывающихся как традиционный конфликт суннитов и шиитов, осуществляющий развитие политического действия и провоцирующий самоактуализацию политико-религиозных интересов обеих сторон.

Оба рассмотренных подхода имеют устоявшуюся мощную исследовательскую традицию, однако, на сегодняшний день, не объясняют полностью содержание политического процесса. Соответственно, под влиянием «Арабской весны», события пролонгированной фазы которой еще не завершились, становится очевидной необходимость постановки новых подходов политических изысканий в отношении исламского Востока. На становление таких подходов могут оказать влияние следующие дефиниции:

во-первых, разработка нового уровня локализации политических исследований. Изыскания в отношении отдельных режимов, политий или течений веры не позволяют воспроизвести реальную картину функционирования политического процесса в исламском мире, имеющего асимметричный и внеинституциональный характер;

во-вторых, отказ от рассмотрения исламского мира как единого целого. На сегодняшний день исламский мир находится в состоянии крайней дивергенции, и составляющие его страны не имеют консолидированной аксиологической платформы. Также, учитывая стремление к добровольной автаркии, исламский мир не в полной мере является частью общемировой цивилизации;

в-третьих, отказ от агональной парадигмы. Исходящая со стороны исламского экстремизма актуальная угроза не является естественным продуктом мусульманского общества и рассматривается самими мусульманскими странами как кризисное явление. При этом западная культура и западный образ жизни не оцениваются всеми странами исламского мира как потенциальный вызов.

На основе данных посылов формируется несколько новых подходов, охватывающих современную проблематику исламских исследований. Что характерно, отечественный академический дискурс содержит большее количество институциональных альтернатив, способных стать полноценной эвристической платформой для будущего данного направления в политической науке; в то время как западные исследователи концентрируются на рефлексии произошедших событий и адаптации к ним традиционных подходов, открывающих дорогу не столько к прогнозированию, сколько к использованию политического конструктивизма.

Одним из актуальных подходов в рамках отечественной науки является логико-смысловой подход член-корреспондента РАН А. В. Смирнова [8, с. 29]. Подход основан на сочетании универсалистского и цивилизационного подходов и основывается на особой форме деконструкции смыслов, закладываемых в научные исследования. В частности, предполагается особое понимание культуры с позиции содержащихся в ней смыслов, их интерпретации и создания универсалий для описания, а также поиска соотносимых смыслов в рамках других культур, в частности, той культуры, к которой принадлежит исследователь. Любые получаемые в рамках изыскания смыслы раскладываются на структурные элементы и анализируются отдельно. Для получения практических выводов используется формирование механизмов смыслополагания, осуществляющих детерминацию исследуемых смыслов.

Также подчеркнута актуальными остаются любые подходы, отказывающиеся от

противопоставления суннитов и шиитов, и предлагающие иной уровень локализации исследований. Подобная локализация может быть достигнута с помощью выделения новых критериев для политического анализа. Потенциальный вариант – процесс легитимации политических изменений как основа для политического развития. Прежде всего, политические изменения и процесс их превращения в воспроизводимые практики локализует исследования в соответствии с действительностью, игнорируя догматическую привязку к течению веры. Далее, при таком подходе исламский мир не представляется в виде единого целого и может быть свободно стратифицирован на необходимое количество фрагментов. Кроме того, подобный подход не предполагает конфронтационный характер, снимая проблему эмоциональной коннотации, акцентируя внимание на режиме функционирования политического процесса.

Поскольку основным инструментом легитимации политических изменений в несекулярных обществах является религия, именно в ее стезе может быть выработан новый подход. В случае с исламом на процессы, связанные с политическими изменениями, оказывает значимое влияние правовая школа – мазхаб. Именно мазхаб содержит перечень процедур, с помощью которых рядовому мусульманину объясняется смысл конкретных политических изменений и придается мотивационно-аксиологическая коннотация.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять основополагающих мазхабов: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский – в суннизме; джафаритский – в шиизме. Каждый из приведенных мазхабов ранжируется согласно уровню внутреннего модернистского потенциала и оказывает специфическое влияние на возможность и характер политических изменений как таковых.

При этом стоит отметить, что предлагаемый вариант локализации предполагает не анализ религиозных отличий правовых школ и их носителей, а их системообразующее влияние на общество исследуемого государства вне зависимости от того, являются ли отдельные индивиды их реципиентами. В государстве может быть официально признано несколько мазхабов, а элита, как например в Сирии, может принадлежать к другой вере, но как инструмент легитимации политических изменений, на уровень бытового сознания, используется только одна правовая школа.

Преимуществом данного подхода является возможность описать специфику механизма легитимации политических изменений в обществе в целом, исключая индивидуальные факторы. В дальнейшем эта специфика экстраполируется на общее видение государством политических процессов и обуславливает конкретные действия как в формировании вектора внутренней политики, так и в рамках взаимодействия с соседями и действий на международной арене.

Кроме того, это позволит выделить закономерности повестки, закладываемой в политические изменения в странах с одинаковым доминирующим мазхабом. При этом подразумевается не констатация близости политической повестки, а именно схожая процедура легитимации будущих изменений, объяснения их необходимости обществу, их общая политическая ориентация и концептуальная основа. Именно эта возможность делает мазхаб перспективным источником для интерпретации и прогнозирования политического развития стран исламского Востока.

Таким образом, актуальная картина политических исследований исламского Востока после «Арабской весны» многогранна. Как в отечественной, так и в зарубежной науке существует посыл на формирование новых подходов, способных охватить политическую повестку современных мусульманских стран. С одной стороны, это создает методологические бреши в науке. С другой – открывает дорогу плюрализму, способному разрушить традиционное доминирование двух основных подходов, универсалистского и цивилизационного, и их ответвлений.

1. Амин, С. Вирс либерализма [Текст] / С. Амин. М.: Европа, 2007. 168 с.

2. Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

3. Долгов, Б.В. Динамика «Арабской весны»: переходный этап [Электронный ресурс] / Б.В. Долгов // Институт востоковедения РАН. 01.04.2013. URL: <http://www.ivran.ru/publications/228> (дата обращения: 23.09.2015).

4. Игнатенко, А.А. Зеркало ислама [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: Русский институт, 2004. 216 с.

5. Малашенко, А.В. Исламская альтернатива и исламский проект [Текст] / А.В. Малашенко. М.: Весь Мир, 2006. 223 с.

6. Мирский, Г.И. «Арабская весна» – туманы и тревоги [Текст] / Г.И. Мирский // Россия в глобальной политике. 2013. №2. С. 45–56.

7. Сатановский, Е.Я. Революция и демократия в исламском мире [Текст] / Е.Я. Сатановский // Россия в глобальной политике. 2011. №1. С. 16–29.

8. Смирнов, А.В. Каким может быть философское исламоведение? Универсалистский, цивилизационный, логико-смысловый подходы [Текст] / А.В. Смирнов // Исламская философия и философское исламоведение: перспективы развития. М.: Языки славянских культур. 2012. 128 с.

9. Фитуни, Л.Л. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» [Текст] / Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова // *Азия и Африка сегодня*. 2014. №12. С. 5–10.
10. Фукуяма, Ф. Америка на распутье [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2008. 288 с.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. М: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
13. Arrighi, G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times [Text] / G. Arrighi. London: Verso, 1994. 400 p.
14. Gunning, J. Why Occupy a Square?: People, Protests and Movements in the Egyptian Revolution [Text] / J. Gunning, I.Z. Baron. London: Hurst. 2013. 256 p.
15. Robinson, L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign [Text] / L. Robinson. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. 13 p.
16. Salmoni, B.A. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon [Text] / B.A. Salmoni, B. Loidolt, M. Wells. Santa Monica: RAND, 2010. 382 p.
17. Stein, E. Studying Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // *Mediterranean Politics*. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 149–152.
18. Tibi, B. Political Islam as a forum of religious fundamentalism and the religionisation of politics: Islamism and the quest for a remaking of the world [Text] / B. Tibi // *Totalitarian Movements and Political Religions* 2009. No. 10. P. 97–120.

References

1. Amin S. (2007) *Virus liberalizma*. Moscow, Evropa, 168 p. [in Rus].
2. Vallerstajin I. (2003) *Posle liberalizma*. Moscow, Editorial URSS, 256 p. [in Rus].
3. Dolgov B.V. Institut Vostokovedenija RAN. 01.04.2013, available at: <http://shshshshh.ivran.ru/publications/228> (accessed: 23.09.2015). [in Rus].
4. Ignatenko A.A. (2004) *Zerkalo islama*. Moscow, Russkij institut, 216 p. [in Rus].
5. Malashenko A.V. (2006) *Islamskaja al'ternativa i islamskij proekt*. Moscow, Ves' Mir, 223 p. [in Rus].
6. Mirskij G.I. (2013) *Rossija v global'noj politike*, no. 2, pp. 45–56 [in Rus].
7. Satanovskij E.Ja. (2011), *Rossija v global'noj politike*, no. 1, pp. 16–29 [in Rus].
8. Smirnov A.V. (2012) *Kakim mozhet byt' filosofskoe islamovedenie? Universalistskij, civilizatsionnyj, logiko-smyslovoj podhody. Islamskaja filosofija i filosofskoe islamovedenie: perspektivy razvitiya*. Moscow, Jazyki slavjanskij kul'tur, 128 p. [in Rus].
9. Fituни L.L., Abramova I.O. (2008) *Azija i Afrika segodnja*, no. 12, pp. 5–10 [in Rus].
10. Fukujama F. (2008) *Amerika na rasput'e*. Moscow, AST, 288 p. [in Rus].
11. Hantington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij*. Moscow, AST, 603 p. [in Rus].
12. Shtompka P. (1996) *Sociologija social'nyh izmenenij*. Moscow, Aspekt Press, 416 p. [in Rus].
13. Arrighi G. (1994) *The long twentieth century: money, power, and the origins of our times*. London, Verso, 400 p. [in Eng].
14. Gunning J., Baron I.Z. (2013) *Why Occupy a Square?: People, Protests and Movements in the Egyptian Revolution*. London, Hurst, 256 p. [in Eng].
15. Robinson L. (2015) *An Assessment of the Counter-ISIL Campaign*. Santa Monica, RAND Corporation, 13 p. [in Eng].
16. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. (2010) *Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon*. Santa Monica, RAND, 382 p. [in Eng].
17. Stein E. (2014) *Mediterranean Politics*, vol. 19, no. 1, pp. 149–152 [in Eng].
18. Tibi B. (2009) *Totalitarian Movements and Political Religions*, no. 10, pp. 97–120 [in Eng].

UDC 303.01

"ARAB SPRING" AS A SOURCE OF CONCEPTUAL PLURALISM IN POLITICAL STUDIES OF ISLAMIC EAST

Isakov Aleksander Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Post-graduate Student, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article considers currently important approaches to studying political processes in the Islamic world. The author underlines the necessity to change them after the events of the so-called "Arab spring". The emphasis is put on analyzing research potential of two traditional approaches to political studies of the Islamic world. Firstly, it is a universalist approach. Secondly, it is a civilizational approach. The author gives their historical background and analyzes up-to-date condition. Besides, the author touches upon some new approaches, for example, logical conceptual. The result of the study is the author's approach implying the analysis of madhhab as a basis for political changes.

Key concepts:

political islam, shiah, sunni, DAESH, «Arab spring», madhhab, universalist approach, world-systems approach, civilizational approach, logical conceptual approach.

УДК 351: 336.2

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ ОСНОВНЫХ САМОУПРАВЛЯЕМЫХ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПОЛЬШЕ

Брылев Мажанна,
магистр политологии,
заместитель начальника
налоговой инспекции,
г. Хелмно, Польша.
E-mail: brylew@gmail.com

Аннотация

Трехуровневое территориальное устройство (гмины, повяты, воеводства) Польши предполагает формирование доходов этих самоуправляемых единиц для выполнения ими своих функций от своего имени и под свою ответственность. В статье рассматриваются принципы, источники и механизмы распределения доходов на примере гмины в соответствии с польским законодательством, в том числе налоговым. Интерес представляет опыт формирования доходов территориальных единиц в связи с особенностями самоуправления в Польше.

Ключевые понятия:

самоуправляемые административно-территориальные единицы Польши (гмины, повяты, воеводства), источники доходов гмины (налоговые и неналоговые), виды налогов и сборов, ставки налогов, величина сборов, субвенции (средства из бюджета государства).

В Польше существует трехуровневое территориальное устройство государства, единицами которого являются: гмины¹, повяты и воеводства². Согласно польскому законодательству население, проживающее на территории этих единиц, организовано как самоуправляемая община. Эти общины через свои органы участвуют в осуществлении публичной власти, выполняя от собственного имени и под собственную ответственность существенную часть публичных задач, связанных с удовлетворением их нужд (ст. 16 Конституции Польши).

Гмина, согласно Конституции, является основной самоуправляемой административно-территориальной единицей (ст. 164 аб. 1)³, созданной для реализации всех публичных задач⁴. Осуществление этих задач требует обеспечения соответствующими финансовыми и материальными средствами. В связи с этим гмины ведут собственную финансовую деятельность и в рамках этого получают доход из разных источников⁵ [1, с. 167].

Конституция Польши в ст. 167 аб. 2 указывает на три основных вида доходов территориального самоуправления, которыми являются: собственная прибыль, общая субвенция, а также целевые денежные пособия за счет государственного бюджета. К потенциальным доходам гмины согласно ст. 3 аб. 3 *Закона о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц*⁶ относятся безвозмездные зарубежные средства, в том числе средства из бюджета

¹ Слово *gmina* означает в этой работе гмину сельского типа, гмину, обладающую статусом города, а также городско-сельскую гмину.

² Согласно ст. 3 Конституции РП Польша является однородным государством, т.е. на ее территории выступают разного рода единицы внутреннего деления (основное деление и особое деление). Главным правовым актом, регулирующим строй, а также правила функционирования государства и его органов является *Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 года* (Законодательный вестник Республики Польша от 1997 года, № 78, поз. 483 с дальн. изм.), называемая также *основным законом*.

Территориальный строй Республики Польша регулирует закон от 24 июля 1998 года *о введении основного трехступенчатого территориального деления государства* (Законодательный вестник Республики Польша от 1998 года, № 96, поз. 603 с дальн. изм.).

³ С 1 января 1999 года вместе с гминами существуют также повяты как местные самоуправляемые общины, а также воеводства, которые в результате внедренной реформы стали также единицами самоуправления.

⁴ *Основной закон* в ст. 166 абз. 1 и 2 различает два вида публичных задач, осуществляемых территориальными самоуправлениями: собственные задачи, а также порученные задачи. Публичные задачи, служащие обеспечению нужд гмины, совершаются как собственные задачи, зато порученные задачи реализуются на основании определенных законов, в случае обоснованных нужд государства.

⁵ Абз. 1 Конституции устанавливает, что самоуправляемые административно-территориальные единицы обеспечивают долю публичных доходов, соответственно к порученным им задачам.

⁶ Закон от 13 ноября 2003 года о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц, Законодательный вестник Республики Польша от 2015 года, поз. 513 (единый текст).

Европейского Союза, а также другие средства, предусмотренные в отдельных законах [7, с. 830].

И Конституция Польши, и *Закон о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц* не дают толкования понятия «доход» этих единиц, а только указывают на их источники и правила определения, а также накопления доходов, правила определения и передачи единицам общей субвенции, а также целевых денежных пособий за счет государственного бюджета. Попытку дать толкование этому понятию предприняли некоторые польские экономисты. По словам Х. Сохацкой – Крысяк, собственные доходы – это «доходы, неразрывно связанные с местным бюджетом, т.е. бессрочные, без всяких ограничений и без участия государства в той части прав, которые переданы муниципальным обществам». М. Комарницка считает, что «это доходы, в рамках которых присутствует налоговая власть гмины или такие, которые поступают из источников, являющихся собственностью гмины» [4, с. 321].

Ввиду особого характера территориальных потребностей, требующих постоянной поддержки, источники доходов гмины должны быть стабильными. Такой подход обеспечивает гмине, с одной стороны, соответствующую финансовую независимость от государства, с другой – позволяет вести разумную финансовую деятельность на более длительный срок [1, с. 180].

В Польше распределение источников доходов между государством и самоуправляемой административно-территориальной единицей регулируются законодательством, в частности вышеуказанным *Законом о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц*. Источниками собственных доходов гмины, т.е. обязательными доходами, являются:

1. поступления налогов:
  - на недвижимость,
  - на сельскохозяйственную деятельность,
  - на лесные угодья,
  - дорожно-транспортных,
  - единый налог на вмененный доход (сокращ. ЕНВД),
  - на наследство и дарение,
  - на гражданско-правовые действия;
2. поступления сборов:
  - государственная пошлина,
  - на предоставление торгового места,
  - местные и курортные сборы, а также с владельцев собак,

- эксплуатационные,
- другие, являющиеся доходами гмины, регулируемые отдельными законами;

3. доходы, которые получают бюджетные учреждения гмины, а также поступления от гминных бюджетных учреждений и вспомогательных хозяйств бюджетных учреждений гмины;

4. доходы от использования имущества гмины;

5. наследство, завещание и дарение в пользу гмины;

6. доходы от штрафов и пеней, установленных отдельными законами;

7. 5,0% доходов, получаемых в пользу государства в связи с выполнением задач в рамках государственного управления, а также иных задач, исходящих из законов;

8. проценты от займов, предоставляемых гминой;

9. проценты от несвоевременно передаваемых денежных средств, являющихся доходом гмины;

10. проценты от финансовых средств, накапливаемых на банковских счетах гмины;

11. субсидия из бюджета других самоуправляемых административно-территориальных единиц;

12. общая субвенция, состоящая из частей:

- образовательной,
- выравнивающей,
- уравнивающей;

13. доля в налогах, являющихся доходами бюджета государства:

- 39,34% поступлений по подоходному налогу с физических лиц, от налогоплательщиков этого налога, проживающих на территории гмины,

- 6,71% поступлений по налогу на доходы юридических лиц, от налогоплательщиков этого налога в гминах, расположенных на ее территории,

14. другие доходы, предназначенные гмине на основании отдельных законов.

К факультативным источникам доходов гмины относятся такие доходы, которые в разных видах передаются гминам из государственного бюджета или из бюджета других самоуправляемых административно-территориальных единиц. Такими доходами являются целевые субсидии на:

1. выполнение задач по государственному управлению, а также по другим задачам, предусмотренным законами;

2. задачи, осуществляемые самоуправляемыми административно-территориальными

единицами в силу соглашений, заключенных с органами государственного управления;

3. предотвращение непосредственных угроз в сфере общественной безопасности и порядка, последствий наводнений и оползней, а также последствий других стихийных бедствий;

4. поддержку или субсидирование собственных задач;

5. осуществление задач, вытекающих из международных договоров;

6. средства из целевых фондов, получаемых на основании отдельных законов.

Следует подчеркнуть, что среди самоуправляемых административно-территориальных единиц только в гмине источником собственных доходов являются поступления по налогам и сборам. Повяты и воеводства получают только долю от подоходного налога, являющегося доходами бюджета государства [9, с. 118].

Это не означает, что основные самоуправляемые административно-территориальные единицы являются вполне автономными в плане установления налоговых обязательств. Гмины вправе устанавливать размер налогов и местных сборов только в рамках, установленных законом⁷. Их налоговая власть заключается только в установлении размера налогов и местных сборов. В рамках этого гмины обязаны соблюдать правила и применять методы, четко указанные в соответствующих законах и в таких рамках, в которых они ими допускаются. Таким образом, совет гмины обязан устанавливать размер налоговых тарифов как в максимальных, так и в минимальных пределах их размера [4, с. 327]. Исключением из этих правил являются налоги: на наследство и дарение, на гражданско-правовые действия, а также ЕНВД, в случае которых законодатель не предусмотрел возможности вмешательства совета гмины в размер ставок.

Финансовая независимость гмин ограничена. В случае получения сверхдохода гмина обязана передать эти денежные средства в бюджет государства в виде уравнивающей субвенции (ст. 29 Закона о прибылях самоуправляемых административно-территориальных единиц) [2, с. 42].

Следует заметить, что ставки местных налогов и сборов устанавливаются советом гмины на один налоговый год. Если совет

не устанавливает ставки налогов и местных сборов на следующий налоговый год, то действующими являются ставки предыдущего года⁸. Большинство ставок налогов устанавливается гминой квотативно, поэтому их максимальный размер каждый год пересматривается в соответствии с индексом потребительских цен в первом полугодии, в котором ставки подвергаются изменениям по отношению к аналогичному периоду предыдущего года⁹.

Характерной чертой польской налоговой системы в отношении территориального самоуправления являются особые правила их взимания. Часть налогов (например налог на недвижимость, сельскохозяйственный налог, лесной налог) устанавливаются и взимаются налоговыми органами гмины (войт, бургомистр, мэр города), а другие (налог на наследство и дарение, налог на гражданско-правовые действия, ЕНВД) устанавливаются и взимаются государственными налоговыми органами (руководителями налоговых органов) [5, с. 120].

Одним из главных источников собственных доходов гмин является налог на недвижимость. Налогоплательщиками этого налога являются физические лица, юридические лица, организационные единицы, в том числе индивидуальные предприниматели, являющиеся собственниками недвижимости, а также лица, владеющие на праве пожизненного пользования недвижимым имуществом, находящимся в государственной или муниципальной собственности. Налогом на недвижимость облагаются земельные участки, здания, сооружения, связанные с ведением несельскохозяйственной и нелесной деятельности. Ставки налога на недвижимость различны и зависят от вида недвижимости, способа ее использования [6, с. 521].

Размер ставок налогов на недвижимость устанавливает совет гмины (ст. 5 Закона о налогах и местных сборах), однако этот размер не может превышать максимальный размер налога, установленный Министром финансов, который каждый год осуществляет их валоризацию (ст. 20 Закона о налогах и местных сборах).

В Польше доходы от сельскохозяйственной деятельности не облагаются по-

⁷ Ст. 168 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 года.

⁸ Ст. 20а Закона от 12 января 1991 г. о налогах и местных сборах // Законодательный вестник Республики Польша от 2014 года, поз. 849 с дальн. изм. (единый текст).

⁹ Ст. 20 абз.1 Закона о налогах и местных сборах.

доходным налогом. Лица, обладающие земельными участками, уплачивают сельскохозяйственный налог, который устанавливается и взимается также органами гмины¹⁰. Сельскохозяйственным налогом облагаются земельные участки, которые классифицируются в земельном кадастре как сельскохозяйственные угодья, а также сельскохозяйственные угодья с лесом и кустарником. Налоговая база по сельскохозяйственному налогу для сельскохозяйственных угодий исчисляется исходя из «переводных» гектаров¹¹ [1, с. 250], для остальных земельных угодий – количества реальных гектаров, указанных в земельном кадастре (ст. 6 *Закона о сельскохозяйственном налоге*).

Субъекты польских гмин – это физические и юридические лица, а также организационные единицы, в том индивидуальные предприниматели, уплачивают налог на транспортные средства. Объектом налогообложения являются грузовые автомобили с допустимой массой свыше 3,5 тонны. Ставки налога в рамках, определенных законом, устанавливает совет гмины. Налог оплачивается двумя частями, до 15 февраля и до 15 сентября каждого года (ст. 10 и ст. 11 *Закона о налогах и местных сборах*) [6, с. 414].

Следующим налогом, размер и взимание которого определяет налоговый орган гмины, является лесной налог¹². Объектом налогообложения являются леса, за исключением лесов, предназначенных для иной, не связанной с лесной деятельностью. Ставка этого налога определяется аналогично ставке сельскохозяйственного налога. Размер налога зависит от площади главных пород деревьев. Необходимая сумма налога за данный налоговый год уплачивается за 1 гектар и соответствует денежному эквиваленту относительно 0,220 м³ древесины, определяемой по средней стоимости продажи древесины за первые три квартала года, предшествующего налоговому периоду (ст. 4 *Закона о лесном налоге*).

Следующим налогом, который в полном объеме поступает в бюджет гмины,

является единый налог на вмененный доход. Он является упрощенной системой налогообложения доходов, получаемых физическими лицами от несельскохозяйственной деятельности. Этот вид налогообложения предусмотрен для налогоплательщиков, ведущих деятельность в области производства и услуг, а именно пищевой, транспортной (при использовании одного транспортного средства), в рекреационной области, фрилансерских профессий в сфере здравоохранения или ветеринарных услуг, домашнего ухода за детьми и больными людьми, образовательных услуг (почасовое репетиторство). Могут его уплачивать также физические лица, в том числе фермеры, одновременно ведущие сельскохозяйственную деятельность¹³.

Ставки такого налога устанавливаются квотативно на заранее определенный период времени, а их размер зависит от вида и объема деятельности, количества трудоустроенных сотрудников, количества жителей в населенном пункте, в котором осуществляется экономическая деятельность [5, с. 489]. Налогообложение в таком виде устанавливается путем индивидуального решения, принимаемого руководителем налогового органа по заявлению заинтересованного налогоплательщика [3, с. 77].

В связи с тем, что средства, взимаемые на основании единого налога, являются доходами самоуправляемых административно-территориальных единиц, налоговые органы, которые на основании отдельных законов взимают эти налоги, обязаны перевести их на счет бюджета соответствующей самоуправляемой административно-территориальной единицы в течение 14 дней со дня их поступления на счет налогового органа (ст. 11 аб. 1 *Закона о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц*). Кроме того, руководитель налогового органа передает самоуправляемым административно-территориальным единицам по заявлению председателя правления самоуправляе-

¹⁰ Закон от 15 ноября 1984 года о сельскохозяйственном налоге // Законодательный вестник Республики Польша от 2013 года, поз. 1381 с дальн. изм. (единый текст).

¹¹ Переводный гектар является условной единицей, отображающей возможность получить доход от сельского хозяйства.

¹² Закон от 30 октября 2002 года лесном налоге // Законодательный вестник Республики Польша от 2013 года, поз. 465 (единый текст).

¹³ Ст. 23 абз. 1 и 1а *Закона от 20 ноября 1998 г. О фиксированном подоходном налоге на некоторые доходы, получаемые физическими лицами* // Законодательный вестник Республики Польша от 1998 года, № 144, поз. 930 с дальн. изм.

мой административно-территориальной единицы, квартальный отчет о состоянии и сроках реализации вышеперечисленных доходов (ст. 12 *Закона о доходах самоуправляемых административно-территориальных единиц*).

Налог на наследство и дарение¹⁴ устанавливается на территории Республики Польша для физических лиц при получении ими собственности на имущество или имущественные права в порядке наследования, дарения. Налоговой базой является стоимость полученного имущества и имущественных прав (ст. 7 и аб. 8 *Закона о налоге на наследство и дарение*) [6, с. 143]. Ставка налога зависит от стоимости полученного имущества и/или имущественных прав, а также налоговой группы, к которой относится получатель, что, в свою очередь, зависит от степени родства между дарителем и одаряемым либо наследодателем и наследником соответственно.

Налогообложению подлежат суммы, превышающие: для I налоговой группы – 9.637 зл; в состав этой группы входят: супруг, отец, мать, приемный сын, зять, сноха, братья и сестры, отчим, мачеха, тесть и теща (свекор и свекровь). Для группы II – 7.276 зл; в состав этой группы входят: наследники братьев и сестер, братья и сестры родителей, наследники и супруги приемных сыновей, супруги братьев и сестер, а также братья и сестры супругов, супруги других наследников. Для группы III – 4.902 зл; в состав этой группы входят другие приобретатели.

Налог на наследство и дарение устанавливается на основании одной из трех прогрессивных налоговых шкал, размер которых составляет соответственно: 3–7%, 7–12%, а также 7–20% (ст. 15 *Закона о налоге на наследство и дарение*) [1, с. 254].

Следующим налогом, поддерживающим бюджет гмины, является налог на гражданско-правовые действия¹⁵. Взимание этого налога связано с совершением определенных действий гражданско-правового характера, а также с применением и заключением других актов, вызывающих последствия, аналогичные гражданско-правовым. Налогоплательщиками этого

налога являются физические и юридические лица, а также индивидуальные предприниматели, выступающие как стороны гражданско-правовых действий [9, с. 134].

Размер налога на гражданско-правовые действия зависит от вида этого налога (договор купли – продажи, мены, установление ипотеки, учредительный договор и т.д.). Существуют два вида налоговых ставок: процентные и квотативные. Процентные ставки применяются в случае, когда объект налогообложения выражен в денежной форме, в остальных случаях применяются квотативные ставки налога, когда объект определяется другим образом (ст. 7 *Закона о гражданско-правовых действиях*). Налогоплательщики обязаны подать установленную соответствующими законами декларацию по налогу на гражданско-правовые действия, а также исчислить и уплатить этот налог в течение 14 дней со дня возникновения налогового обязательства (ст. 10 *Закона о гражданско-правовых действиях*) [1, с. 257].

(Продолжение следует)

1. Бжезински, Б. Право публичных финансов [Текст] / Б. Бжезински. Торунь: Дом организатора Научное сообщество организации и управления. 2010. 357 с.

2. Бобер, Я. Нарастающие дисфункции, основные вопросы, обязательные действия. Отчет о состоянии территориальной самоуправляемости в Польше [Текст] / Я. Бобер. Краков: Экономический университет в Кракове, Малопольская школа публичной администрации. 2013. 108 с.

3. Бородо, А. Территориальное самоуправление: правово-финансовая система / А. Бородо. Варшава: Изд-во LexisNexis. 2012. 272 с.

4. Дольницки, Б. Территориальное самоуправление [Текст] / Б. Дольницки. Краков: Изд-во Волтерс Клувер. 2012. 428 с.

5. Овсяк, Ст. Публичные финансы: теория и практика [Текст] / Ст. Овсяк. Варшава: Государственное научное издательство. 2008. 838 с.

6. Олесиньска, А. Польское налоговое право: введение в систему [Текст] / А. Олесиньска. Торунь: Дом организатора Научное сообщество организации и управления. 2009. 423 с.

7. Салахна, Й. Бюджет: многолетний финансовый прогноз и бюджетный закон самоуправляемых административно-территориальных единиц

¹⁴ Закон от 28 июля 1983 года о налоге на наследство и дарение // Законодательный вестник Республики Польша от 2015 года, поз. 86 с дальн. изм. (единый текст).

¹⁵ Закон от 9 сентября 2000 года о налоге на гражданско-правовые действия // Законодательный вестник Республики Польша от 2015 года, поз. 626 (единый текст).

(Ст. 211 – Ст. 271) [Текст] / Е. Руськовски, Й. Салахна // Публичные финансы: практический комментарий: собрание работ. Гданьск. 2013. 1156 с.

8. Этель, Л. Почему некоторые налоговые доходы (налог на наследство и дарение, на гражданско-правовые действия, налоговая карточка) осуществляются государственными налоговыми органами? / Л. Этель // Муниципальные финансы – 2006: 400 вопросов и ответов: образцы законов, деклараций, постановлений. Ц. Косиковски (ред.). Варшава: Изд-во Волтерс Клувер. 2006. 630 с.

9. Черски, П. Налог на гражданско-правовые действия [Текст] / А. Хануш, А. Незгода, П. Черски. Варшава. 2006. 278 с.

References

1. Bzhezinski B. (2010) Pravo publicznych finansow. Torun', Dom organizatora Nauchnoe soobshhestvo organizacii i upravlenija, 357 p. [in Rus].

2. Bober Ja. (2013) Narastajushhie disfunkcii, osnovnye voprosy, objazatel'nye dejstvija. Otchet o sostojanii territorial'noj samoupravljaemosti v Pol'she. Krakov, Jekonomicheskij universitet v Krakove, Malopol'skaja shkola publicznoj administracii, 108 p. [in Rus].

3. Borodo A. (2012) Territorial'noe samoupravlenie: pravovo-finansovaja sistema. Varshava, Izd-vo LexisNexis, 272 p. [in Rus].

4. Dol'nicki B. (2012) Territorial'noe samoupravlenie. Krakov, Izd-vo Volters Kluver, 428 p. [in Rus].

5. Ovsjak St. (2008) Publichnye finansy: teorija i praktika. Varshava, Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo, 838 p. [in Rus].

6. Olesin'ska A. (2009) Pol'skoe nalogovoe pravo: vvedenie v sistemu. Torun', Dom organizatora Nauchnoe soobshhestvo organishhacii i upravlenija, 423 p. [in Rus].

7. Salahna J. (2013) Bjudzhet: mnogoletnij finansovij prognoz i bjudzhetnyj zakon samoupravljaemyh administrativno-territorial'nyh edinic (St. 211 - St. 271) // Publichnye finansy: prakticheskij kommentarij: sobranie rabot. Gdan'sk, 1156 p. [in Rus].

8. Jetel' L. (2006) Pochemu nekotorye nalogovye dohody (nalog na nasledstvo i darenie, na grazhdansko-pravovye dejstvija, nalogovaja kartochka) osushhestvljajutsja gosudarstvennymi nalogovymi organami? // Municipal'nye finansy – 2006: 400 voprosov i otvetov: obrazcy zakonov, deklaracij, postanovlenij. C. Kosikovski (red.). Varshava, Izd-vo Volters Kluver, 630 p. [in Rus].

9. Cherski P. (2006) Nalog na grazhdansko-pravovye dejstvija. Varshava, 278 p. [in Rus].

UDC 351: 336.2

SOURCES OF REVENUES OF THE MAIN SELF-MANAGED ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL UNITS IN POLAND

Brylew Mazhanna,

Master of Political Science,
Deputy Manager of Tax Inspectorate,
Che mno, Poland
E-mail: brylew@gmail.com

Annotation

Three-level territorial division (voivodeships (provinces), powiats (counties or districts), and gminas (communes or municipalities) of Poland presupposes forming revenues of these self-managed units for them to perform their functions on behalf of themselves at their own responsibility. The article considers principles, sources and mechanisms of distribution of revenues as exemplified by gminas in accordance with Polish legal system including tax legislation. The experience of forming revenues of territorial units in connection with the peculiarities of self-management in Poland is of great interest.

Key concepts:

self-managed administrative-territorial units in Poland (voivodeships, powiats, gminas), sources of revenues of gminas (tax and non-tax), kinds of taxes and charges, taxation rate, quantity of charges, subvention (government grant).

УДК 331.104

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ

Колмакова Ирина Дмитриевна,
Челябинский государственный
университет, кафедра государственного
и муниципального управления,
заведующий кафедрой,
доктор экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kolmirina@mail.ru

Колмакова Екатерина Микаеловна,
Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
кафедра финансового менеджмента,
доцент, кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: katekol_mn@mail.ru

Микрюкова Анастасия Сергеевна,
Челябинский государственный
университет, кафедра государственного
и муниципального управления,
аспирант,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: nastya_mn@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния социально-трудовых отношений региона в условиях циклической динамики развития экономики страны. В статье раскрывается структура региональной социально-трудовой сферы. Проведен анализ основных факторов, оказывающих влияние на развитие социально-трудовых отношений в регионах РФ.

Проанализирована динамика социально-трудовых конфликтов, а также причины их возникновения. Сделан вывод о необходимости усиления роли государственных и муниципальных органов власти в сфере труда и учета факторов развития социально-трудовых отношений в регионах РФ в современных условиях.

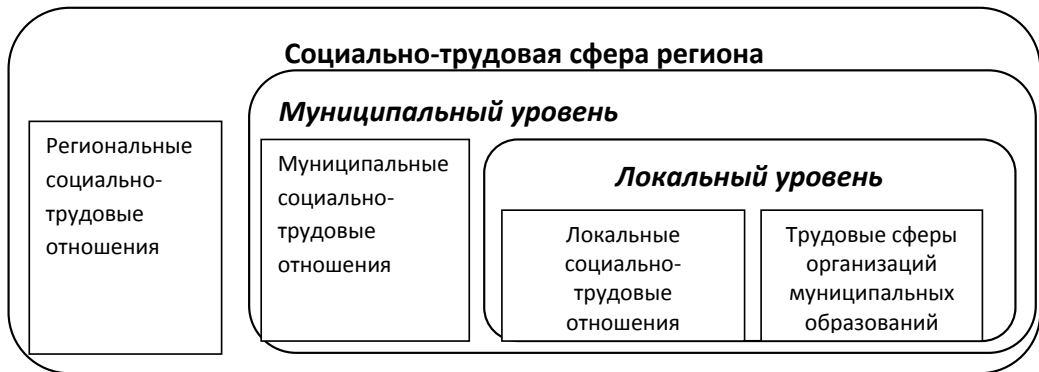
Ключевые понятия:

социально-трудовая сфера,
социально-трудовые отношения,
социально-трудовые конфликты,
федеральный, региональный,
муниципальный, локальный уровень
регулирования социально-трудовых
отношений.

Циклический характер развития экономической динамики в условиях пониженной фазы оказывает негативное влияние на все экономические процессы в стране, в том числе и на развитие социально-трудовой сферы. Еще И. Шумпетер отмечал, что развитие экономики невозможно без ухода от равновесия, и предполагает импульсы в этом процессе. Он же большое внимание уделял цикличности экономической динамики и роли кризисов как этапов в развитии. Идеи цикличности в настоящее время рассматриваются и при анализе социальных систем. Экономическая нестабильность, связанная с продолжением экономического кризиса 2008–2010 гг., усугубляющаяся падением цен на нефть и западными экономическими санкциями против России, приводит к ухудшению состояния социально-трудовой сферы регионов РФ. Для возвращения экономики России к устойчивому развитию на современном этапе важное значение имеет системное регулирование социально-трудовых отношений в экономике РФ.

Под региональной социально-трудовой сферой мы понимаем многоуровневую систему, состоящую из множества элементов и уровней, включающую локальные социально-трудовые сферы организаций региона (состоящие из трудовых сфер и локальных социально-трудовых отношений), муниципальные социально-трудовые сферы муниципальных образований региона (включающие муниципальные системы социально-трудовых отношений) и региональную систему социально-трудовых отношений [3, с. 13–14; 5, с. 33]. Структура социально-трудовой сферы региона представлена на рис.1.

Важным элементом социально-трудовой сферы являются социально-трудовые отношения, под которыми мы понимаем отношения в рамках всего государства, региона, муниципалитета и организации, в которые вступают работодатели, профсоюзные организации организаций, государственные и муниципальные органы власти и управления, объединения профсоюзов, объединения работодателей, различные партии и движения по поводу разработки законодательных, нормативных и иных актов в целях согласования интересов, установления и реализации трудовых прав и прав собственности субъектов трудовых отношений в организациях [4, с. 22–23].

Рис. 1. Структура региональной социально-трудовой сферы

Региональная система социально-трудовых отношений отличается сложной структурой. Она включает совокупности муниципальных социально-трудовых отношений, существующих в муниципальных образованиях региона, и социально-трудовые отношения, возникающие на региональном уровне в рамках социального партнерства между региональными органами власти, региональными объединениями работодателей и территориальными объединениями профсоюзов. Региональная система социально-трудовых отношений, помимо названных выше субъектов их регулирования, включает также и других субъектов регулирования, в качестве которых могут выступать суды, прокуратура, Рострудинспекция, политические партии и движения [6, с. 94]. – Экономике нужен баланс ролей рынка и ролей правительства, достижению которого во многом способствует деятельность нерыночных и неправительственных институтов, – отмечал Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц [8, с. 3].

Целью регулирования социально-трудовых отношений на всех уровнях является воздействие на локальную социально-трудовую сферу (под которой мы понимаем социально-трудовую сферу предприятия) с целью обеспечения ее эффективного функционирования и развития на основе согласования экономических и социальных интересов и соблюдения прав работодателей (собственников) и наемного персонала. Это отношения между субъектами и объектами регулирования социально-трудовой сферы, а также отношения внутри регулирующей и регулируемой систем (между отдельными звеньями, уровнями регули-

рования и т.д.). Результатом такого регулирования является непосредственное влияние на процесс труда. Мы различаем понятия «управлением трудом» и «регулирование трудовых отношений» [5, с. 58-59]. Управление трудом относится к локальному уровню, где непосредственно осуществляется процесс труда.

Посредством системы социального партнерства осуществляется воздействие на социально-трудовые отношения; воздействие же на трудовые отношения осуществляется посредством законодательного регулирования (через Трудовой кодекс РФ, законы о труде и т.п.).

На современное состояние социально-трудовых отношений большинства регионов и муниципальных образований РФ оказывают влияние ухудшение условий хозяйственной деятельности и нестабильность экономической ситуации. Еще одним фактором является назревшая необходимость реформирования системы социально-трудовых отношений в связи с переходом к инновационному типу экономического развития. Все это порождает общественные отношения в рамках системы социального партнерства, основанные на противоречиях и ведущие к возникновению и развитию индивидуальных и коллективных трудовых споров, которые могут носить как локальный (в рамках одного предприятия), так и отраслевой характер. Эти противоречия не позволяют институту социального партнерства достигать желаемых результатов.

В 2015 г. в целом в Российской Федерации было зарегистрировано 153 социально-трудовых конфликта в 9 федеральных округах (таблица 1). Причинами возникновения социально-трудовых конфликтов

(СТК) в регионах РФ в 2015 г. являлись:
 неудовлетворенность работников заработной платой (60 %);
 сокращение работников (7%);
 увольнение работников (7%);
 нарушение условий труда (7%);
 угроза банкротства предприятия (7 %);
 реорганизация предприятия (учреждения, организации) (3 %);
 недовольство работников в связи с назначением руководителя (3 %);
 временная остановка производства работодателем (3 %);
 пенсионное обеспечение (3 %)¹.

(производство машин и оборудования, производство пищевых продуктов, металлургическое производство, лесная промышленность);
 – значительное число социально-трудовых конфликтов зафиксировано в реформируемых бюджетных отраслях экономики (здравоохранение, транспорт, образование);
 – возросла доля крупных предприятий, на которых протекали СТК, и резко уменьшилась доля средних, малых и микро-предприятий, что косвенно свидетельствует о заметном снижении ко-

Таблица 1

Социально-трудовые конфликты в ФО в 2015 г.

№ п\п	ФО	Количество СТК, зарегистрированных в ФО в 2015 году
1	Сибирский ФО	32
2	Приволжский ФО	22
3	Северо-Западный ФО	21
4	Уральский ФО	21
5	Дальневосточный ФО	21
6	Центральный ФО	19
7	Южный ФО	11
8	Крымский ФО	5
9	Северо-Кавказский ФО	1
	Итого	153

составлено на основе²

Наибольшее число СТК зарегистрировано в Сибирском и Приволжском федеральных округах. В 2014 году завершились 118 социально-трудовых конфликтов, в подавляющем большинстве случаев (93%) СТК завершились полным или частичным удовлетворением требований работников³.

Анализ социально-трудовых конфликтов, протекавших в 2014 г., показал наличие следующих тенденций:

– СТК были зарегистрированы в 12 отраслях экономики. Наибольшее количество СТК протекало в обрабатывающих отраслях

личества предприятий малого и среднего бизнеса в РФ;

– конфликты возникали в отраслях, где ранее СТК не фиксировались (государственное управление, оптовая и розничная торговля);

– происходящая диверсификация отраслевой структуры экономики в регионах Российской Федерации увеличивает риск возникновения новых СТК;

– по сравнению с предыдущим 2013 годом в стране отмечен рост в 2 раза количества СТК, в которых работники осуществляли протестные действия;

¹ Бюллетень проекта «Социально-трудовые конфликты». [Электронный ресурс]. URL: <http://industrialconflicts.ru/> (дата обращения: 03.01.2015).

² Бюллетень проекта «Социально-трудовые конфликты». [Электронный ресурс]. URL: <http://industrialconflicts.ru/> (дата обращения: 03.01.2015).

³ Основные данные о социально-трудовых конфликтах в Российской Федерации за 2014 г. Санкт-Петербург: изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2014. – С. 3,21.

– администрации субъектов РФ и органы местного самоуправления как исполнительная власть региона участвовали в переговорных процессах и принимали нормативные акты по их результатам;

– работники и их объединения как одна из сторон социального партнерства активизировали вовлечение органов власти в разрешение СТК как наиболее эффективный инструмент отстаивания своих прав.

Анализ социально-трудовых отношений в условиях спада как циклической фазы экономической динамики позволяет сделать негативный прогноз их развития. Дальнейшее сокращение объемов производства в отраслях экономики как следствие кризиса и продолжающихся экономических санкций западных стран будет связано с увеличением числа высвобождаемых работников, ростом количества работников, находящихся в вынужденных отпусках, увеличением задолженности по заработной плате, а значит, усилением напряженности и увеличением количества социально-трудовых конфликтов.

В этих условиях возрастает роль государственных и муниципальных органов власти в регулировании социально-трудовых отношений. Роль органов власти как субъекта социального партнерства рассматривалась в работах В.Н. Белкина, Н.А. Белкиной, Драчук М.А., Колмаковой И.Д., Старцева Ю.Н. и др. [1,2,4,7]. Главным инструментом регулирования социально-трудовых отношений было и остается законодательство о труде. На улучшение ситуации в социально-трудовой сфере направлено законодательное регулирование (например, принятый недавно ФЗ-376 «О минимальном размере оплаты труда» от 14 декабря 2015 и др. нормативно-правовые акты), а также деятельность исполнительных органов власти (например, рассмотрение Минэкономразвития заявок по созданию территорий опережающего социально-экономического развития в монопрофильных муниципальных образованиях (моногородах) с наиболее сложным социально-экономическим положением (гг. Краснотурьинск, Первоуральск (Свердловская область), индустриальный парк «Магнитка» и др., способные увеличить занятость населения) и т.д.

Законодательство о труде в Российской Федерации постоянно совершенствуется. Об этом свидетельствует значитель-

ное количество изменений и дополнений в основные *федеральные законодательные акты о труде*, например:

– Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (с 2001 г. было принято более 90 федеральных законов, вносящих изменения в данный закон);

– ФЗ от 19 апреля 1991 года N 1032-1 “О занятости населения в Российской Федерации” (с 1991 г. были приняты 35 федеральных законов и Указ президента, вносящие изменения в данный закон);

– ФЗ от 24 июля 1998 года N 125-ФЗ “Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний” (с 1998 г. приняты более 40 федеральных законов, вносящих изменения в данный закон) и др.

Региональное законодательство о труде, представленное законами субъектов РФ, также постоянно совершенствуется. Субъекты РФ принимают законы и иные нормативные акты о труде, не отнесенные к полномочиям федеральных государственных органов власти, например:

– Закон Челябинской области от 27 ноября 2015 г. N 254-ЗО “Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда Челябинской области”;

– Закон Челябинской области от 28 октября 2004 г. N 280-ЗО “Об оплате труда работников областных государственных учреждений” (с изменениями и дополнениями);

– Закон Челябинской области от 30 августа 2001 г. N 29-ЗО “Об охране труда в Челябинской области” (с изменениями и дополнениями);

– Закон Челябинской области от 15 декабря 2011 г. N 249-ЗО “О регулировании отношений в области содействия занятости населения в Челябинской области” (с изменениями и дополнениями) и др.

Одной из целей регионального законодательства о труде является установление при возможности более высокого уровня защиты законных прав и интересов работников и работодателей по сравнению с федеральным трудовым законодательством.

Муниципальное законодательство о трудовых отношениях призвано конкретизировать общие положения, установленные федеральными и региональными законами

применительно к местным особенностям и условиям.

В большинстве заключаемых сегодня трехсторонних соглашениях на отраслевом, муниципальном, региональном уровнях содержатся разделы, в которых зафиксированы конкретные обязательства сторон, предусматривающие необходимость:

- осуществления согласованных действий сторон по преодолению экономического кризиса, смягчению его негативных последствий для субъектов социального партнерства;
- оказания содействия заключению коллективных договоров и трехсторонних соглашений на уровне предприятий разных форм собственности, отраслей, муниципальных образований и регионов;
- предотвращения коллективных трудовых споров, а профсоюзам в случае выпол-

пенсионного обеспечения, социального страхования, эффективной системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений.

По нашему мнению, необходима система мер по совершенствованию деятельности основных субъектов социального партнерства. Направления деятельности субъектов социально-трудовых отношений на локальном, муниципальном, региональном уровнях в современных условиях приведены на рис. 2.

Таким образом, выявленные тенденции развития социально-трудовых отношений в условиях циклической динамики развития экономики свидетельствуют о необходимости их реформирования. Важной задачей является формирование и развитие новых методов и организационных механизмов регулирования социально-трудовых отношений на локальном, муниципальном, региональном уровнях.

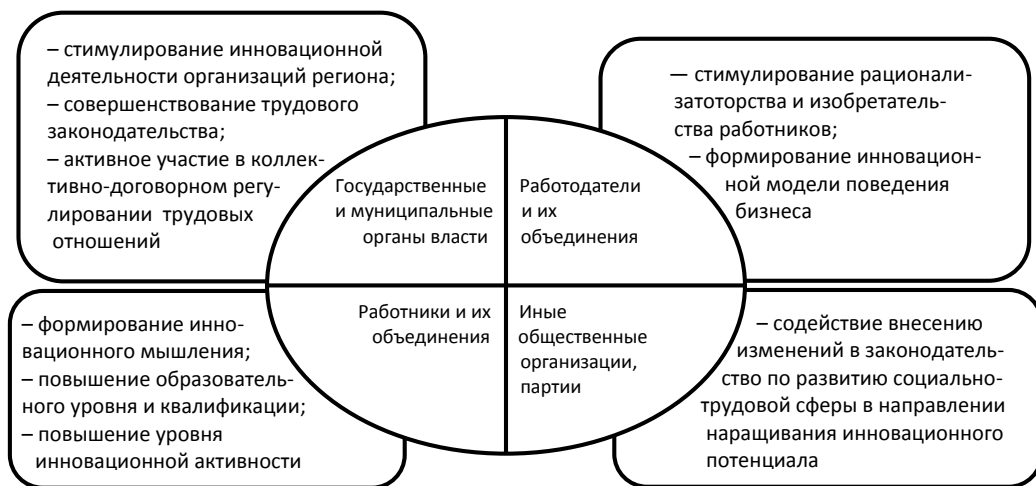

Рис. 2. Направления совершенствования социально-трудовых отношений

нения предпринимателями (работодателями) и органами государственного и муниципального управления своих обязательств в рамках заключенных соглашений и договоров не выступать организаторами забастовок.

В ряде регионов создаются Центры примирительных процедур по трудовым спорам. Представители Российской трехсторонней комиссии принимают участие в разработке профессиональных стандартов, в совершенствовании законодательства в области занятости населения, системы

1. Белкин, В.Н. Роль государства, бизнеса и работников в модернизации экономики России [Текст] / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина // Челябинский гуманитарий. 2013. № 2 (23). С. 16–20.

2. Драчук, М.А. Государство в системе субъектов управления трудом [Текст] / М.А. Драчук // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 1 (34). С. 132–138.

3. Колмакова, Е.М. Развитие потенциала социально-трудовой сферы региона: теоретические, методические и прикладные аспекты: дисс. ... к.э.н. 08.00.05. [Текст] / Е.М. Колмакова. Челябинск, 2013. 180 с.

4. Колмакова, И.Д. Теоретико-методологические основы системного регулирования социаль-

но-трудовых отношений региона: дисс. ... д.э.н. 08.00.05. [Текст] / И.Д. Колмакова. Екатеринбург, 2007. 357 с.

5. Колмакова, И.Д. Регулирование социально-трудовых отношений в экономике России [Текст] / И.Д. Колмакова // Экономика региона. 2006. № 1. С. 56–66.

6. Колмакова, И.Д. Социально-трудовые отношения как составная часть социально-трудовой сферы и их регулирование [Текст] / И.Д. Колмакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 4(77). Государственное и муниципальное управление. С. 92–98.

7. Старцев Ю. Н. Конкурентоспособность муниципального образования [Текст] / Ю.Н. Старцев // Вестник Челябинского госуниверситета. Серия 7. «Государственное и муниципальное управление». 2004. № 1. С. 80–87.

8. Stiglitz Joseph E. Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy [Text] / Joseph E. Stiglitz. W. W. Norton & Company, Inc., 2010 г. 362 s.

References

1. Belkin V.N., Belkina N.A. (2013) *Chelyabinskiiy gumanitariy*, no. 2 (23), pp. 16–20 [in Rus].

2. Drachuk M.A. (2013) *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, no.1 (34), pp. 132–138 [in Rus].

3. Kolmakova E.M. (2013) *Razvitie potentsiala sotsial'no-trudovoy sfery regiona: teoreticheskie, metodicheskie i prikladnye aspekty*. Chelyabinsk, 180 p. [in Rus].

4. Kolmakova I.D. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy sistemnogo regulirovaniya sotsial'no-trudovykh otnosheniy regiona*. Ekaterinburg, 357 p. [in Rus].

5. Kolmakova I.D. (2006) *Ekonomika regiona*, no. 1, pp. 56–66 [in Rus].

6. Kolmakova I.D. (2006) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, no. 4(77), pp. 92–98 [in Rus].

7. Startsev Yu. N. (2004) *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Seriya 7 «Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie»*, no. 1, pp. 80–87 [in Rus].

8. Stiglitz Joseph E. (2010) *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*: W. W. Norton & Company, Inc., 362 p. [in Eng].

UDC 331.104

REGULATING SOCIAL LABOR RELATIONS OF A REGION IN THE CONTEXT OF CYCLIC DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Kolmakova Irina Dmitrievna,

Chelyabinsk State University,
The Head of the Department Chair of State and Municipal Management,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kolmirina@mail.ru

Kolmakova Ekaterina Mikaelovna,

South Ural State University (NRU),
The Department Chair of Financial Management,
Associate Professor, Cand. Sc. (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: katekol_mn@mail.ru

Mikryukova Anastasiya Sergeevna,

Chelyabinsk State University,
the Department Chair of State and Municipal Management,
post-graduate student,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: nastya_mn@mail.ru

Annotation

The article focuses on analyzing the state of social labor relations of a region in the context of cyclic dynamics of development of national economy. The article presents the structure of the regional social labor sphere. The authors analyze the main factors influencing the development of social labor relations in regions of the Russian Federation. The dynamics of social labor conflicts and the causes of their arising are analyzed. The authors make a conclusion about the necessity to strengthen the role of state and municipal authorities in the sphere of labor and considering factors of development of social labor relations in regions of the Russian Federation in the current environment.

Key concepts:

social labor sphere,
social labor relations,
social labor conflicts,
federal, regional, municipal, local level of regulating social labor relations.

УДК 101.8

РЕФЛЕКСИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ КАК ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ МЕТАТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Усов Владимир Николаевич,
Челябинский государственный
педагогический университет,
профессор кафедры философии
и культурологии,
доктор философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: usov_vn@mail.ru

Аннотация

Постнеклассическая теория рефлексивного управления В. Лефевра, возникшая как отечественная альтернатива кибернетики 2-го порядка Х. фон Ферстера, в качестве метатеории включает в себя философские предпосылки дальнейшей концептуализации. Рефлексивный механизм принятия решений, генерирующий социальную синергию, на мировоззренческом уровне становится смысловой моделью. Она может быть представлена категориями «цель», «средство», «результат», двусторонне связанными в треугольник.

Ключевые понятия:
рефлексивное управление,
рефлексивный механизм принятия
решений,
социальная синергия,
метатеория управления,
философский концепт.

Цель данной статьи: из современного хаоса и сумбура управленческой информации выявить первичный философский концепт, являющийся предельным основанием рефлексивного управления.

Поясню ключевые термины ее названия – «философский концепт» и «метатеория управления». В современной философии проблема концепта, как известно, была поставлена Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Среди прочих они выделяют и так называемые первичные концепты [6, с. 9–47]. Принимая во внимание и различные мнения по этому поводу, *философский концепт* я буду толковать как смысловую микросистему, являющуюся предельным основанием той или иной человеческой деятельности.

Понятие «*метатеория*» впервые использовал Гильберт по отношению к математике. В ее терминологии, – это «*метаматематика*» [4]. Применительно к управлению такими же метатеориями являются кибернетика кибернетики (или кибернетика 2-го порядка) Х. фон Ферстера [13] и ее отечественная альтернатива – теория рефлексивного управления В. Лефевра [8].

Разграничение В. Лефевром двух смыслов термина «рефлексивное управление» – как искусства манипуляции людьми и как специфического метода социального контроля [9, с. 454] – имеет, на мой взгляд, философскую подоплеку, позволяющую интерпретировать его универсально. Ее можно выразить словами Гегеля: «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности» [3, с. 397].

Однако хитрость разума у Гегеля лишь по форме отличается от *могущества*, источник которого в опосредствовании. Направление этой силы или энергии осуществляется целью. *Хитрость* кроется в неоднозначном использовании средств.

На противоречивость используемых средств специальное внимание обратил В.А. Бокарев. Он писал: «... чем эффективнее средство, тем тоньше грань, отделяющая его полезное действие от вредного или опасного. В определенном смысле управление возникло как искусство «на лезвии бритвы» разрешать противоречия, заложенные во все более эффективных средствах деятельности... Таковы субъективно-объективные причины, определившие необходимость введения понятия «управление» [2, с. 65–66].

В кибернетике Ферстера опосредствование субъекта с объектом осуществляется с позиции объекта, – путем саморефе-

рентности, т.е. по схеме: Объект – Субъект – Объект². В рефлексивной теории Лefевра, наоборот, – с позиции субъекта, – путем саморефлексии, т.е. по схеме: Субъект – Объект – Субъект². В основе и той, и другой схемы, как видно, лежит действительная структура: цель – средство – результат.

Результатом взаимодействия субъекта с объектом у Лefевра оказывается Субъект², т.е. *модель субъекта* [9, с. 454–457]. Она «включает» в себя психику исходного субъекта, обогащенную отражением объекта. Таким образом, в этой психике выделяются 3 уровня отражения: нереплексивное бессознательное, сознание, обладающее рефлексией первого порядка и самосознание, основанное на рефлексии второго и следующих порядков. На уровне самосознания, путем *оценочных суждений* (как у Фрейда в цензуре), формируется определенная психологическая установка. Весь процесс ее формирования формализуется *функцией готовности*, представляющей *механизм свободного выбора* (т.е. *принятия решения*).

Рефлексивный механизм принятия решений, реализующий «*принцип свободы*», по мнению Лefевра, подобен «*категорическому императиву*» Канта, но действует как физический закон. Об этом он заявлял неоднократно [10, с. 491–492].

«Категорический императив» Канта, как известно, исключительно формален и относится им к так называемым «*априорным синтетическим суждениям*». Последние наделяются свойствами *всеобщности* и *необходимости*, примерами чего, по его мнению, являются *все законы науки*.

Проблема «априорных синтетических суждений» является центральной во всей философии Канта. Ее решение связывается у него с тремя познавательными способностями человека: чувственностью, т.е. способностью к ощущениям и созерцаниям; *рассудком*, т.е. *способностью к понятиям и суждениям* и разумом, т.е. способностью к умозаключениям, приводящим к *идеям*.

Важно, что «Критика способности суждения» является и средством связи двух основных частей кантовской философии – теоретической и практической, и наиболее слабым пунктом его учения. Первоисточники ее плюсов и минусов обнаруживаются в *формальной логике* Аристотеля.

Переведенная на строгий математический язык с помощью булевой алгебры, эта логика используется во всех разработках современных компьютерных программ.

В учении Аристотеля о суждении, в данном случае, следует отметить именно те положения, которые позже получили название логического квадрата, а именно: отношение контрарности и отношения контрдикторности между суждениями.

Рассматривая теорию рефлексивного управления Лefевра с учетом сказанного, можно отметить:

У Лefевра нет реального разделения хитрости и могущества рефлексивного управления, поскольку рефлексия у него формальная, осуществляется на уровне рассудочных суждений. Это существенное достоинство его теории и одновременно ее существенный недостаток.

Ее *существенное достоинство* заключается в оптимизации процесса подготовки и принятия решений путем формализации суждений рассудка. Математическое моделирование позволяет использовать в этом процессе современную вычислительную технику и компьютер. Путем *идентификации* немислимого числа комбинаций, сочетающих субъективные и объективные факторы данной ситуации, компьютер *выявляет оптимальный вариант принимаемого человеком решения*.

Но в этом же и *концептуальная слабость его теории*: она заключается в *формализме духовных ценностей*. Известно, что все слова *обобщают*. А высшие человеческие чувства, такие как: совесть, вина, доброта, любовь, патриотизм, национализм, честность, справедливость, свобода, ответственность, гуманизм и т.д. являются всегда *уникальными*. При формализации, например совести или любви, у них остаются только названия.

Стратегическое преимущество рефлексивного подхода к принятию решения можно наглядно показать на примере обычной двухмерной матрицы – знаменитой «*Решетки менеджмента*». Разработанная Р. Блейком и Дж. Моутон, она многократно усовершенствовалась учеными. Основой этой решетки является «*перевернутый набор*» *логический квадрат*, по горизонтали и вертикали которого указываются объективные и субъективные факторы. В его диагоналях фиксируются их антагонистические и неантагонистические отношения. С учетом точки пересечения этих диагоналей в нем выделяются, как правило, 5 основных вариантов синтеза данных факторов. Так, применительно к *конфликтному поведению* индивидов, К. Томас и Р. Киллменн их обозначили как: 1) уклонение, 2) приспособление, 3) соперничество, 4) сотруд-

ничество и 5) компромисс. Среди них, очевидно, выделяется идеальный вариант поведения – *сотрудничество*. Он является идеальным потому, что включает в себе необычную ценность – *синергию* [7, с. 202].

По сути, та же основа заложена и в *кластерном подходе*, который ныне стал довольно популярным среди экономистов. Он также нацеливается на достижение синергетических преимуществ. Как и в «*Решетке менеджмента*», путем сочетания противоположностей в нем *выявляется* оптимальный вариант, *воспроизводящий лишь то, что дано*.

Однако *рефлексия становится действительно плодотворной*, когда мы выходим на уровень мировоззренческого отражения бытия теоретически. Определяясь как *способ самосознания* человека в культуре, *философская рефлексия* оказывается двойственной: с одной стороны, она воспроизводит мировоззренческие универсалии культуры; с другой стороны, она же производит ее новые предельные основания. *Диалектическая противоречивость* производящей и воспроизводящей философской рефлексии является *первоисточником творчества* всевозможных форм человеческого бытия и источником саморазвития самой философии как *«интеллектуального ядра»* культуры. Формально она выражается с помощью *умозаключений*.

Еще Плотин в своих «*Эннеадах*» сравнивал рефлекссию с *умозаключением*. По Гегелю в форме умозаключений выражается рефлексия *разума*. А Дьюи утверждал, что в *систематическом выводе* умозаключений выражается *сила рефлексии*. Осуществляя *генетический вывод новых идей и понятий*, философская рефлексия, таким образом, *отражает развитие и саморазвитие любых реальных систем*.

Так философски, на всеобщем мировоззренческом уровне определяется и понятие управления, и предельное основание управленческой деятельности – рефлексивный механизм принятия решений, генерирующий любую (*положительную и отрицательную*) социальную синергию.

Первоначально любое *управление* представляется как изменение значения к.-л. параметра той или иной системы. Согласно же общей теории систем Л. фон Берталанфи эти изменения могут быть либо структурными, либо функциональными [1]. Возникающие *направленностью* изменений снимаются *направленной* синергией. А направленное изменение определяется как

развитие. Таким образом, *управление* по своей сути оказывается *способом развития* той или иной системы.

Как способ противоречивого развития *управление* является не только *направлением* изменений, но также и *организацией* системы, и *регулированием* ее функционирования. Так, с рефлексивных позиций «изнутри» и «извне» системы подразделяются на *замкнутые и открытые*.

В *динамическом* взаимодействии таких систем, согласно Морену, замкнутые системы открываются (распадаются); открытые системы, наоборот, замыкаются [11, с. 51–347]. Согласно Пригожину внутреннее время любой системы также *однонаправленно* [12, с. 275–386]. Включение замкнутой системы в открытую является *самоорганизацией системы, ее саморазвитием*.

Подобно тому, как мерой движения в физике является энергия, *мерой развития и саморазвития любой системы* можно считать *синергию*. Как мера развития она проявляется в *самом выходе* за пределы организации, за границы функционирования.

Наиболее *развитой формой движения*, как известно, является *социальная*. Социальная синергия производится изначально коллективной, общественной управленческой деятельностью. Ее субъектом изначально является конкретный социум – семья, род, племя. Потом эта деятельность специализируется. Управленческая деятельность отличается от всех других ее форм *умением опосредствовать противоречия*. Однако опосредствовать противоречия, т.е. синтезировать, соединять противоположности можно по-разному. Ленин в этой связи говорил о симфонии и какофонии. Метафорический смысл «симфонии» здесь заключается в синергии.

Основными характеристиками социальной синергии в смысле нового системного качества являются: новизна, синтез целостности ($2+2=5$ или $2+2=3$), положительное и/или отрицательное значение для человека.

Эффекты синергии переживаются крайне эмоционально. Это Радость успеха и Страндания от неудачи, Торжества Побед и Горечь Поражений, Творческие Вдохновения и Апатия, Энтузиазм и Паника и т.д.

Сказанное относится к любым социальным системам, в том числе к управленческим, «ядром» которых является механизм принятия решений.

Социальной формой развития является творчество. В творческом смысле наиболее

развитой формой синергии также становится социальная. Она генерируется в социальном управлении, в управленческой деятельности. Собственно *управленческая синергия* выражается в человеческой *свободе*, всегда сопряженной с ответственностью. Свобода, как видно, есть результат творческого управления. *А творческое управление является всегда рефлексивным*. В своей разумности они *синонимичны*. В универсальном философском смысле рефлексивный механизм принятия решений выступает как *генератор социальной синергии*.

На уровне социально организованного субъекта и хитрость, и могущество рефлексивного управления многократно возрастают за счет культуры (носителя социального опыта). Вместе с тем возникает необходимость их *критического* различения по смыслу.

Любое средство по отношению к другому субъекту *становится знаковым средством*. Таким образом, *все явления культуры* выступают как знаки. В культуре человечество обретает свое историческое измерение. Социальная память является резервуаром его социальной синергии. Ее носители могут представляться в различных символических формах. Это «Вождь», «Лидер», «Авторитет», «Посредник», «Судья», «Учитель», «Шаман», «Мудрец», «Разум», «Бог», «Государство», «Закон», «Знание», «Книга», «Деньги» и т.д.

Системообразующим фактором культуры является *язык*. В семиотике выделяются 3 его основных аспекта: синтаксис, представляющий отношение «знак – знак», семантика, представляющая отношение «знак – объект», и прагматика, представляющая отношение «знак – субъект». Соответственно, в металогики языка выделяются: «*логический синтаксис*», «*логическая семантика*» и «*логическая прагматика*», т.е. *логика смысла* [5]. В этих логиках также устанавливаются 3 языковых типа *истины и истинности*. Например, семантическая концепция истины Тарского конкретизирует классическое определение истины Аристотеля. Противоречия, возникающие в каждом из выделенных отношений и между ними, также становятся источниками хитрости и могущества рефлексивного управления.

Культуру как знаковое средство можно моделировать *семантическим треугольником*, вершины которого выражают определенные социальные позиции – социальные статусы, роли, точки зрения. В цепочках

рефлексивных суждений рассудка здесь возможны различные манипуляции (не обязательно, но), включающие хитрость. В рефлексивных умозаключениях разума проявляется его творческий потенциал.

Рефлексивный механизм, генерирующий социальную синергию, является *смысловой моделью* механизма подготовки и принятия решений. Она может быть также представлена категориями «цель», «средство», «результат», двусторонне связанными в *треугольник*. *Субъект-объектная* противоречивость этой микросистемы выражается в *рефлексивной неопределенности* каждого ее элемента. Генерация синергии представляется в снятии этой неопределенности.

Таков, на мой взгляд, *философско-концептуальный смысл механизма принятия решений* как предельного основания рефлексивного управления.

1. Берталанфи, Л. фон. История и статус общей теории систем [Текст] / Л. фон. Берталанфи // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. 268 с.

2. Бокарев, В.А. Человеческая деятельность и диалектика развития понятия «управление» [Текст] / В.А. Бокарев // Кибернетика и диалектика. М.: Наука, 1978. С. 64–82.

3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 452 с.

4. Гильберт, Д. Основания геометрии [Текст] / Д. Гильберт. М.–Л.: ГИТТЛ, 1948. 491 с.; Гильберт, Д., Бернайс П. Основания математики. Логические исчисления [Текст] / Д. Гильберт, П. Бернайс. М., 1979. 653 с.

5. Делез, Ж. Логика смысла – 1/ Жиль Делез. Логика смысла. Мишель Фуко THEATRUM PHILOSOPHICUM [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/delez_gil/logika_smisla___1.html#0 (дата обращения: 03.05.2016).

6. Делез, Ж. Что такое философия? [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: Институт эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

7. Корнелиус, Х. Выиграть может каждый: как разрешать конфликты [Текст] / Х. Корнелиус, Ш. Фэйр. М.: Стрингер, 1992. 215 с.

8. Лефевр, В.А. Кибернетика второго порядка в Советском Союзе и на Западе / В.А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (дата обращения: 03.05.2016).

9. Лефевр, В.А. Рефлексивное управление, моделирование и мораль [Текст] / В.А. Лефевр. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.

10. Лефевр, В.А. Чуть позже светопредставления [Текст] / В.А. Лефевр. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.

11. Морен, Э. Метод. Природа Природы [Текст] / Э. Морен. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 467с.

12. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

13. Foerster, H. von. Cybernetics of Cybernetics University of Illinois, Urbana 1979. [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.vlab.wikia.com/wiki/Heinz_von_Foerster_%22Cybernetics_of_Cybernetics%22_\(1979\)_\(reference_data:03.05.2016\)](http://ru.vlab.wikia.com/wiki/Heinz_von_Foerster_%22Cybernetics_of_Cybernetics%22_(1979)_(reference_data:03.05.2016)).

References

1. Bertalanfi L. fon (1973) Istoriya i status obshchej teorii sistem // Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. Moscow, Nauka, 268 p. [in Rus].

2. Bokarev V.A. (1978) CHelovecheskaya deyatel'nost' i dialektika razvitiya ponyatiya «upravlenie» // Kibernetika i dialektika. Moscow, Nauka, pp. 64–82 [in Rus].

3. Gegel' G.V.F. (1975) EHnciklopediya filosofskih nauk: Nauka logiki. Moscow, Mysl', vol. 1, 452 p. [in Rus].

4. Gil'bert D. (1948) Osnovaniya geometrii. Moscow–Leningrad, GITTL, 491 p.; Gil'bert D., Bernajs P. (1979) Osnovaniya matematiki. Logicheskie ischisleniya. Moscow, 653 p. [in Rus].

5. Delez ZH. Logika smysla – 1/ ZHil' Delez. Logika smysla. Misl' Fuko THEATRUM PHILOSOPHICUM, available at: http://royallib.com/read/delez_gil/logika_smysla___1.html#0(accessed 03.05.2016) [in Rus].

6. Delez ZH., Gvattari F. (1998) CHto takoe filosofiya? Moscow, Institut eksperiment. Sociologii; Saint Petersburg, Aletejya, 288 p. [in Rus].

7. Kornelius H., Fehjr SH. (1992) Vyigrat' mozhет kazhdyj: kak razreshat' konflikty. Moscow, Stringer, 215 p. [in Rus].

8. Lefevr V.A. (2002) *Refleksivnye processy i upravlenie*, Vol. 2, no. 1, pp. 96–103, available at: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (accessed 03.05.2016) [in Rus].

9. Lefevr V.A. (2003) Refleksivnoe upravlenie, modelirovanie i moral'. Refleksiya. Moscow, Kogito-Centr, 496 p. [in Rus].

10. Lefevr V.A. (2003) CHut' pozzhe svetopredstavleniya. Refleksiya. Moscow, Kogito-Centr, 496 p. [in Rus].

11. Moren EH. (2005) Metod. Priroda Prirody. Moscow, Progress-Tradicija, 467 p. [in Rus].

12. Prigozhin I., Stengers I. (1986) Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy. Mjscow, Progress. 432 p. [in Rus].

13. Foerster H. von. (1979) Cybernetics of Cybernetics University of Illinois, Urbana, available at: [http://ru.vlab.wikia.com/wiki/Heinz_von_Foerster_%22Cybernetics_of_Cybernetics%22_\(1979\)_\(reference_data:03.05.2016\)](http://ru.vlab.wikia.com/wiki/Heinz_von_Foerster_%22Cybernetics_of_Cybernetics%22_(1979)_(reference_data:03.05.2016)) [in Eng].

UDC 101.8

REFLEXIVE MECHANISM OF MAKING DECISIONS AS A PHILOSOPHIC CONCEPT OF METATHEORY OF MANAGEMENT

Usov Vladimir Nikolaevich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: usov_vn@mail.ru

Annotation

Postnonclassical theory of reflexive management by V. Lefebvre coming into existence as a native alternative of cybernetics of the 2d order by Heinz von Foerster and being a metatheory includes philosophic background for further conceptualization. Reflexive mechanism of making decisions generating social synergy becomes a sense bearing model on the worldview level. It can be presented with the categories of “aim”, “means”, “result” bilaterally linked into a triangle.

Key concepts:

reflexive management,
reflexive mechanism of making decisions,
social synergy,
metatheory of management,
philosophic concept.

УДК 007, 316.774, 316.776

ИНТУИТИВНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АДМИНИСТРИРОВАНИИ, НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ШАХМАТНОЙ ИГРЕ (В ДИСКУРСЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК)

Киселев Сергей Васильевич,

Ростовский техникум индустрии моды,
экономики и сервиса
(ГБПОУ РО «РТИМЭС»),
преподаватель,
кандидат социологических наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: naukargu@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу выбора решений, основанных на рационально обоснованном и интуитивно находимом порядке действий, направленных на достижение преследуемых целей. Исследование рационально-интуитивных структур формирования управленческой деятельности осуществлено на основании анализа данных проведенного автором опроса экспертов, представляющих сферы интеллектуально-организационной деятельности – менеджмента, научной работы, шахматной игры. Выводы исследования показывают ведущую роль рассудочного подхода в жестко регламентируемых сферах деятельности (администрирование) и расширение интуитивно творческого компонента принятий решений в менее детерминированных условиях реализации инновационных подходов (науке и шахматной игре).

Ключевые понятия:

рационально-обоснованные решения,
интуитивно подготовленные действия,
игровое моделирование.

В процессе принятия разнообразных решений люди постоянно сталкиваются с необходимостью выбора действий, основанных либо на выстраивании умозаключений и производимых из них следствий, либо на внутреннем ощущении ориентиров своих оценок и поступков. В первом случае человек оперирует логикой соотношения аналитических и синтетических суждений, во втором – целостно обобщаемыми категориями чувственно-интеллектуальных образов реальности, относимых к умозрительной интуиции. Разграничение этих механизмов оценок и принятия решений, позволяющее расширить и уточнить возможности взаимопроникновения рассудочно формируемого знания и знания ментальных форм существования, определяет задачи согласования мыслительных и чувственно организованных практик достижения преследуемых целей. При этом возможности понимания процесса трансформации интуитивных обобщений в рациональное знание определяют в научном анализе «главные мотивы наших усилий для точного распознавания чувственных данных» [6, с. 362]. Ведь достоверность личных наблюдений и суждений субъекта очевидна лишь для него самого, но не для других сторон коммуникации. Как верно заметил Б. Рассел, «имеется только один человек, который может быть знаком с ментальными вещами или чувственными данными <...>, никакой факт о конкретной существующей вещи не может быть самоочевиден больше чем одному человеку» [3, с. 109]. В этом смысле истине познания соответствуют согласованные и ретранслируемые умозрительно воспроизводимые и опытно проверяемые сущностей. На актуальность такого следования «теории проб и ошибок – *предположений и опровержений*» обращал внимание К.Р. Поппер, полагавший, что «мы сами активно пытаемся налагать регулярности на мир, пытаемся обнаружить в вещах сходные черты и интерпретировать их на основе законов, изобретенных нами» [2, с. IV].

Необходимо отметить содержание процесса управления как социального процесса, изменяющего характеристики систем объектов, целенаправленно приводимых к некоторому состоянию. Именно этот аспект управления выделяется в социологическом анализе, трактуемом социальное управление как преобразование общественных систем и подсистем, связанных с «формированием критериев и

показателей социального развития объекта, выделением возникающих в нем социальных проблем, разработкой и применением методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов» [4, с. 380]. С этих позиций под управлением понимается изменение поведения объекта целенаправленного воздействия со стороны субъекта, осуществляющего такого рода действия. Отсюда видно, что в социологическом анализе управленческих действий (решений) может рассматриваться не только их реализация во властно-бюрократической деятельности, но и в творческих (научно-исследовательских, интеллектуально-игровых) практиках, осуществляемых соответственно представителями органов власти (государственных и коммерческих административных структур), научных и спортивных сообществ, занимающихся решением управленческих задач. В данной работе рассматриваются процессы формирования решений субъектов управления (высокоранговых служащих, ученых, шахматистов) в самоанализе реализуемых ими действий, направленных на изменения объектов их воздействия для достижения иницируемых целей, связанных с принятием нормативных и оперативных актов управления, открытием новых научных закономерностей, достижением спортивных результатов в интеллектуальном творчестве. По сути, объединяющим основанием этих трех сфер информационного управления (администрирование служащих, научно-организационные исследования, интеллектуально-игровая (шахматная) деятельность) выступает сфера творческого формирования актов управления, относимая к сравнительно молодой сфере научного анализа – управлению знаниями.

Развитие современной науки в условиях активного взаимного проникновения различных отраслей знаний и усиление междисциплинарного обмена инновациями обуславливают актуальность системного охвата и адекватного использования объективируемых представлений об окружающем мире, что интенсифицирует процесс управления знаниями в качестве особой сферы научного анализа. Можно согласиться с мнениями специалистов [1, с. 7] о росте значения в науке управления ее новой отраслью – управления знаниями (в английском варианте «knowledge management»). Ее бурное развитие связывает-

ся, прежде всего, с публикациями американского исследователя К. Вига [Wiig K.M.] и его коллег второй половины 1990-х гг. [5, с. 10].

В отличие от сложившегося понимания управления как административно-бюрократической деятельности «процесс управления знаниями можно представить по-разному, но, в сущности, в практических случаях дело сводится к осуществлению специфической деятельности по выявлению, отбору, синтезу, хранению и распространению реальных знаний в организации» [1, с. 10]. Исходные задачи управления знаниями (в административной, творческой, научной и иных социальных практиках) связаны с установлением и объединением явных знаний (англ. «explicit knowledge»), то есть формализуемых и транслируемых данных, и неявных знаний (англ. «tacit knowledge»), то есть нечетко структурируемой информации в опытном и интуитивном знании. Нахождение же оптимальных подходов достижения таких целей составляет содержание управленческих решений независимо от дисциплинарной сферы их приложения.

Раскрытию механизма принятия решений в управлении знаниями могут способствовать самооценки специалистов эффективных целенаправленных действий, связанных с организационными, научными, творческими компонентами их деятельности. Таким критериям соответствуют высококвалифицированные специалисты (имеющие высокий должностной, научный, творческий статус в представляемых ими социальных группах), связанные по роду их деятельности с реальной и моделируемой трансформацией практических и теоретических знаний в процессе их профессиональной деятельности, способные объективировать и оценивать эффективность реализации целенаправленных действий. В отличие от обычных информантов или респондентов мнение таких специалистов соответствует экспертным знаниям.

Целью настоящей статьи является структурирование механизмов рационально обоснованных и чувственно обобщаемых решений на основе опроса экспертов, представляющих различные сферы творческо-интеллектуальной деятельности. Проведенное автором исследование было направлено на установление возможностей выявления и соотнесения базовых компонентов обоснованно-выводимых (рациональных) и самоорганизованных

(интуитивных) действий в системах интеллектуального управления (менеджмент, научная работа, шахматная игра). При этом особенное внимание уделялось сравнительным характеристикам игровой формы самоорганизации управленческих решений, сочетающих, как в случае с шахматами, логический расчет планируемых действий и интуитивные ориентиры игровой борьбы.

Опрос осуществлялся в виде экспертного интервью. В нем приняли участие служащие государственных и коммерческих организаций, научные работники, квалифицированные шахматисты, проживающие в основном в г. Ростове-на-Дону. Состав первой группы экспертов (13 человек) включал: представителей коммерческих организаций (10 руководителей структурных подразделений) и органов власти (3 руководителей структурных подразделений). Во вторую группу (18 человек) входили: 10 профессоров (в том числе заведующих кафедрами), 5 доцентов, 3 старших преподавателя, из них 10 докторов наук, 8 кандидатов наук. Третью группу представляли: 3 международных гроссмейстера, 4 международных и 2 национальных мастера, 4 кандидата в мастера спорта (процентные величины данных опросов округлены до целых чисел).

Группу служащих представляли работники органов исполнительной власти и местного самоуправления Ростовской области и ООО «Лукойл Ростовэнерго». В группу научных работников вошли члены диссертационного совета при Кубанском аграрном университете, представители Южного федерального университета, Ростовского юридического института (среди шахматных экспертов опрашивались квалифицированные шахматисты из числа студентов Ростовского государственного экономического университета, тренеров Ростовского шахматного клуба, спортсменов, в т.ч. из гг. Москвы, Новосибирска, Таганрога, Московской области), участвовавших в международных соревнованиях, проводившихся в г. Ростове-на-Дону. Следует оговориться, что вопросы для каждой группы экспертов формировались с учетом специфики их сфер деятельности для большей информативности содержания ответов, что было бы затруднительно при одинаковой постановке вопросов и вариантов ответов для всех опрашиваемых лиц.

Данные опроса показывают оценочные характеристики выбора рационально-

обоснованных и интуитивно подготовленных решений, которыми руководствуются представители интеллектуальных профессий – управленцы, научные работники и шахматисты.

Показательно влияние профессионального амплуа экспертов на оценку роли интуиции в принятии творческих решений. В работе служащих, основанной на жесткой регламентации их деятельности, трудно ожидать раскрепощенной свободы административного поведения и вдохновения в процессе бюрократической деятельности. Об этом свидетельствует скептическое отношение к интуиции со стороны управленцев-экспертов, из которых большинство указало на «слабое присутствие данного фактора при подготовке эффективных действий в управленческой деятельности». Противоположного мнения придерживаются научные работники и шахматисты, выделяющие наличие интуиции в своей деятельности (от 2/5 до 3/5 опрошенных – здесь и далее приводится соотношение сторонников конкретной позиции в представляемой группе).

Из различных сфер творческой деятельности, где могут быть заметны механизмы интуитивных решений, представители трех групп экспертов выделяют, прежде всего, сферу искусства. Наибольшее значение интуиции в ней подчеркивают административные и научные работники (соответственно 69% и 53% ответов).

Для служащих их управленческая деятельность связывается, прежде всего, с «искусством принятия решений» (31% ответов), со строгой регламентацией разрешаемых вопросов (23%), научно обоснованной организацией принимаемых решений (15%) либо со всеми названными аспектами администрирования (23%). Характерно, что приоритет научно обоснованных бюрократических практик значим для мужчин, в то время как женщины (43%) рассматривают их скорее как искусство, то есть в более психоэмоциональном ключе. К такому же восприятию «искусства управления» тяготеют наиболее зрелые чиновники (свыше 3/5 опрошенных 46–55 лет) с наиболее высоким (от начальника управления и выше) профессионально-должностным статусом (половина опрошенных). Вероятно, умудренные опытом администраторы, как и женщины, наиболее склонны ориентироваться на аспекты личного общения и налаживания контактов в своей работе, нежели на стандарты де-

лового поведения. Показательно, что все опрошенные административные работники (13 человек) считают интуицию только «дополнительным фактором принятия управленческих решений».

Какими же критериями в выборе решений руководствуются чиновники, ученые и шахматисты в выборе продуктивных решений? Предпочтения управленцев ориентированы на просчитываемые действия (более 4/5 опрошенных) и в меньшей степени на интуицию (почти каждый 7-й). При этом всецело полагаются на логику продуманных бюрократических действий практически все опрошенные лица люди в возрасте 36–45 лет и старше 55 лет, а также женщины. Превышение среднегрупповых показателей значимости «интуитивного выбора импонирующих действий» отмечается среди служащих-мужчин и людей в возрасте 26–35 и 46–55 лет (по 1/3 опрошенных). У людей науки соотношение выбора «рассудочно оцениваемых» и «интуитивно ощущаемых» перспективных направлений научной деятельности находится в пропорции соответствующих ответов 71% к 24%. Максимальный приоритет рассудочному знанию отдают все женщины, люди 18–25 лет и старше 55 лет. Выше среднегруппового значения интуитивный выбор продвижения в работе демонстрируется молодыми научными кадрами 26–35 лет (2/5 опрошенных).

Среди шахматистов предпочтительны рассудочно организуемые построения игры (46% ответов) по сравнению с ориентирами на интуитивные подходы (23% ответов). При этом самые большими рационалистами выступают гроссмейстеры и люди 18–25 лет (3/5 опрошенных). При этом практически все шахматисты 46–55 лет склонны к выбору интуитивных решений.

При ответах на прямо поставленный вопрос: «Насколько в управленческой деятельности Вы полагаетесь на интуицию как на эффективную стратегию достижения целенаправленных действий?» наибольшее число «интуитивистов» отмечается среди шахматистов (около 1/3 опрошенных), далее идут управленцы (каждый 5-й) и ученые (каждый 10-й). В лидирующей по этому показателю группе шахматистов преобладание интуитивно выстроенных действий наблюдается у людей в возрасте 46–55 лет (все опрошенные), гроссмейстеров (более 3/5) и женщин (половина опрошенных). Среди управленцев интуиции склонны доверять

в особенности люди в возрасте 26–35 лет и мужчины (половина опрошенных). В группе ученых более других на интуицию надеются люди 36–45 лет и представители профессорского корпуса и докторов наук (примерно каждый 5-й).

Моделирование в данном исследовании возможностей переноса респондентами их профессионально-творческих подходов на разрешение проблемных жизненных ситуаций указывает на сложившиеся стереотипы поведения во всех группах экспертов. Стремятся «следовать стратегиям своих профессиональных подходов» большинство научных работников (более 4/5 опрошенных) и в особенности представители возрастных групп 18–25 лет, 36–45 лет, старше 55 лет и мужчины (практически все опрошенные в каждой группе).

У управленцев показатель влияния профессиональных подходов на решение жизненных проблем более низкий (свыше 1/2 опрошенных). В то же время их господствующее влияние отмечается у служащих 26–35 лет и старше 55 лет (все опрошенные) и у мужчин (более 4/5). У шахматистов самый низкий уровень воспроизводства профессионального опыта в разрешении коллизий жизненных ситуаций (чуть более 1/3). Вместе с тем следование своим профессиональным (технологическим) навыкам наиболее предпочитают гроссмейстеры, шахматисты 18–25 лет и мужчины (каждый 2–3-й из них).

Таким образом, результаты экспертного опроса указывают на то, что интуиция как феномен интеллектуально-чувственной природы познания заметнее всего у людей с менее детерминированными условиями профессионально-творческой деятельности – представителей науки и шахмат.

Заметно влияние некоторых демографических аспектов приверженности представителей административной, научной и интеллектуально-игровой деятельности рассудочным или интуитивным подходам принятия решений. На склонность к интуитивному видению проблемных ситуаций и способам их разрешения во всех группах экспертов ориентированы существенная часть молодых административных, научных работников и шахматистов в возрастном диапазоне 26–35 лет (не менее одной трети всех экспертов). Можно предположить, что в этот особенно продуктивный возрастной период творческих открытий развиваются предпосылки формирования

и согласования нормативно ожидаемых и умозрительно апробируемых знаний, навыков, умений. С повышением возраста, жизненного опыта и изменением иных условий развития личности и ее социального окружения большее значение получают консервативные установки систематизации и преобразования наличного знания. В этом отношении кажется естественным тяготение к рассудочным основаниям принимаемых решений у административных и научных работников весьма зрелого возраста (старше 55 лет). Специфика творческой деятельности шахматистов обуславливает, вероятно, приоритет просчитываемых действий, связываемых молодыми людьми с более активными их возможностями использования памяти, комбинаторики и других интеллектуальных ресурсов, а в случае с высококлассными игроками (гроссмейстерами) – с большим опытом знаний в теории и практике достижения преследуемых целей.

Шахматные игроки оказались и наиболее активными интерпретаторами рефлексивного анализа интуиции, предложив максимальное число определений ее содержания при ответах на вопросы открытого типа (13 ответов, эксперты-служащие дали 2 ответа, научные работники – 7). Если администраторы-специалисты скорее склонны прибегать к сложившимся определениям интуиции («способность на прежнем опыте без логического анализа предчувствовать правильное решение»), то научные работники видят в ней большей степени процессы интеллектуального оперирования («способ мышления, который основывается на личном опыте», «бессознательное мысленно-моделируемое предвидение событий», «инерцию знания в ситуации преобладания незнания» и т.д.). В то же время шахматисты пытаются конкретизировать характеристики данного явления, исходя из трактовки своего игрового опыта, где преобладают чувственные аспекты осмысления и разрешения игровых ситуаций. Для их оценок характерны следующие мнения: «Интуиция – внутреннее мнение, подталкивающее человека к принятию решений, основанных не на рациональных действиях, а простых эмпирических чувствах»; «предвидение некоторых важных изменений в будущем. Ощущение, что это правильно, а это нет»; «Интуиция – это обработка информации на подсознательном уровне. Для обработки информации и нахождения решения

используется накопленный опыт». Весьма примечательна оценка связи рассудочного и интуитивного знания, данная одним из гроссмейстеров, указавшим на то, что «систематизация информации и ее творческое осмысление происходят под влиянием в большей степени чисто логических инструментов – анализ, синтез, аналогии», которые доминируют в спокойной, рационально взвешенной обстановке принятия решений, например, при подготовке к соревнованиям, поскольку «уровень стресса в период между турнирами значительно ниже, поэтому интуиция как бы «отдыхает»».

Эксперты по-разному видят возможности активизации интуиции для решения поставленных задач. Для научных работников (преимущественно юристов) стимулирование механизма интуиции связывается с «поиском аналогий», «обобщением информационных источников», для служащих – со «сбором информации из разных источников». Шахматисты рассматривают интуицию как часть умозрительного восприятия соревновательной практики и акцентируют внимание на вовлечение чувственных приемов раскрепощения интеллектуальных ресурсов, отмечая, что во время игры «держатся за голову», «потирают нос», «трясут ногой» (ответы спортсменов 18–25 лет). При этом интуиция выступает скрытым рычагом управления решениями, поскольку, как заметил один из гроссмейстеров, «у большинства шахматистов это качество формируется само по себе, в ходе соревновательной практики».

Все эксперты солидарны с возможностью проверки интуитивных решений путем выявления: 1) непротиворечивого соответствия с наличным знанием «эмпирическим методом либо путем логического анализа», «обсуждения [умозаключений]» (научные работники); 2) подтверждения результатами «практики, мнения экспертов» (служащие); 3) сравнением принятых решений с «последующим анализом партий» при их разборе игроком, в т.ч. с использованием анализа компьютерных программ (шахматисты).

Весьма показателен выбор экспертами знаковых персоналий, представляющих различные сферы общественной деятельности, в качестве наиболее «ярких обладателей рациональных/интуитивных стратегий решения творческих задач, достижения поставленных целей».

Среди выдающихся «рационалистов» выбор научных работников склоняется преимущественно к ученым (Ж. Алферов, Г.Ф. Шершеневич, О.С. Иоффе) и политикам (В.В. Путин, Е.Т. Гайдар, Ч. Борджиа, Н. Макиавелли). Аналогичные предпочтения шахматистов связываются в основном с их выдающимися коллегами, чемпионами мира (М.М. Ботвинник, Р.Д. Фишер, А.Е. Карпов, В.Б. Крамник, В. Ананд, М. Карлсен).

Характерными представителями деятелей «интуитивного» типа научные работники считают также либо людей, облеченных властью (И.В. Сталин, Е.Т. Гайдар, римский папа Иоанн Павел II), либо своих коллег (А. Эйнштейн, Е. Велихов). Выбор шахматистов также в основном ориентирован на известных представителей их сферы деятельности, чемпионов мира (Х.Р. Капабланка, М.Н. Таль, Т.В. Петросян, Р.Д. Фишер, Г.К. Каспаров, М. Карлсен) и других выдающихся игроков (Л. Аронян).

Следует отметить незначительное число названных общественных деятелей, относимых условно к «рациональному» и «интуитивному» типам, которые ассоциировались у экспертов с представителями различных сфер искусства и спорта. Хотя некоторыми участниками опроса выделялись заметные, на их взгляд, представители рассудочного подхода (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И. Репин, К. Малевич, Д. Шостакович, Генри Форд, Энди Уорхолл, Гус Хиддинк) и интуитивного творческого амплуа (Н.В. Гоголь, И. Бродский, С.В. Рахманинов, Н. Луганский, Никас Сафронов, Джимми Пейдж, С. Дали, В. Ван Гог, К. Моне, П. Пикассо, Р. Федерер, Л. Месси), в целом, однако, среди экспертов доминировала либо «цеховая» солидарность выбора в пользу их выдающихся коллег, либо симпатии склонялись в пользу государственных деятелей и политиков.

Итоги проведенного исследования указывают на сложившиеся предпочтения экспертов, представляющих сферы управленческой, научной, шахматно-игровой деятельности, при выборе рационально-обоснованных и интуитивных решений, направленных на достижение преследуемых целей. При доминировании рассудочных подходов разрешения проблемных ситуаций у большинства специалистов внутренние побудительные основания иницилируемых действий, не имеющих четкого алгоритма их представления и приведения к искомому положению, ори-

ентированы преимущественно на интуитивное видение урегулируемых ситуаций. Более всего интуиции следуют специалисты, не связанные жесткой регламентацией организации творческой работы – ученые и игроки. Административные работники, подчиняющиеся установленным предписаниям деятельности, имеют значительно меньший маневр в выборе стратегии поведения и решений, основанных на чувственно-интеллектуальном восприятии и урегулировании проблемных ситуаций. Вероятно поэтому служащие, как и другие эксперты, соотносят интуицию в целом со свободой созидания творческих актов в искусстве и политике, не ограниченных формальными рамками реализации инициативных действий, преследующих их программные цели.

Примечательна взаимосвязь социального статуса и некоторых демографических характеристик экспертных групп в формировании их оценочных позиций. Максимальную открытость интуитивно познавательной деятельности демонстрируют участники всех групп экспертного опроса в возрасте 26–35 лет, чьи профессиональные знания подкрепляются гибкостью корректировки нормативных и инновационных представлений в апробации идей творческого воображения. С повышением возраста (старше 55 лет) у административных и научных работников заметно увеличивается значение консервативных установок рационального выбора продуктивных решений, вероятно, снижающих степень необоснованного риска при реализации альтернативных вариантов в пользу проверенных нормативных действий. И в то же время у шахматных игроков этого возраста отмечается склонность к интуитивным решениям, не только, вероятно, в силу накопленного опыта, но и в результате биологически обоснованного снижения потенциала интеллектуальных ресурсов (памяти, физической подготовки и соревновательного тонуса для нагрузок нервной системы и т. д.).

В проведенном исследовании показана возможность моделирования управления на основе сравнительного анализа решений в интеллектуально-организационной деятельности на основе формально выводимых и интуитивно находимых действий. С этой точки зрения ответы экспертов-шахматистов демонстрируют наиболее развернутые рефлексии оценок проблемно-оценочных ситуаций и способов их приведения к искомому положению.

ям. Двойственные аспекты шахматно-сореженивательной деятельности, связанные с регламентируемыми ограничениями (планированием ходов в соответствии с установленными правилами) и риском предполагаемых векторов игровой борьбы (в нечетком алгоритме многоальтернативных продолжений), создают возможности для дальнейшего анализа сложноорганизованных систем управления, сочетающих нормативные и субъективно интерпретируемые концепции и практики рациональных и интуитивных решений.

1. Мильнер, Б.З. Управление знаниями в современной экономике [Текст] / Б.З. Мильнер. Технопарк. 2008. №2. С. 6–15.

2. Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания [Текст] / К.Р. Поппер. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак». 2004. 638 с.

3. Рассел, Б. Проблемы философии [Текст] / Б. Рассел. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 2009. 260 с.

4. Социологический энциклопедический словарь. [Текст] / Г.В. Осипов (редактор-координатор). М.: ИНФРА-М–НОРМА. 1998. 488 с.

5. Тузовский А.Ф., Чириков С.В., Ямпольский В.З. Системы управления знаниями (методы и технологии) [Текст] / А.Ф. Тузовский, С.В. Чириков, В.З. Ямпольский. Томск: Изд-во НТЛ, 2005. 260 с.

6. Уайтхед, А.Н. Процесс и реальность [Текст] / А.Н. Уайтхед. М.: Прогресс. 1990. 717 с.

References

1. Mil'ner B.Z. (2008) Upravlenie znanijami v sovremennoj aekonomike. Moscow. Tehnopark. №2. p. 6–15. [in Rus].

2. Popper K.R. (2004) Predpolozhenija i oproverzhenija. Moscow, ООО «Izdatel'stvo AST», ЗАО НПП «Ермак», 638 p. [in Rus].

3. Rassel B. (2009) Problemy filosofii. Novosibirsk, Sib. univ. izd-stvo, 260 p. [in Rus].

4. Sociologicheskij aenciklopedicheskij slovar (1998). Moscow, «INFRA-M–NORMA». 488 p. [in Rus].

5. Tuzovskij A.F., Chirikov S.V., Jampol'skij V.Z. (2005) Sistemi upravlenja znanijami (metodi i tehnologii). Tomsk. Izd-stvo NTL, 260 p. [in Rus].

6. Uaithed A.N. (1990) Process i real'nost'. Moscow, Progress, 717 p. [in Rus].

UDC 007, 316.774, 316.776

INTUITIVE AND RATIONAL MECHANISMS OF MAKING MANAGERIAL DECISIONS IN ADMINISTRATION, SCIENTIFIC ACTIVITY, CHESS PLAYING (IN THE DISCOURSE OF EXPERT EVALUATING)

Kiselev Sergey Vasilyevich,
Rostov School of Fashion Industry,
Economics and Service
(State Budget Professional Educational
Institution of the Rostov Region "RSFIES"),
Teacher,
Cand.Sc. (Sociology),
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: naukargu@yandex.ru

Annotation

The article is focused on the analysis of choosing decisions based on rationally proved and intuitively found order of actions aimed at achieving desired aims. The study of rational-intuitive structures of forming managerial activity is based on analyzing the data of the expert polling representing different spheres of intellectual and organizational activity – management, scientific activity, and chess playing. The conclusions of the study show the leading role of rational approach in strictly restricted areas of activity (administration) and enlarging intuitively creative component in decision making in less determined conditions of realizing innovative approaches (science and chess playing).

Key concepts:

rationally proved decisions,
intuitively prepared actions,
game modeling.

УДК 33.338.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Блинов Андрей Олегович,

Филиал Российского государственного гуманитарного университета
в г. Домодедово,
профессор кафедры экономики
и управления,
доктор экономических наук, профессор,
г. Москва, Россия.
E-mail: aoblinov@mail.ru

Бухтиярова Татьяна Ивановна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Аннотация

Реализацию системы государственного стратегического управления развитием малого и среднего предпринимательства в России следует осуществлять в направлении совершенствования межотраслевого стратегического планирования, а также организационно-правовой, организационно-методологической, организационно-управленческой и институционально-коммуникативной основ реализации государственной политики развития и стимулирования эффективного функционирования экономического института – малого бизнеса системы в системе управления эффективностью социально-экономической развития России.

Ключевые понятия:

государственное стратегическое управление,
институциональная среда,
обратные связи.

Создание условий развития малого и среднего предпринимательства определяет в качестве необходимого формирование стратегий и долгосрочных программ деятельности в сфере развития малого и среднего предпринимательства, организационно-управленческих решений создания благоприятных и комфортных условий реализации предпринимательского потенциала. Данная эффективная форма регионального развития обеспечивает устойчивый синергетический эффект регионального бизнеса, способствует повышению уровня жизни населения.

Для современной экономики характерно постоянное развитие и усложнение, внешнее влияние социальных, политических, правовых, экологических и иных условий, что усиливает неопределенность и снижает устойчивость функционирования экономических систем.

В этих условиях требуется формирование и развитие новых механизмов эффективности и надежности деятельности систем управления, которые все в большей мере приобретают адаптивный и стратегический характер.

Именно поэтому целевая направленность Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года определяет «развитие сферы малого и среднего предпринимательства как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой стороны, – социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости¹.

Проведенная классификация государственных и муниципальных программ экономического развития в соответствии с содержательным критерием в рамках вертикали управления (социальные, защитные, коммуникационные, отраслевые и муниципальные программы) позволила доказать тезис о необходимости выделения уровня развития малого и среднего предпринимательства в качестве приоритетного с учетом российских особенностей организации системы управления [3, с. 74–79].

Характеризуя малый бизнес в качестве сферы экономики, необходимо определить, что в большинстве стран мира он составляет более одной трети ВВП, в нем занято более половины общего числа работающих и около 99% общего числа хозяйствующих

¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-П [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHvetyq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 07.07.2016).

субъектов (в России – 5,6 млн хозяйствующих субъектов, 18 млн граждан).

Можно выделить две группы причин, сдерживающих развитие малого предпринимательства в России: первая – причины общеэкономического характера, вторая – причины частного (преимущественно организационного) характера.

Система стратегического государственного управления развитием в условиях возрастающей роли регионов требует от региональных властей большей концентрации внимания на систематизации используемых стратегических целевых программ, оценке их воздействия на уровень социально-экономического развития, мониторинге и последующей корректировке целевых показателей (оборот малых и средних предприятий, производительность труда, доля обрабатывающих производств, доля занятого населения).

Содержание нового направления стратегического государственного управления малым и средним предпринимательством представляет собой деятельность уполномоченных органов системы управления, направленную на увеличение доли малых и средних предприятий в ВВП и значительное расширение инвестиционного потенциала сектора малого и среднего предпринимательства. Достоверность, законность и целесообразность достижения результатов, представленных в программных и стратегических документах социально-экономического развития позволяет обеспечить достижение целевых индикаторов массового и высокотехнологического секторов предпринимательства, развивает функциональное содержание системы управления развитием бизнеса. Приоритетным направлением государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства является формирование нового инструментария поддержки малых и средних предприятий.

Мировая практика развития рыночных отношений определила две тенденции: формирование регулируемого и формирование стихийного рынка. Отсутствие достаточно четкого и логического понимания этих двух тенденций, ориентация на отсутствие государственного экономического регулирования привели к тому, что в России рыночные отношения долгое время развивались по второму варианту [2, с. 96].

Формирование регулируемого рынка предусматривает: во-первых, наличие условий свободного инвестирования средств в различные сферы, когда государственное регулирование сводится к формированию

оптимальных пропорций. Во-вторых, регулируемый рынок требует совершенного механизма управленческого воздействия на покупательский спрос, т.е. решается проблема формирования повышенного дохода, а, следовательно, и более высокой покупательной способности у большинства населения. Данное можно рассматривать в качестве движущей силы производства [2, с. 96]. В России складывается ситуация, характерная именно для стихийного рынка, когда большинство населения располагает ограниченной покупательной способностью и наблюдается свертывание внутреннего потребительского рынка [2, с. 96].

Анализ развития предпринимательства в России позволил определить его специфические особенности, которые состоят в том, что сам процесс формирования предпринимательского сообщества имеет разнополюсный характер. Одну группу составляют предприниматели, организующие свое дело на общепринятой основе за счет займов, кредитов, взносов акционеров и т.д. Их деятельность осуществляется в рамках принятых законодательных норм. В другую группу входят предприниматели, стартовую деятельность которых составляет капитал, заработанный в «теневой» экономике [2, с. 96].

Среди причин организационного характера отметим главные. Первые сложности возникли и возникают еще на стадии создания предпринимательских структур в связи с разрешительным характером этой процедуры [4, с. 2–14].

Административные барьеры принято разделять на две группы: а) те, которые мешают выходу малого предпринимателя на тот или иной товарный рынок, а также ведению тех или иных хозяйственных операций (лицензирование, сертификация, аккредитация); б) те, которые возникают в связи с принятием (угрозой принятия) тех или иных мер контроля текущей хозяйственной деятельности [2, с. 96].

Серьезным фактором влияния на развитие предпринимательской деятельности, является наличие информационно-аналитического обеспечения для глубокого анализа деятельности предпринимательских структур. Практика свидетельствует, что отчетность предприятий малого бизнеса далека от полной достоверности. Хозяйствующие субъекты, имея неточную информацию о своей деятельности, фактически смягчают силу налогов и не раскрывают производственную (коммерческую) тайну, опасаясь потерь от утечки сведений

к конкурентам. Ограниченная и малоубедительная информация не дает полного представления о предприятии, что усложняет взаимный выбор нужных партнеров и установление между ними эффективных связей [2, с. 96]. Эти недостатки информационно-аналитического обеспечения должны быть нейтрализованы Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства на основе формирования системы информационного, маркетингового, финансового и юридического сопровождения проектов развития малого и среднего предпринимательства.

Неразвитость системы управления – это «ядро» проблемы, а проявляется последняя в: оторванности малого и среднего предпринимательства от стратегического развития государства; отсутствии системного подхода в управлении малым и средним предпринимательством; отсутствии оценки системы институционального взаимодействия государства и субъектов малого и среднего предпринимательства; отсутствии оценки структуры господдержки малого и среднего предпринимательства; отсутствии экономико-математического инструментария оценки и диагностики эффективности системы управления малым и средним предпринимательством; отсутствии организационно-экономического механизма реализации конкурентоспособности региона в условиях глобальной экономики (конкурентоспособное управление малым и средним предпринимательством).

В этой ситуации становится вполне очевидным, что одним из главных условий становления и эффективного функционирования предпринимательства можно считать взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций в целях оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства.

В современных условиях, в связи с ростом неопределенности внутренней и внешнеэкономической среды, в большинстве стран мира наблюдается возрастание уровня вмешательства государства в экономические процессы [5]. Процессы глобализации, конкуренция объективно повышают требования к эффективности и качеству государственного регулирования экономических процессов России. Разработка и внедрение стандартов оказания различных форм и видов поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях позволит совершенствовать

инфраструктурное обеспечение развития бизнеса.

Сущность государственного стратегического планирования развития малого бизнеса состоит в формировании долгосрочных приоритетных целей активного развития системы малого и среднего предпринимательства, выборе методов их достижения в рамках национального правового поля и институциональных ограничений национальной экономической системы. Одновременно Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года предусматривает регулярное аналитическое изучение управленческих функций действующих институтов развития, системы планов и прогнозов в рамках соответствующих общегосударственных предложений по оптимизации организационно-управленческих, регулирующих функций [5].

При этом императив сохранения единого экономического пространства является определяющим и выдвигает на первый план проблемы программно-целевого планирования и управления малым бизнесом в различных регионах [5].

Слабая разработка методов и подходов к прогнозированию целевых показателей, недостаточная проработанность нормативной базы эволюционного развития малого бизнеса приводят к слабой увязке целевых показателей с фактическими экономическими параметрами.

Формирование механизма программно-целевого развития малого и среднего предпринимательства должно использовать инструментарий проектного подхода к разработке и реализации стратегии развития, базирующейся на применении методик системного подхода в сценарных вариантах, предварительной оценке качественных и количественных индикаторов результативности программ и проектов, мониторинга реализации. Данная методология обеспечивает внедрение модели управления «по результатам» в систему управления, позволяет оперативно и с минимальными затратами вносить коррективы в процессы программно-целевого и проектного управления за счет активизации обратных связей.

Система показателей программно-целевого управления развития малого и среднего предпринимательства должна быть построена на двух принципах: иерархичности (сведение всего многообразия показателей в группы индикаторов) и взаимообусловленности (целевая направленность процессов развития, которые отражают соответствующие индикаторы,

используемые на различных уровнях программно-целевого планирования) [5].

Г.В. Федотова в работе «Развитие методологии программно-целевого планирования экономических процессов на основе институционализации обратных связей в управлении» выделяет индикаторы гармонизации, стабилизации, выравнивания, координации, устойчивости.

Приоритеты каждой из групп показателей определяют вектор приоритетности направлений развития малого и среднего предпринимательства в региональной экономической системе.

Расчет интегрального показателя (по формуле средневзвешенной величины) позволяет оценивать качество управления малого и среднего предпринимательства. Интегральный показатель отражает общую российскую и региональную тенденции развития экономики малого и среднего предпринимательства [5].

Данная методика группировки индикаторов и исследования корреляционных связей между ними создают предпосылки для обеспечения сбалансированности развития и рационализации распределения ресурсов [5].

Количественный инструмент прогнозирования количественных значений индикаторов развития малого и среднего предпринимательства определен в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года в части объемных показателей, рыночных ниш бизнеса, показателей технологического развития, финансового обеспечения, территориального развития, кадрового обеспечения по 2018, 2020, 2025, 2030 годам¹.

Совокупность одновременно реализуемых программ достаточно велика (государственные программы, приоритетные национальные проекты, федеральные целевые программы, подпрограммы, ведомственные целевые программы, федеральные адресные инвестиционные программы, региональные программы) может быть детализирована на основе изучения направлений муниципального развития малого и среднего предпринимательства, выявления общих элементов и приоритетных стратегических направлений государственной политики, что обеспечит единство социально-экономического поля на всем национальном пространстве.

Объективное повышение роли государства, органов власти в регулировании

экономики и управлении развитием экономических процессов требует использования инновационных подходов, ориентированных на реализацию системы целеполагания [5].

Основное содержание современной государственной поддержки малого предпринимательства сводится к обеспечению условий дальнейшего наращивания численности инфраструктурных организаций и количества оказываемых услуг субъектам малого бизнеса. При этом «ядро» этой политики составляет перенос основных обязанностей по поддержке малого предпринимательства с федерального на региональный и местный уровень, что позволяет реализовать правительственное решение об активизации поддержки [4].

Решение задач эволюционного развития требует от органов власти осуществления обоснованной, рациональной, эффективной управленческой деятельности долгосрочного характера, направленной на рост стоимости бизнеса, формирование проектов инновационного управления в современных условиях организации и управления бизнеса.

Обоснование принципов и институциональных условий формирования системы развития управления малого и среднего предпринимательства [6] предусматривает использование инструментов реализации стратегии в сфере развития малого и среднего предпринимательства на региональном и муниципальном уровнях:

а) обоснование концептуального подхода к сущности системы стратегического управления структурными изменениями в региональных образованиях на основе системы критериев по созданию благоприятных условий для деятельности малого и среднего бизнеса [1];

б) уточнение приоритетов реализации социально-ориентированного экономического потенциала малого и среднего предпринимательства, определение организационно-экономических особенностей его развития в условиях системного подхода в управлении малым и средним предпринимательством;

в) разработка инструментария согласования интересов региональной власти и бизнес-сообщества в формате системных проектов с использованием методов проектного управления и координирующей роли Министерства экономического развития РФ.

¹Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-Р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNAXHvEytq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 07.07.2016).

Государственное стратегическое управление развитием малого и среднего предпринимательства представляет собой процесс, включающий несколько этапов, реализация которых будет направлять экономическую систему к поступательному и устойчивому развитию в долгосрочном периоде, ориентированному на достижение приоритетных национальных целей в сфере экономики.

Стратегия развития малого и среднего предпринимательства по факту выполнения основных положений подлежит мониторингу Министерством экономического развития РФ, Федеральной корпорацией развития малого и среднего предпринимательства, Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов, федеральных органов исполнительной власти, общероссийских объединений малого и среднего предпринимательства.

Схема взаимосвязи государственного стратегического планирования с другими элементами управленческой деятельности органов власти достаточно подробно рассмотрена Г.В. Федотовой в виде прямых и обратных связей [5].

Процедурно государственное стратегическое управление представляет собой замкнутый цикл моделирования сценария развития на долгосрочную перспективу.

Согласно представленной в работе Г.В. Федотовой схеме (рис. 1) в системе управления осуществляются проверка достоверности и

правильности прогнозируемых показателей, анализ реализации мероприятий программ и разработка на этой основе соответствующих корректирующих рекомендаций [5].

Сформировать единую целостную институциональную сферу реализации государственного управления развитием малого и среднего предпринимательства позволяет модель институционализации обратных связей: выделение групп автономно функционирующих, самостоятельных субъектов государственного управления, подсистемы информационной инфраструктуры управления, а также специализированного института системного управления [5].

При реализации политики развития малого и среднего предпринимательства предусмотрено использование инструментов бюджетной, налоговой, кредитной, инвестиционной, инновационной, кадровой, структурно-территориальной политики.

В рамках реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства необходимо продолжить формирование региональных и территориальных инновационных систем, улучшить взаимодействие между ними по всем стадиям жизненного цикла.

Совершенствовать систему управления в условиях глобализации экономики, инструментов и механизмы государственного регулирования, методику оценки эффективности государственной поддержки развития процесса на основе экономико-математи-

Рисунок 1. Содержание стратегических функций управления программами социально-экономического развития [5]

ческого моделирования с использованием институционального подхода позволяет разработку ключевых методологических положений организационно – экономической модели управления развитием малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года представляет собой механизм координации действий органов власти, представителей предпринимательского сообщества, организаций инфраструктуры поддержки, что позволяет обеспечить создание благоприятных и комфортных условий реализации организационно-экономического потенциала предпринимательства.

1. Аксянова, А.В. Стратегическое управление структурными изменениями в региональной экономике в условиях пространственного неравновесия [Текст] / А.В. Аксянова: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Казань, 2011. 43 с.

2. Блинов, А.О. Малое предпринимательство в современной модели рыночного хозяйствования России [Текст] / А.О. Блинов // Проблемы прогнозирования. 2010. № 2. С. 96.

3. Бухтиярова Т.И. Организационно-экономический механизм реализации инновационных целей развития экономики [Текст] / Т.И. Бухтиярова, А.В. Дубынина // Социум и власть. 2014. № 5(49). С. 74–79.

4. Бухтиярова, Т.И. Элементы организационно-экономического механизма развития малого и среднего предпринимательства [Текст] / Т.И. Бухтиярова, А.В. Дубынина, Д.Г. Демьянов // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 35. С. 2–14.

5. Федотова, Г.В. Развитие методологии программно-целевого планирования экономических процессов на основе институционализации обратных связей в управлении [Текст] / Г.В. Федотова: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Курск, 2015. 35 с.

6. Чернова О.А. Сбалансированное развитие экономики региона: инновационно ориентированная стратегия управления [Текст] / О.А. Чернова: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Ростов-на-Дону, 2010. 62 с.

References

1. Aksjanova A.V. (2011) Strategicheskoe upravlenie strukturnymi izmenenijami v regional'noj jekonomike v uslovijah prostranstvennogo neravnovesija. Kazan', 43 p. [in Rus].

2. Blinov A.O. (2010) *Problemy prognozirovaniya*, no. 2, 96 p. [in Rus].

3. Buhtijarova T.I., Dubynina A.V. (2014) *Socium i vlast'*, no. 5(49), pp. 74–79 [in Rus].

4. Buhtijarova T.I., Dubynina A.V., Dem'janov D.G. (2014) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 35, pp. 2–14 [in Rus].

5. Fedotova, G.V. (2015) *Razvitie metodologii programmnno-celevogo planirovaniya jekonomicheskikh processov na osnove institucionalizacii obratnyh svjazej v upravlenii*. Kursk, 35 p. [in Rus].

6. Chernova O.A. (2010) *Sbalansirovannoe razvitie jekonomiki regiona: innovacionno orientirovannaja strategija upravlenija*. Rostov-on-Don, 62 p. [in Rus].

UDC 33.338.1

NATIONAL STRATEGIES OF MANAGING THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Blinov Andrey Olegovich,

Branch of the Russian State University for the Humanities in Domodedovo, Professor of the Department Chair of Economics and Management, Doctor of Economics, Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: aoblinov@mail.ru

Bukhtiyarova Tatyana Ivanovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Professor of the Department Chair of Economics, Finance and Accounting, Doctor of Economics, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Annotation

Realization of the system of state strategic management of the development of small and medium business in Russia should be conducted in the direction of improving inter-sectoral strategic planning as well as organizational legal, organizational methodological, organizational managerial and institutional communicative backgrounds for realizing state policy of developing and stimulating effective functioning of economic institution – small business in the system of managing effectiveness of social and economic development of Russia.

Key concepts: state strategic management, institutional environment, feedback links.

УДК 321.01

Р. КОЛЛИНЗ О КРАХЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается макросоциологическая теория автономной динамики государства Р. Коллинза, объясняющая причины распада СССР. Анализируется совпадение бюджетного кризиса, внутриэлитного конфликта и утраты легитимности власти. Сделаны выводы относительно применения концепции Р. Коллинза к современному российскому государству.

Ключевые понятия:

геополитика, империя, государственный распад, легитимность.

Четверть века прошла со времени распада Советского Союза – срок ничтожный по мерке исторической вечности, но достаточный для осмысления причин и факторов «крупнейшей геополитической катастрофы XX века». Тема в высшей степени актуальная, равно как и болезненная, коль скоро по сей день затрагивает судьбы, умы и чувства, подчас противоположные, миллионов людей. Гибель мировой сверхдержавы продолжилась крахом так называемой «системы мирового социализма», аналогичным, но гораздо более кровавым распадом Югославии. Геополитическая обстановка в короткое время предстала новыми коалициями и противодействиями, изменила траектории и содержание развития стран мирового сообщества. Нынешние проблемы внутренней и внешней политики России также неотделимы от ее недавнего прошлого, довлеющего над настоящим.

Популярные, публицистические по жанру и идеологические по характеру объяснения краха СССР укладываются в целый спектр вариантов. От конспирологических – происков ЦРУ, мировой закулисы, проникшей на верхние этажи власти КПСС и с помощью «пятой колонны» покончившей с завоеваниями трудящихся и до саморазрушения тоталитарной системы как неизбежного следствия логики ее внутреннего развития. В ходу концепции, связывающие события, предшествующие августу 1991 года с политической и идеологической борьбой националистов, демократов, либералов, консерваторов и т.п. за власть. В этом случае исчерпывающей объяснительной силой наделяются понятия «обман», «ложь», «предательство», «неспособность», «идеология» и тому подобные. Все они отсылают в конечном итоге к сознательным целям социальных и политических акторов, к субъективно-личностной поверхности процессов, имеющих социально-тектоническую природу. Так, ныне забытый Н. Верт считал, что к осени 1990 года в советском обществе «произошла подлинная революция умов, сделавшая невозможным возврат к прежнему состоянию» [2, с. 518]. Вывод, по меньшей мере, странный, в свете его дальнейшего утверждения о нерешенности к тому же времени трех ключевых проблем перестройки – политического плюрализма, рыночной экономики и федеративного договора, тесно связанных между собой. Вывод скороспелый и необоснованный в свете нерешенности перечисленных проблем по сей день и состояния массового сознания, демонстрирующего ностальгию по «прежнему состоянию».

Разумеется, история – всегда деятельность преследующего свои цели человека, но ее объяснение, игнорирующее глубинные

структуры общественно-природного бытия человечества, сложные механизмы детерминации общественного развития, скатывается в вульгарную публицистику.

Множественность и неоднозначность детерминаций исторических событий неизбежно влечет за собой и многообразие подходов к их объяснению – по самым разным логико-методологическим основаниям. Следующим шагом становится теоретический синтез, реконструирующий любую процесс как единство и взаимопереплетение внешних условий и внутренних противоречий, цепей причинения в рамках единой целостности. Возможной основой подобного синтеза может быть теория автономной динамики жизни государства, не сводимой к динамике основных сфер общества – экономической, социальной, культурной и т.д. Эта динамика проявляется в интенсивном (организационном) и экстенсивном (территориальном) росте государства, которое может переживать кризис, терять территорию, распадаться. Особое значение приобретает военная динамика, связанная с расходами на вооруженные силы, образующие вместе с административным аппаратом ядро государства. Кроме того, приоритетность внимания к государству оправдана тем, что именно государством «осуществляется поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему» [7, с. 142].

Распад СССР и системы мирового социализма означал крах одной из двух последних мировых империй современности. Такой вывод следует из ценности – нейтрального определения империи как естественноисторической формы организации социально-политического пространства, появление и гибель которой связаны с объективными всемирно-историческими, экономическими и политическими процессами. «Как правило, – считает Д.М. Фельдман, – для имперского типа политической организации характерны следующие признаки: обширная территориальная основа; сильная централизованная власть; стремящиеся к экспансии элиты; асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией; разнородные этнический, культурный и национальный составы; наличие общего политического проекта, стоящего как бы над интересами конкретных групп» [8, с. 5]. Это определение имеет идеально-типический характер, поэтому империи, существовавшие когда-либо в истории, могут отличаться от него своими отдельными признаками. Например, отмечается, что российское государство развивалось как *внутренняя империя*. По нашему мнению, по большинству перечисленных признаков и Советский Союз,

и современные США являются империями, коль скоро в сферу их влияния входят территории государств – спутников, выступающих под псевдонимом союзников. Если в «общий политический проект» входят формально независимые государства разного этнонационального и культурного состава, находящиеся в асимметричных отношениях подчинения, то появляются основания говорить о наличии империи. Впрочем, мы отдаем отчет в дискуссионности поставленного вопроса и необходимости его дальнейшего исследования.

В 1978 г. американский социолог и геополитик Рэндалл Коллинз (Randall Collins) предложил теорию, объясняющую изменения в территориальной власти государств. Применение этой концепции в начале 80-х годов прошлого века к анализу противостояния СССР и США дало результат, удививший самого автора, – она предсказывала будущий упадок, прошедшего пик своего могущества Советского Союза. Что поучительно вдвойне, Коллинз был еще сильнее удивлен внезапностью предсказанного события; сам он ожидал его в течение 30–50 лет.

(Нам же остается удивляться поразительному невниманию отечественных обществоведов к оригинальной разработке американского историка, социолога и геополитика, содержащей поучительные выводы).

Макросоциологическая концепция Коллинза базируется на ряде принципов геополитической динамики крупных и богатых ресурсами государств, склонных к территориальной экспансии военными средствами, причем стремление к имперскому или квази-имперскому могуществу становится для них *modus vivendi*, способом сохранения исторической субъектности («макросоциального лица»). Территориальная экспансия здесь не должна пониматься буквально, в более общем виде речь идет о пространстве политического влияния и контроля.

С завидной дотошностью Коллинз, претендующий на универсальность выдвинутых теоретических принципов, апробировал их на обширном историческом материале разных эпох и цивилизаций.

Среди них нас интересует, прежде всего, принцип, посвященный территориальной экспансии государства: «Чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [4, с. 241]. При этом отрицательные последствия территориальной экспансии проявляются быстрее, чем накопление ресурсов, питающих эту экспансию, – «империи, которые достигают точки чрезмерного расширения, имеют тенденцию терять контроль над военной организацией и политическим ру-

ководством в течение нескольких лет, что приводит к падению режима или раздроблению государства» [4, с. 242]. Этот принцип подтверждается историей как традиционных аграрных империй, так и логистическими ограничениями для современных морских империй и эффективности действия военно-воздушных сил.

Еще одна важная теоретическая предпосылка, не всегда учитываемая в модернизационных исследованиях, – в основе межгосударственного соперничества лежит престиж государства на международной арене, понимаемый как геополитическое господство, или, как минимум, геополитический паритет. В любом случае создается ситуация высокой межгосударственной геополитической напряженности – от интенсивной гонки вооружений и дипломатического противостояния до открытой вооруженной борьбы за гегемонию. Чем выше военные расходы (особенно при стремлении контролировать как можно более обширную территорию), тем напряженнее ситуация с ресурсами и выше возможность поражения, ведущего к утрате военного могущества и государственного распада.

Государство само по себе является экономической целостностью, формирующей самостоятельный классовый интерес государственного административного аппарата, нацеленного на максимизацию извлечения ресурсов с помощью налоговой и бюджетной политики. Их объективный соперник и противник – экономическая элита, чьи интересы состоят, в трактовке Коллинза, в уклонении от извлечения их собственных ресурсов. «Поскольку эти два класса социально и политически переплетены, в условиях государственного бюджетного кризиса конфликты разражаются внутри элиты. Эти конфликты вместе с финансовым аспектом самого кризиса, который парализует или отчуждает военные силы, достигают высшей точки в полномасштабном распаде вершины государства. Этот распад открывает дорогу революционным силам снизу» [4, с. 246]. Ситуация кризиса никогда не является результатом действия какого-либо одного фактора, тем более, когда речь идет о сложноорганизованных системах. Отдельные дисфункции могут компенсироваться другими подсистемами. Другое дело, когда кризис охватывает одновременно ведущие для воспроизводства государства подсистемы, приводя в действие механизмы обвального разрушения сложившегося порядка.

Другими словами, распад государства создается синергетическим взаимодействием бюджетного кризиса, внутриэлитного конфликта, парализующего административные

структуры, всю систему власти, и «народного восстания», то есть протестного поведения и нелояльности населения. Первостепенную роль во взаимодействии этих факторов играют возрастающие военные расходы или же военное поражение. (При этом не всегда распад государства сопровождается сменой правящей элиты, общественного и политического строя).

Каким образом «работает» концепция Коллинза при объяснении советского «коллапса»?

Он начинает с того, что уровень мобилизации Советского блока к 80-м годам прошлого века превышал в 3,5 раза уровень мобилизации его противников, что привело к непропорционально высоким тратам на военный бюджет – около 20% ВВП, в ущерб расходам на гражданские нужды. Именно поэтому М. Горбачев в начале своей реформаторской деятельности объявил о программе сокращения вооруженных сил, ядерной деэскалации, конверсии ВПК в гражданское производство. Обеспечение войск на территориях стран Варшавского Договора, охрана гигантской сухопутной границы (58 000 километров), военная помощь союзникам на Кубе, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и Африке, наконец, дорогостоящая «интернациональная помощь» Афганистану, – все это непосильным бременем ложилось на союзный бюджет.

Государственный бюджетный кризис вызвал внутриэлитный конфликт – между той частью властной элиты, которая заинтересована в фискальном здоровье государства, и той, чей материальный интерес обеспечивается за счет других социальных групп, слоев (классов). Началось наступление на прежде незыблемое положение ВПК и армии, кульминацией которого стала попытка военно-промышленного переворота августа 1991 года.

Оборотная сторона чрезмерного расширения империи – этническая (культурная и политическая) враждебность населения, особенно в регионах, геополитически уязвимых с точки зрения отделения. Внешний слой советской империи – страны Варшавского Договора до поры до времени удерживались подавлением народных восстаний (1953, 1956 и 1968 годы) и взаимным принудительным контролем внутри коалиции, но как только обнаружилась геополитическая слабость СССР, оппозиционные движения в считанное время смели прокоммунистические политические режимы. «Внутри самого Советского Союза, – очень точно замечает Коллинз, – движения, которые вели к формальному распаду, мобилизовывались еще легче, потому что союзные республики были

уже организованы как номинально суверенные этнические группы» [4, с. 256]. Действенность власти базируется на доверии к ней со стороны общества (лучший вариант) или на общем страхе применения карательных санкций. В любом случае способность обеспечивать лояльность зависит от этого страха, который достаточно быстро исчезает в условиях кризиса и осознания низкой вероятности наказания за неподчинение власти.

Есть у Коллинза ответ тем версиям, которые сконцентрированы на личной стороне произошедшего катаклизма, в которых перестройка и роспуск Варшавского Договора – это «предательство» М. Горбачева, а разрушение СССР – «предательство» Б. Ельцина. Биографическая сторона исторических событий всегда имеет большее или меньшее значение, но ее абсолютизация неизбежно придает мистический характер этим событиям. Но вопрос, традиционно для философии кардинальный, остается – в какой мере причиной поворотных моментов истории выступает отдельная личность? Коллинз утверждает: «Такие всемирно-исторические личности не появляются случайно, у них есть возможность приобрести всемирно-историческую значимость, только если они структурно находятся в такой позиции, где их действия имеют исключительно важные последствия. Такие позиции существуют только при наличии высокоцентрализованных структур власти и при условии, что властные коалиции к этому моменту раздроблены и постоянно сменяются» [4, с. 264–265]. Влияние и харизма политического деятеля, тем самым, определяется существующей социальной динамикой, опосредованно выражающейся в надеждах и требованиях, создаваемой этой динамикой. Дальше уже возникает вопрос, в какой мере ожидания опережающим темпом толкают лидера на дальнейшие действия, и в какой мере харизма ставится под угрозу или с убыстряющейся скоростью разрушается, тем самым делегитимируя всю систему власти. Отсюда вывод Коллинза: легитимность правителей изменяется вместе с внешним престижем могущества их государства; соответственно, революция трактуется как потеря такой легитимности и контроля над средствами принуждения, как распад государственных ресурсов [4, с. 235]. Так, перестройка, начатая Горбачевым, быстро превратила его в харизматическую фигуру, смещая легитимность политической власти лично на него. «Но, – замечает Коллинз, личная легитимность является обоюдоострым мечом, – особенно в ситуации непостоянства ресурсных основ. С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутриэлитном конфликте он был внезапно

делегитимизирован; в свою очередь, его личное падение делегитимизировало весь режим» [4, с. 258].

Крах советского общества часто выводится из зашедшей в тупик идеологизированной экономики и политики СССР как социалистического общества. Коллинз формулирует мысль о том, что «идеология – это ближайшее, но не основное звено причинной цепи; она начинает действовать, только когда внутриэлитный конфликт и государственный фискальный кризис уже достигли значительной степени» [4, с. 265]. (При этом он признается, что ему недостает систематической теории того, какая появится идеология в разных типах случаев государственного распада, допуская вариант идеологии, ведущей в прошлое). Его основной тезис – идеология следует за геополитикой, идеологии, подобно правителям, делегитимируются с падениями властного престижа режимов, являющихся их носителями. Поэтому «...геополитически обусловленное поражение Советского Союза (и продолжающееся падение властного престижа коммунистов – сторонников реформ Горбачева) вызвало откат к антикоммунистической и прокапиталистической идеологии» [4, с. 266]. Внезапно выросший идеологический престиж капитализма в массовом сознании был обусловлен утопическими представлениями о «земном рае» высоких стандартов жизни, вне связи с пониманием его противоречий и черт, порой несовместимых с привычными нормами и ценностями прежнего общественного строя.

Таким образом, предпосылки и детерминанты грядущего кризиса разнопорядковы по своей значимости и времени действия. Как известно, Ф. Бродель выделял три основных пласта, взаимодействующих между собой, исторического времени. Время природы (*la longue duree* – «время большой длительности»), длящееся столетия или даже тысячелетия – медленное, вяло текущее время. В его границах течет другой уровень времени, связанного с экономическими и социальными циклами общества, растягивающегося, по меньшей мере, на многие десятилетия. Наконец, на поверхности всемирно-исторического процесса Бродель обнаруживает время дискретное, скачкообразное, сжатое – время человеческой деятельности, время событий политической истории [1]. Именно на это, третий порядок времени обращает внимание Коллинз, – самый короткий. Это время общественного движения, длящееся несколько дней, в течение которых власть как бы «подвешена и балансирует». В течение этого короткого срока мобилизуются толпы на улицах и волны энтузиазма или страха образуют массивные социальные сети, не последнюю

из которых составляют военные, примыкающие то к одному, то к другому центру власти. Вокруг этого микрофокуса времени, когда действительно осуществляется переход государственной власти, – революционных «дней» народной славы – существует полумрак полунтенсивной мобилизации, длящейся несколько недель. На самом деле это время, когда обнаруживается неспособность власти прибегать к легитимному насилию как по отношению к странам – сателлитам, так и по отношению к собственному населению.

Выводы из краткого анализа ключевых положений концепции Коллинза достаточно просты. Перспективы плодотворной модернизации в России, не ломающей ее социокультурного кода, с неизбежностью связаны с сильным государством. При этом необходимо очень точно понимать современный смысл феномена «сильного государства», очищенного от его традиционной сакрализации, мессианско-идеологической функции, но сосредоточенного на прагматических управленческо-институциональных задачах. Архаическая версия модернизации, характерная для развивающихся стран, вместо бурного социального прогресса приводит к оттоку капитала, паразитическому потреблению природных ресурсов наряду с всплеском потребительского образа жизни в контексте резкой дифференциации роскоши и нищеты, отрицательно влияющих на уровень доверия к политической власти.

Настоятельная необходимость модернизации России следует хотя бы из геополитических реалий современности. Паритет (как минимум) или лидерство в отдельных направлениях международных отношений – условие сохранения территориальной целостности и безопасности российского государства. Без мощных, хорошо подготовленных вооруженных сил и развитого ВПК эта задача невыполнима, тем более, что мы обладаем по-прежнему гигантской территорией, громадными запасами топливно-энергетических и минеральных ресурсов, которые также надо защищать. Но эта государственная задача ни в коей мере не может служить оправданию имперских амбиций, «...о которые неоднократно разбивались российские модернизации и которые поглощали львиную долю российского экономического роста в прошлом» [6, с. 22].

Далее, легитимность власти и политических вождей всегда конкретно-исторична, она напрямую зависит от степени сплоченности властвующих элит и поддержки или просто лояльности населения. Соответственно, внутриэлитные конфликты и переход масс от нелояльности к протестным действиям ведут к делегитимации власти и последующей

делегитимации политических лидеров, в целом – всего институционального порядка. Таким образом, макросоциальные процессы и структурные условия трансформируются в логику событий кризиса и распада государства. Подобная угроза сохраняется и сегодня, поскольку никакие патриотические подъемы (после победных чемпионатов и Олимпиад, возвращения Крыма и т.п.) не решают никаких насущных социально-экономических проблем. Эту тенденцию хорошо подтверждают социологические опросы в регионах. В соответствии с полученными данными, не самым лучшим образом для большинства опрошенных выглядят ожидания от ближайшего, 2016 года жизни. Только 33,9% уверены в своём нормальном будущем на ближайший год, а 58,2% не уверены, ещё 7,9% затруднились ответить. Пять главных причин неуверенности в будущем жителям Челябинска в августе представлялись следующими: низкий уровень жизни (недостаток материальных средств) – 60,4%; высокая вероятность потерять работу – 40,3%; болезни (хронические заболевания) – 27,3%; отсутствие постоянного места работы – 18,7%; плохие жилищные условия (отсутствие собственного жилья) – 15,8 [3, с. 59]. Мы имеем дело с очевидным – они только консервируют антимодернизационные процессы в экономике, политике и идеологии.

Содержание этой угрозы раскрывает Б. Макаренко, перечисляя ее составляющие:

- остановившийся экономический рост грозит перейти в откровенную рецессию, испорченные отношения с Западом и рост непредсказуемости во внешней политике России влекут отток капитала, падение курса рубля и сокращение инвестиций, подорожание кредитов;

- дальнейшая централизация регионов лишает региональные власти инициативы и стимулов к поиску стратегий роста;

- конфронтация с Западом сопровождается ростом охранительных мер по отношению к инакомыслящим и политической оппозиции, а нарастающее разочарование населения уровнем жизни компенсируется пропагандой официального патриотизма [5, с. 87–88].

Результатирующим итогом этих и ряда других негативных процессов в экономике и политике становится рост бюджетного напряжения и остроты социальных проблем.

Конечно, при всех нерешенных (и плохо решаемых) проблемах модернизации российского общества и государства запас их прочности достаточно велик. «Крымский консенсус» не выдуман социологами и свидетельствует о высокой степени поддержки большинством населения внешней политики

государства. Вместе с тем мы (без Коллинза) знаем, что нет ничего вечного – массовые настроения подвержены эрозии под воздействием жизненных обстоятельств, они способны достаточно быстро изменить свои ориентиры, противоположные предыдущим. Но размышления Коллинза четко и ясно демонстрируют те угрозы, которые подстерегают государство, стремящееся оставаться одним из лидеров мирового сообщества за счет одностороннего наращивания военного могущества и имперской модели поведения.

1. Бродель, Ф. ВРЕМЯ МИРА. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. [Текст] / Ф. Бродель. Том 3. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

2. Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991 [Текст] / Н. Верт / пер. с фр. 2-е изд. М.: ИНФР-М, Издательство «Весь Мир», 2002. 544 с.

3. Зырянов, С.Г. Выборы на фоне кризиса: региональный сценарий // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 59–67.

4. Коллинз, Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса [Текст] / Р. Коллинз // Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.

5. Макаренко, Б. Посткрымский политический режим [Текст] / Б. Макаренко // Pro et Contra. 2014. ТОМ 18. № 3–4. С. 87–103.

6. Согрин, В.В. Уроки российской истории и современные реформы [Текст] / В.В. Согрин // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 3–23.

7. Турен, А. Возвращение человека действующего [Текст] / А. Турен. М.: Научный мир, 1998. 201 с.

8. Фельдман, Д.М. Россия после холодной войны [Текст] / Д.М. Фельдман // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3. С. 3–13.

References

1. Brodel' F. (1992) VREMJA MIRA. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm. XVJUXVIII vv., tom 3. Moscow, Progress, 679 p. [in Rus].

2. Vert N. (2002) Istorija Sovetskogo gosudarstva. 1900-1991. Per. s fr. Moscow, INFR-M, Izdatel'stvo «Ves' mir», 544 p. [in Rus].

3. Zyrjanov S.G. *Socium i vlast'*, 2015, no. 5 (55), pp. 59–67 [in Rus].

4. Kollinz R. (2000) Predskazanie v makrosociologii: sluchaj sovetskogo kollapsa // Vremja mira: Al'manah. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v HH veke / pod red. N.S. Rozova. Novosibirsk, pp. 234–278 [in Rus].

5. Makarenko B. (2014) *Pro et Contra*, tom 18, no. 3-4, pp. 87–103 [in Rus].

6. Sogrin V.V. (2002) *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 3–23 [in Rus].

7. Turen A. (1998) *Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego*. Moscow, Nauchnyj mir, 201 p. [in Rus].

8. Fel'dman D.M. (1998) *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija*, no. 3, pp. 3–13 [in Rus].

UDC 321.01

R. COLLINS ABOUT THE COLLAPSE OF THE SOVIET EMPIRE: EDUCATORY CONCLUSIONS

Ershov Yury Gennadyevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration – branch, Head of the Department Chair of Philosophy and Political Studies, Doctor of Philosophy, Professor, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation

The article considers macro-sociological theory of autonomous dynamics of a state by R. Collins explaining the causes of the USSR collapse.

The author analyzes the coincidence of the budget crisis, inter-elite conflict and loss of power legitimacy. The author makes conclusions as for applying R. Collins's conception to modern Russian state.

Key concepts:

geopolitics, empire, state collapse, legitimacy.

УДК 009

СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТНОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

Проблематика статьи заключается в определении специфических черт предмета гуманитарной науки. Показывается способность гуманитарной науки к теоретическим обобщениям и практическим изобретениям. Рассматривается отличие гуманитарной науки от гуманитарного познания.

Ключевые понятия:
гуманитарная наука,
гуманитарный подход,
предмет исследований,
субъект познания.

Есть науки естественные, не-
естественные и противоестес-
твенные...

(Кто-то из физиков)

1.

Еще не так давно наука считалась главным звеном в системе культуры, как естественная, так и гуманитарная. Ценность науки определяла и характер образования, оно тоже было научным. Сегодня многие отрасли науки в нашей стране, к сожалению, фактически развалены: разрушаются коммуникации, пропадает единство взгляда, дискредитируются и деградируют методологические знания. И это означает, что место науки в массовом сознании займут, и уже занимают, мифы, рядящиеся под нее, а то и обходящиеся без всякого камуфляжа; эзотерика, оккультизм, неоязыческие культы, квазинаука и т.д.

В особенно бедственное положение попали гуманитарные науки, которые работают, исходя из представлений: если есть предмет, он должен быть изучен, иначе его незнание может когда-нибудь стать проблемой. Если культура существует, а она существует, то должны быть и специфические науки о ней – гуманитарные.

Такие науки не имеют коммерческой отдачи, более того, они затратны, требуют пусть небольшого, но все-таки финансирования от государства. Их продукцией является качество самого населения, которое все в целом невозможно продать без государственной самоликвидации. Они – культуuroобразующие, следовательно, нароdoобразующие. А институтом, который обеспечивает в межцивилизационную эпоху пусть формальное, политическое, но единство страны, является именно государство, должно же оно быть заинтересовано в культурном самоопределении индивидов на его территории на основе его подлинной, а не мнимой истории, психологии, языка и т.д., и в наполнении формально-политического единства культурно-содержательным! Отсюда ученые-гуманитарии делают вывод, что в основе будущего национального единства должна быть гуманитарная наука, что должны быть поддержаны собственный язык, своя литература и искусство, своя философия, и с этим выводом невозможно спорить.

Должна быть историческая наука, потому что подтасовки истории искажают практику современности и превращают ее в очередное «псевдо». Должна быть политология, так как просчеты во внешней и

внутренней политике весьма болезненны, чреватые и войнами, и поражениями в них, санкциями и дестабилизацией и т.д. Должна быть психология. Ошибки и бессовестность в науке тем опаснее, чем ближе их предмет подходит непосредственно к человеку. Достаточно вспомнить сеансы Кашпировского и Чумака или «Белое братство» в последние советские годы и проследить их влияние на дальнейшие события. Должна быть филология: и лингвистика, и литературоведение, и не для того, чтобы, как в советские годы, обучать правильно писать стихи и романы, а для того, чтобы прививать интерес к чтению, литературный вкус и умение находить и формулировать смысл. Чтение и книга – инструменты развития абстрактного мышления, без которого невозможны теория и наука даже в физике. Уже сам факт, что в книге не воплощено ни капли смысла и выразительности, там только «черные крючки на белой бумаге», а умение видеть за крючками смысл, это и есть абстрактное от книги мышление, уже этот факт требует культивирования и ее, и связанных с ней наук.

Должны быть, но причем здесь английский язык, принудительно насаждаемый в российском университетском преподавании? Причем здесь приказная обязанность гуманитариев, занимающихся проблематикой России, публиковаться на английском языке в журналах Web of Science и Scopus, где их из-за языкового и финансового барьера не смогут прочитать русские читатели, а англоязычные не будут читать потому, что это не их проблематика? Ну разве что пресловутый «Госдеп» заинтересуется, для кого же все это должно писаться? Причем здесь насильственное уменьшение читаемых гуманитарных дисциплин, специальностей, наборов, пустые и путаные «компетенции», ликвидация или сокращение гуманитарных университетов, под предлогом их слияния с техническими, «укрупнение и разукрупнение» кафедр?

Именно гуманитарно-научное знание подменяется сегодня в массовом сознании суетливой политической идеологией и исследованиями Аркаима как колыбели русского народа», «разработкой «новой хронологии», «влиянием цивилизации с планеты Нибиру на древних шумеров», «инопланетным происхождением египетских пирамид», сочинениями типа «Тайной доктрины», «Розы мира», «Садов Мории» или «Суммы антропологии», конспирологическими «учениями» о тайном масонском правительстве, бильдербургском

клубе и т.д. Все подобного рода сочинения обладают рядом общих черт, отличающих именно квазинауку: у них нет поставленной проблематики, предметности, очень сомнительная методология, и поэтому они весьма конфликтны даже в отношении друг к другу.

Как в средние века наука пряталась в монастырях и немногочисленных университетах, так и сейчас она становится частным делом и начинает существовать в ожидании лучших времен либо до тех пор, пока будут люди, занимающиеся ею просто «из принципа».

Потому и проблема моей статьи почти безнадежна: *в чем же состоит предметность гуманитарной науки, и как ее отличить от идеологии и аркаимистики?*

2.

Любая наука уязвима, прежде всего, в своей предметной области: есть предмет – есть наука, нет предмета – и науки нет. Как хороший теннисист никогда не упускает из виду мячик, ученый никогда не упускает из поля зрения предмет исследования.

К науке можно подходить с разных сторон. Общество состоит из людей, а не люди из обществ, любая страна не может обойтись без своего населения, а вот население вполне способно покинуть страну и обойтись без нее. Если это учитывать, то онтологически наука, в первую очередь, это сообщество ученых и только потом их мотивация, научная культура и научная институция. Предметно существуют конкретные люди, а не наука вообще и не отрасли наук.

Отрасли наук могут выделяться лишь в абстракции, само понятие гуманитарного и естественнонаучного познания возможно только в философии и только для того, чтобы найти специфические черты научного труда, отличающие его от труда мастеров ногтевого сервиса и эффективных менеджеров, и вводить поправки в проблематику, предметность, методологию и результативность.

Значит, главный инструмент в любой науке, особенно в гуманитарной, – сам ученый. И, следовательно, управлять наукой, не управляя учеными, бесполезно, а управлять учеными, а не условиями их труда, значит, лишить их возможности заниматься наукой.

Различение гуманитарных и естественных наук является следствием окон-

чательно сложившегося к концу XIX века философского различия субъекта и объекта. А технические и социальные науки – только производные от уже окрепшего естествознания и нарождающейся гуманитаристики.

Субъект и объект тоже разделяются только в абстракции, да еще там, где объективная и бездуховная физическая «природа» противостоит познающему разуму. То есть, в последние полвека – мало где. Даже физика, на пределе теоретических обобщений отрываясь от непосредственного восприятия предмета и попадая в зависимость от теоретического метода, приобретает многие черты философии и гуманитарной науки.

В общественной жизни и в культуре вполне справедлива старая формула германской философии: нет субъекта без объекта, нет объекта без субъекта. И человек, и его культура онтологически в равной степени являются и субъектами, и объектами. Субъект и объект – всего лишь разные аспекты действительного бытия людей. Если смотреть на общественную жизнь под углом зрения объекта, получится естественнонаучный подход, а если под углом зрения субъекта, будет гуманитарный. Если рассматривать культуры «извне», со стороны их формы, получится формальный подход, а если «изнутри», со стороны содержания, будет содержательный. Поэтому науки о культуре тоже могут быть и объективными, и формальными, но в этом аспекте они уже не гуманитарные. Отсюда следует, что привычное у нас разделение гуманитарных и естественных наук, это миф, обусловленный тем, что науки о культуре могут изучаться объективно и формально, но могут субъективно и содержательно, и *правомернее говорить не о гуманитарных науках, а о гуманитарном подходе в науках о культуре.*

Если подходить к исследованию формально, то даже в гуманитарной науке появляется возможность частичного применения математики, по крайней мере, при определении проблемной ситуации, но пропорционально уменьшается теоретическая и практическая конструктивность. Если – содержательно, то появляется конструктивность, но исчезает математика, вместе с ее «точностью», так что в глазах физики, привыкшей к собственным критериям научности, гуманитарная наука выглядит явно как парадокс, что не мешает ей быть научной и делать, например, практические и эффективные изобретения.

3.

Со времен неокантианцев, которые первые начали различать гуманитарную науку как отдельную область познания, утверждается мысль о том, что они должны не обобщать и формулировать законы, а констатировать единичные и произвольно возникающие факты. И поэтому складывается впечатление, что, в отличие от естественнонаучного познания, в гуманитаристике не может быть общих теорий, а значит, не может быть законов, прогнозов, измерений в какой-нибудь общепринятой системе, вроде СГС или СИ и массово применимых изобретений. А тогда и впрямь, какая же она наука!

Однако дело в том, что любая наука, хотя и сообщество ученых, но объединенных общей культурой исследований и институцией, воспитывающей их и зависящей от образования. А значит, предмет любой науки должен соответствовать следующим признакам: теоретичность, эмпиричность, объективность и устойчивость.

а) *Теория* – концентрированное выражение накопленного знания о предметной области, полученное на основе распространенной и типовой методологии и пригодное для трансляции в научном сообществе и для интерпретации новых фактов. Если есть теория, то нет необходимости передавать знания о каждом изученном предмете персонально, можно передать сообществу этот концентрат, чтобы любой, кому нужно, мог развернуть его применительно к своему предмету и посмотреть совпадения и различия. Без теоретической формы, наука становится похожей на хакерскую DDoS-атаку, обрушивающую любые серверы мириадами обращений.

в) *Эмпирия*, или лучше «опыт», чтобы меньше зависеть от естественнонаучных коннотаций, – необходимое условие для доказательства факта существования предмета исследований и введения его в научный оборот, для доказательства полученного знания и для субъективного понимания этого знания в контексте своего опыта.

с) *Объективность* – в естественных науках начинается с реального бытия предметной эмпирии вне и независимо от исследователя и с желания исследователя увидеть предмет таким, каким он существует «в природе», вне субъективного взгляда. В гуманитарных науках она превращается в непредвзятость, всесторонность представлений, вовлеченность личного

опыта в общественную жизнь, рефлексия опыта, нейтральность исследователя по отношению к предмету и результату, независимость результата от личных желаний, вкусов и пристрастий. А особенно в гуманитаристике это следствие умения дистанцироваться от субъективности, сохраняя индивидуальность позиции.

d) *Устойчивость* – доступность предмета или опыта для каждого ученого соответствующего профиля, необходимое условие повторяемости исследования, его продолжения и проверки результатов. А для гуманитаристики устойчивость при индивидуальности позиций превращается в комплементарность позиций и допустимость правоты партнера.

Самый главный вопрос здесь вызывает эмпирия, опыт. В естественных науках она обусловлена природой предмета его данность в чувственном опыте, а значит, у них предмет априорно независим от взглядов, так как природа по определению противоположна субъективности.

При гуманитарном же подходе с самого начала, уже в опыте, содержится субъективность в виде знания, переживания, мировоззрения. И с точки зрения естественных наук, такая эмпирия неустойчива и заведомо ошибочна, т.к. зависит от взглядов и предпочтений. Отсюда и идеологическая уязвимость гуманитаристики, избавиться от которой можно только с помощью личной принципиальности. Но отсюда и ее высокая сравнительно с естественным креативность. Поэтому и вывод о фактической невозможности гуманитарных теорий, прогнозов и изобретений вполне правдоподобен, его готов сделать любой физик.

Следовательно, или гуманитарная наука и не наука вовсе (американцы нередко относят ее к «искусствам»), так как в ней невозможно построение теории, трансляция опыта, изобретения и прогнозы, или *надо решить проблему эмпирии и показать, что все-таки гуманитарная наука тоже может обобщать*, просто ее эмпирия отличается от естественнонаучной. И в ней тоже возможны и прогнозы, и изобретения.

4.

Эта проблема может быть решена анализом самой гуманитарной науки и различием в ней научности и гуманитарности, эта наука – синтез двух равноправных ипостасей.

Эмпирия в естественных науках видится так, будто она *содержит* информацию, извлекаемую из нее учеными. Я не буду чрезмерно удаляться от смысла и трактовать информацию чересчур широко, как некий фрагмент самой материальной природы. На мой взгляд, там – физические условия информации, а сама она, это – знание. На самом деле, если эмпирия внесубъектна, то нет источника передачи информации как таковой, а есть просто некая данность, которая может быть оценена как информация только субъективностью ученого. Его ум является «машиной», превращающей природную данность в информацию.

Но в науках о культуре эмпирия двойственна. С одной стороны, она *совокупность знаков и символов, выступающих только поводами для исследования.* Сами по себе они не содержат никакой гуманитарной информации и являются пустыми знаками, которые необходимо интерпретировать, чтобы эту информацию получить. А интерпретировать их приходится в своем личностном контексте.

С другой же, и с главной стороны, *это внутренний опыт ученого, состояние его субъективности, опирающееся на его научную культуру и позволяющее ему интерпретировать знаки и символы, понимать их, находя соответствия именно во внутреннем опыте.* Это те субъективные представления, которые позволяют реконструировать общую картину, с опорой на частные знаки.

То есть, здесь эмпирия, это полученная в ходе рефлексии интуитивная ясность, осмысленность, понятность, несомненность, самоочевидность, взгляды, представления и субъективные состояния ученого как индивида, относительно которых *предполагается их общезначимый характер, и общезначимость можно доказать посредством научных коммуникаций и языка.*

В силу субъективного характера предметная область гуманитарного подхода в сущности является областью не столько знаков, сколько значений. Именно значения должны быть раскрыты. И проблематика ставится в следующей плоскости: в чем заключается ценность, смысл, и какое значение для ученого и его научной культуры имеет данная система знаков. А затем найденный смысл вводится в научный оборот и доказывается.

Эмпирия гуманитаристики в основе представляет собою доказанные индивидуальные интерпретации, она может быть общезначимой только для тех, кто ею интере-

суется и для кого она доказана, то есть, для конкретного культурного региона. В разных регионах значения и смыслы различаются из-за культурного различия типов субъективности. Отсюда следует, что гуманитаристика эмпирически имеет дело только со своей культурой как предметной областью и с ее предпосылками. *Она всегда обладает регионально-культурным характером, и во всей общечеловеческой культуре, во всей ее истории выделяет в качестве предметности такие процессы, какие обуславливают нынешнее состояние своего культурного региона.* И говорить она должна на своем языке, а не на «международном», иначе она теряет смысл, передающийся именно посредством языка.

Науки о культуре могут быть общечеловеческими только в той мере, в какой они формальны, но тогда, как уже сказано, в них пропадает смысловая содержательность и конструктивность. Возвращение же конструктивности, способность давать практичные и востребованные рекомендации требует гуманитаризации, а значит, смысла и регионализации.

По сути, гуманитаристика в науках о культуре является рефлексивным познанием, исходит из субъективного опыта, теоретически оформляет и доказывает его региональную общезначимость. А изучая чужую культуру, мы получаем знание не о ней самой, а об укоренившихся в нашей культуре представлениях о чужом регионе.

Следовательно, *теория здесь возможна, но это теория не единичного гуманитарного факта, а теория культурного региона, у которой факт – не более, чем эмпирическое проявление.* Так же обстоит дело и с естественными науками: каждое явление природы уникально и доступно, по взглядам неопозитивистов, только идеографической методологии, каждая теория имеет локальное значение и работает только для своей проблематики и предметности, и ее обобщения правомерны только для определенного круга фактов. Ну, невозможно иначе чем метафорически распространить генетику на квантовую механику, а геологию на энтомологию.

Значит, *в гуманитарном познании возможны и прогнозы, и изобретения, но они возможны относительно именно конкретного региона и после подключения к познанию субъективности конкретных живущих там ученых.* А в случае исследований чужого региона, возможен только поиск точек соприкосновения наших представлений о нем с его представлениями о нас и о самом себе, необходимый для диалога.

В момент технического изобретения, представляющего интерес для других людей, любой физик становится гуманитарием, именно потому, что не просто конструирует головоломку, а представляет себе вкусы, взгляды и потребности людей, иначе его изобретение будет иметь значение исключительно для него самого или войдет в коллекцию шнобелевских курьезов. Гуманитарии же гораздо практичнее, так как *они изобретают институциональные условия для изобретений, делающие их возможными или невозможными:* разделение властей, верховенство права, свободные выборы, права человека или наоборот: самодержавная вертикаль власти, централизованное планирование, реформа образования, верховенство справедливости над правом, государства и народа над личностью, политические технологии, техники манипуляции сознанием и т.д., всё это – гуманитарные изобретения, как научные, так и ненаучные, просто на них нельзя получить патент.

5.

Гуманитарный подход – синтез науки и человеческой субъективности в самом предмете. И эта двойственность должна учитываться в исследованиях исторических, филологических или психологических.

Если изучается культура, то это значит, что всегда изучается стоящая за ней субъективность. Однако субъективность бывает разная, и проблематика, отвечающая на вопрос, какой смысл в проводимом исследовании, должна ставиться с учетом субъективности и исследователя, и его предмета.

Так исследование культуры может быть предпринято с целью самопознания и самоопределения культурного региона. Например, если изучается американская культура XX–XXI вв., то она может изучаться *с точки зрения России*, а значит, и в аспекте ее влияния на нашу культуру.

Однако исследование может проводиться и для изучения чужой социокультурной субъективности и чужих смыслов *с противоположной задачей*, например, той же американской культуры, но с точки зрения американских бизнесменов, дальнотойщиков, аукционистов и конгрессменов, культуры США, какой она существует для себя самой.

Исследование может быть проведено и для прослеживания связи нашей и чужой

субъективностями, для поиска тех точек их совпадения, в которых чужая субъективность трансформируется в нашу современную мотивацию и побуждает разрабатывать ее местный региональный вариант, отличающийся от чужого, но обладающий такой же силой, стимулирующий бизнес, изобретательство, познание, художественное творчество и в целом креативность. Но при этом связь может быть исследована и в аспекте трансформации нашей субъективности и ее превращения в чужую мотивацию. И в обоих случаях может быть поставлен вопрос о допустимых границах трансформации, нарушение которых устраниет различия регионов и приводит их к единообразию, исключающему креативность.

Проще говоря, при определении предметности своих исследований гуманитарии приходится ясно представлять себе субъективность и отличать свою субъективность от субъективности предмета, дистанцироваться от нее. И это дистанцирование непременно включается в проблематику, отвечающую на вопрос о смысле самого исследования, для кого оно?

Конечно, в гуманитарном познании существуют свои приемы доказательства реальности предметов на уровне эмпирии. У историков – это, например, архивы, у филологов – многочисленные ссылки на ученые труды, доказывающие, что их предметность произвольна и может быть комплементарна с общим пространством филологической науки, документированные записи наблюдений за «клиентами» и бесед и т.д. Но гуманитарный субъективизм они не исключают. Так, историкам любой страны известны многочисленные фальсификации архивных материалов, а в некоторых странах любым гуманитариям знакомо политическое принуждение к одностороннему, а то и интерпретации подбору фактов. Да и сами факты не свободны от субъективизма очевидцев.

При всех таких обстоятельствах гуманитарная наука может существовать либо в институциональных условиях, гарантирующих свободу и непредвзятость исследования, либо благодаря личной принципиальности ученых, понимающих, что они – диагносты общественного здоровья, и поставленный ими диагноз влияет на выбор лечебных процедур.

UDC 009

SPECIFICITY OF THE SUBJECT-MATTER IN HUMANITARIAN COGNITION

Pavlov Aleksander Valentinovich,
Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

The topic of the article consists in defining specific features of the subject-matter of the humanities. The author shows the ability of the humanities to theoretical summaries and practical inventions. The difference between the humanities and humanitarian cognition is considered.

Key concepts:

the humanities,
humanitarian approach,
subject-matter,
subject of cognition.

УДК 124.5

МЕЖДУ ГОРНИМ И ДОЛЬНИМ МИРАМИ: ГДЕ ЖЕ ПОДЛИННОЕ МЕСТО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА?

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного
управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются функции
сакрального ядра в культуре, а также
противоречие между интенцией сознания
человека на высшие, до конца
недостижимые, ценности
запредельного характера
и необходимостью жить в мире
повседневности, далеко от духовных
идеалов.

Ключевые понятия:

интенция сознания,
сакральное ядро культуры,
профанное,
трансцендентные ценности.

Обращаясь в данной статье к проблематике, которая всегда находилась в эпицентре философской рефлексии, мы сделали акцент на функциональном аспекте сакрального ядра культуры для человека и общества. Было бы неверно считать, что сакральное представлено только в культуре традиционного общества. Оно продолжает существовать и в модернизированном социуме, будучи укоренённым в коллективном бессознательном. К тому же некоторые теоретики (например, Э. Дюркгейм) считают, что некоторыми признаками сакрального обладают и ценности, воспроизводимые общественной идеологией. Тем более, интерес к сакральным ценностям культуры возрастает в российском обществе, где наблюдается едва ли не Ренессанс православной культуры. Одни это рассматривают как условие нового расцвета российской духовности, другие бьют тревогу по поводу сползания нашего общества к традиционализму, способному законсервировать социум, стать препятствием на пути прогресса.

Культуру трудно однозначно определить. Многочисленные исследователи, делая акцент на разных гранях её сущности, определяли культуру то как способы (внебиологические программы) и результаты человеческой деятельности, то как информацию, передаваемую внебиологическим путём следующим поколениям людей, и сами способы её передачи. Интересную характеристику культуре даёт И.Г. Яковенко, по мнению которого «культура структурируется некоторыми принципами и механизмами смыслообразования и самих продуктов смыслогенеза. Принципы смыслообразования и результаты этого процесса (идеальные и овеществленные) составляют пространство культуры» [6, с. 11]. Согласившись с этим высказыванием, подчеркнём, что культура – это сложноорганизованная система кодов, которая предписывает человеку определенное поведение с присущими при этом психическим напряжением, переживаниями и мыслями.

Человек одновременно пребывает в астрономическом и культурном хронотопе, между которыми нет прямого соответствия. Пространство и время культуры – это формы координации человеческого бытия, которые организуют его и обусловлены:

а) масштабом, характером и интенсивностью предметной и духовной деятельности человека;

б) способами и средствами получения, обработки и воспроизводства внегенетически передаваемой информации (в данном случае мы концентрируем внимание на том, что культура может быть рассмотрена как совокупный социальный опыт);

в) содержанием и иерархией смыслов, ценностей и норм культуры [2].

Культурное ядро – это тот концепт, который позволяет понять механизм координации человеческого бытия – это те ценности, смыслы, принципы и нормы, которые обуславливают специфику человеческого отношения к миру и самому себе. Это уход от рационального утилитарного отношения к миру в сферу духовно-нравственного его освоения. Высокая значимость для социума культурного ядра привела к его сакрализации. По мнению Э. Дюркгейма, сакральное обладает важнейшим атрибутом – неприкосновенностью, отделенностью от мира повседневности, некритическим восприятием. Запретность, табуированность святого – это коллективное установление. Далее французский мыслитель делает вывод о том, что сакральное по своей сути социально: общественные группы придают своим высшим социальным и моральным побуждениям облик священных образов, символов, добываясь тем самым от индивида категорического подчинения коллективным требованиям. Бог, по Дюркгейму, не что иное, как персонифицированный социум. При этом сакральное трактуется шире религиозного, так как оно может иметь основание не только в религии, но и в идеологии. Однако онтологизация сакральных ценностей посредством религии получается куда как успешнее. Для глубоко верующего христианина жертвенная любовь Христа – абсолютный идеал, пусть и почти недостижимый в собственной практике, но непререкаемый. Толерантность же, как одна из базовых европейских ценностей, не может иметь столь же глубокие корни в психике человека «расколдованного мира» (термин М. Вебера). Поддерживаемые идеологически идеалы коммунизма притягивали к себе массовое сознание в нашей стране каких-то семьдесят лет, а православные ценности преодолели эпоху гонений и продолжили свою многовековую историю. В любом случае, без наделения высоким онтологическим статусом сакральное не может успешно

выполнять свои функции – ориентировать поведение человека на интересы социума.

В истории философии есть и другие, отличные от Э. Дюркгейма, взгляды на природу сакрального. Так, немецкий философ Р. Отто исходит из априорности категории «сакральное». Она формируется при приоритете иррациональных начал познания над рациональными. Этот мыслитель убежден в том, что человеку присуща особая настроенность духа, априорный источник святого. Отто ситает природу сакрального – «нуминозной». Нуминозное – это то, что вызывает в человеке чувство грешности, тварности, ужаса, благоговения, восхищения, любви: Трансценденция, Иное, Бог. Р. Отто обосновывает отказ от редукции категории святого (и религии в целом) к каким бы то ни было социальным, рациональным или этическим началам. По Отто, рационализация и этизация категории святого – плод позднейших приращений к сакральному ядру, а сакральная ценность – первоисток всех иных объективных ценностей.

В центре внимания М. Элиаде стоит иерофания – обнаружение священного в профанной, мирской, сфере. По М. Элиаде, неоднородность пространства культуры в восприятии людей, их убежденность в том, что они занимают священные земли объясняет ту решительность, с которой защищается это место от посягательства извне. Защищается не просто территория, а легендарные, овеванные славой святыни, которые обеспечивают стабильность культурного космоса.

Психологизация категории сакрального, укоренение ее оснований в иррациональных пластах духовной жизни – характерная черта феноменологии религии, которая исходит из того, что в акте религиозного опыта или в событии иерофании дает знать о себе некая трансцендентная реальность, которая выступает объективно сущей субстанцией святого.

В учении З.Фрейда и в психоаналитическом религиоведении (Г.Рохайм и др.) категория святого не имеет иных оснований, кроме психологических. Святое в своем происхождении и бытии есть для Фрейда «нечто такое, к чему нельзя притрагиваться», священные образы олицетворяют прежде всего запрет, изначально – запрет инцеста [4].

Отличные друг от друга культурные парадигмы принципиально по-разному

организуют человеческое бытие. Об этом мы интуитивно догадываемся, попадая в незнакомую культурную среду. Наше поведение в ней раскоординировано, так как мы не можем определить нужные ориентиры, которые естественны для носителей этой культуры. Культурное пространство и время, будучи способами опосредования персонального и коллективного бытия, индивидуального и общественного сознания, являются реальными факторами, формирующими жизнь общества и индивида посредством санкционирующего и мобилизующего (или, напротив, табуирующего) воздействия культурной среды на сознание людей. Посредством этих координат задается система ожиданий и программируется поведение масс.

Однако поведение людей обусловлено многими условиями – от необходимости удовлетворять элементарные физиологические потребности и обеспечивать собственную безопасность до ориентации на высшие идеалы и ценности. Кроме того, личность формируется не только под влиянием магистральной культуры, но и субкультуры, а также генетических особенностей индивида, географической и социальной среды, обуславливающих всё новые вызовы, на которые требуется дать ответ. В различных ситуациях требуется актуализировать разные программы поведения. Для вождения автомобиля, приготовления обеда или уборки квартиры экзистенциальное самоопределение личности не вполне уместно, чаще всего даже контрпродуктивно. Выходит, метапрограммы сакрального ядра культуры не должны запускаться постоянно. Мир повседневности требует рационально-практического, утилитарного действия. Именно тут удовлетворяются базовые потребности человека, обеспечивающие его физическое существование. Ограниченность ресурсов и материальных ценностей, притязание на них других членов социума, биологическая природа человека требуют от личности конкурентного типа отношений, навязывания своей воли окружающим, борьбы за высокий статус, подавления сопротивления этому окружающим. Но неограниченная никакими рамками борьба неминуемо приводит к хаотизации социальных отношений, разрушению общественного целого. Этому препятствует сакральное ядро культуры. Интенция человеческого сознания на вы-

сшие идеалы и ценности выводит человека за пределы собственного «Я», задает новое измерение его жизни. Если дольний мир повседневности предполагает рационально-утилитарное отношение человека к миру, то горный мир, в котором «обитают» высшие смыслы и ценности, требует к себе иррационального, эмоционально насыщенного отклика. Настраиваясь на него, человеческая психика должна переключиться с одного режима на другой. Порой этому переходу помогает физическое перемещение человека. Так, древние афиняне, посещая акрополь, поднимались к расположенным в верхней части города храмам и одновременно пытались перейти из хронотопа повседневности в некое сакральное пространство, т.е. они осуществляли одновременно и духовное восхождение.

Однако можно отыскать немало примеров, когда человеку не нужно было осуществлять географическое перемещение, чтобы изменилась форма координации его бытия. Так, согласно буддистским представлениям, легендарный Будда, медитируя 28 дней под деревом познания, коренным образом переориентировал свою жизнь. То же самое, по христианским канонам, произошло с каждым из апостолов после их встречи с Иисусом. Любая переоценка фундаментальных человеческих ценностей меняет характеристики соответствующего культурного пространства [2].

Мир горный и мир дольний предполагают друг друга и значительно усложняют бытие человека. Сакральное наделяется в общественном сознании высшим статусом, оно трансцендентно по отношению к дольному миру, тут сконцентрированы вся полнота блага, истины, гармонии, жертвенной любви, которые обретают форму идеала, образца, предельной нормы.

Согласно Новой философской энциклопедии «сакральное, священное, святое (лат. sacer) – мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически – заключает истинное знание, в сути

своей непостижимое; феноменологически сакральное – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное, императивное, глубоко чтимое» [4].

Обитая телесно в мире дольнем, конкретному человеку практически невозможно достичь состояния идеала и тем более недостижимым представляется выстраивание всей системы социальных отношений по этому образцу. Однако интенция сознания на сакральные ценности, не обеспечивая создания рая на земле, призвана не допустить появления ада, предотвратить хаотизацию социума, его деградацию и распад.

Природа сакрального ядра культуры надреальна, она вступает в конфликт с биологической сущностью человека и потому для подавляющего большинства членов социума идеалы сакрального окончательно недостижимы. Чтобы быть успешным в дольнем мире нужно проявлять другие качества. И это необходимо для воспроизводства социума. Монашеская жизнь ближе к духовному идеалу, но если бы все стали монахами, то человеческий род бы перестал существовать. С другой стороны, природные инстинкты, овладевая человеком окончательно, превращают его в разрушительную для общества силу. Есть потребность в ограничении власти этих инстинктов. Что не означает их полного уничтожения. Впрочем, сделать это было бы крайне сложно, так как они в природе самого человека и прорываются наружу через импульсы бессознательного, где доминируют, по Фрейдю, Эрос и Танатос, которые могли бы превратить человека в зверя при отсутствии культурных ограничений.

Как же можно соблюсти меру, ограничив действие природных инстинктов, но не настолько, чтобы сделать человека непригодным к бытию в мире повседневности? Выход – в уступке человеческой природе, в признании того, что достижение духовного идеала возможно только в эсхатологической перспективе. В земной же жизни важен сам факт борьбы со страстями. Что, например, проявляется в таинстве исповеди у христиан, в ходе которого снимается психологическое напряжение от переживания собственного несоответствия христианским идеалам жизни. После этого раскаявшийся грешник возвращается в дольний мир и вновь грешит, сохраняя надежду на то, что, даже не достигнув совершенства, но стремясь и

хоть в какой-то мере приближаясь к нему, он может надеяться на помощь Свыше, и за порогом земной жизни произойдет «обожение» его сущности. Без этой помощи Абсолюта пороки победить до конца невозможно. Но и без устремленности к идеалу такой помощи не будет. При этом само стремление к идеалу и осознание своего несовершенства важнее нынешнего состояния человека. Эта идея отражается в библейской истории об искренне раскаявшемся на кресте разбойнике, который тут же за это был удостоен пропуска в Царство Небесное – идеальный горний мир. Впрочем, эта мысль повторяется в священном тексте много раз – в притче о возвращении блудного сына, прощении блудницы и т.д.

Тем не менее, от осознания того, что в земной жизни достичь божественного совершенства невозможно, человек вынужден жить в онтологически несовершенном мире, испытывать психологическое напряжение от ощущения своей ущербности, ограниченности. Погруженный в мир сущего, он удаляется от идеала, по причине того, что дольний мир расставляет по-иному смысловые акценты. «Если должное дано человеку в культуре, то сущее в опыте. Сущее – это та самая реальность, в которой живёт человек» [6, с. 126]. Сущее в данном контексте есть многообразные проявления бытия, а бытие понимается как эмпирическая реальность.

Хотя ценности сакрального ядра культуры воспринимаются как более важные, по И.Г. Яковенко, «у сущего допускаются какие-то свои законы, действующие в актуальной реальности. Но они оцениваются как профанные, не заслуживающие серьёзного интереса. Ибо последние, во-первых, преходящи и сгинут в акте торжества должного, во-вторых, они противоречат должному. Это законы греховного, пронизанного человеческими слабостями мира» [6, с. 127].

Таким образом, отклонение от идеалов сакрального ядра в дольнем мире неизбежно, но оно вызывает психологическое напряжение. Если отклонение нарастает, то такое напряжение тоже увеличивается, возникает ощущение приближения эсхатологического финала, который нужно встретить хоть в какой-то степени более совершенным. Личность в большей степени при этом готова жертвовать благами дольного мира, на пороге прорыва в

мир горний. Так включается культурный механизм саморегуляции социума. Кроме того, через таинства, обряд, произведения искусства человек корректирует своё поведение в сторону идеала. В ходе религиозного обряда, ритуала, таинства и т.д. его участники проникают в священное пространство и время. Этот духовный переход, связанный с эмоциональным всплеском, мощным духовным переживанием – способ поддержания высокой степени иерархичности культурного пространства. Сакральное восстанавливает в сознании людей свой высший статус. Таким образом, в обществе обеспечивается приемлемый уровень нравственности, хотя и большинство его членов не достигают нравственного совершенства.

Отдельно стоит подчеркнуть роль искусства в поддержании высокого статуса сакральных ценностей. Переживание противоречия между ценностями горнего мира и нормами дольного мира держит в психологическом напряжении читателей произведений Ф. М. Достоевского, зрителей фильма «Остров» П. Лунгина и т.д. Финалом приобщения к таким произведениям должен стать катарсис, очищение человеческой души от скверны, конечно, не полное и не окончательное. Мир повседневности снова затягивает человека своими заботами и вызовами, удаляя от идеала. Но через какое-то время, по мнению К. Ясперса, он снова будет стремиться раскодировать «шифры трансценденции» (термин К. Ясперса), каковыми являются великие произведения искусства, и которые помогут ему при сильном психическом напряжении постичь интуитивным озарением свою экзистенцию, приблизившись к совершенству. Так снова и снова, соскальзывая вниз в рутину повседневности и удаляясь от горнего мира, человек потом вновь устремляется ввысь к недостижимому в земной жизни духовному идеалу, стряхивая с себя часть грязи, прилепившейся к его душе.

Представленная нами модель соотношения сакрального и профанного в культуре присуща далеко не всем культурным типам. Собственно об этом писал П. Сорокин, для которого история человеческого общества – это постоянное чередование трёх основных типов культуры – идеационального, идеалистического и чувственного. В основе идеационального типа культуры, по П. Сорокину, лежит убежде-

ние в доминировании «сверхчувственной реальности». Земная жизнь человека не имеет самостоятельной ценности и осмысливается лишь посредством соотнесения со сверхчувственной сферой бытия. Чувственный тип культуры базируется на убеждении, что «объективная реальность и ее смысл чувственны». Земное бытие обладает ценностью само по себе. Представления о сверхчувственной реальности теряют свою убедительность. Такой тип культуры, по убеждению мыслителя, господствовал в Европе с XVI по XX век, причем в XX веке, по мнению Сорокина, этот тип культуры переживает глубокий кризис. Кризис культуры выражается, в частности, в социальных потрясениях – войнах и революциях, создании диктаторских режимов и т.д. Истоки кризиса как раз в утрате идеала, в сползании к чрезмерному гедонизму и утилитаризму, нарастании эгоизма и т.д. Идеалистический тип культуры, по П. Сорокину, базируется на признании равной значимости сверхчувственного и чувственного аспектов реальности. Этот тип культуры является переходным.

Таким образом, сакральные ценности содержат в себе примеры и образцы идеального поведения в социуме и служат основой духовно-нравственного регулирования поведения человека, но для успеха в мире дольном требуются отличные и даже противоречащие идеальным установкам качества. Которые, в свою очередь, при их абсолютизации, могут привести к разрыву социальных связей, хаотизации социума. Интенция массового сознания на недостижимые, по своей сути, идеальные ценности, тем не менее, обеспечивает приемлемый уровень нравственности в обществе. При этом человек оказывается в постоянном психическом напряжении от ощущения своего несоответствия ценностям идеального мира и необходимости обеспечивать своё успешное существование в мире повседневности. Большинство членов такого социума то устремляются к сияющим, но неприступным вершинам горнего мира, то увязают в трясине мира дольного, который возвращает их к насущным проблемам. Кто-то успокаивается и оставляет бесплодные попытки воспарить к сакральным высотам и полностью сосредоточивается на обустройстве своего бытия в профанном мире, но многие вновь и вновь прилагают усилия для того, чтобы приблизится к идеалу, чтобы достичь его,

если не в земной жизни, так хоть в эсхатологической перспективе. Такова драма жизни человека, погруженного в культуру с развитым сакральным ядром.

1. Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности [Текст] / А.И. Липкин // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. Вып.2. (ИНИОН РАН, Институт Европы РАН, Центр междисциплинарных исследований) М., 2004. С. 310–340.

2. Лукин, А.Н. Хронотоп культуры [Текст] / А.Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 38–45.

3. Мангейм, К. Идеология и утопия: диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. М.: Юрист, 1994. 704 с.

4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 07.04.2016).

5. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 144 с.

6. Яковенко, И.Г. Познание России [Текст] / И.Г. Яковенко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 671 с.

References

1. Lipkin A.I. (2004) *Sintez tsivilizatsii i kultury. Mezhdunarodnyy almanakh, vyp.2* (INION RAN, Institut Yevropy RAN, Tsentr mezhtsivilizatsionnykh issledovaniy). Moscow, pp. 310–340 [in Rus].

2. Lukin A.N. (2009) *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv*, no. 4 (20), pp. 38–45 [in Rus].

3. Mangeym K. (1994) *Ideologiya i utopiya: Diagnost nazhego vremeni*. Moscow, Yurist, 704 p. [in Rus].

4. *Novaya Filosofskaya entsiklopediya* (2010): v 4 t. In-t filosofii RAN; Nats. obshchestv.-nauch. Fond. Moscow, Mysl, available at: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (accessed 07.04.2016) [in Rus].

5. Eliade M. (1994) *Svyashchennoye i mirskoye*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 144 p. [in Rus].

6. Yakovenko I.G. (2012) *Poznaniye Rossii*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 671 p. [in Rus].

UDC 124.5

BETWEEN HIGH (SPIRITUAL) AND LOW (MATERIAL) WORLDS: WHERE IS THE REAL PLACE FOR HUMAN EXISTENCE?

Lukin Anatoly Nikolaevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The article considers functions of sacral core in culture and also the contradiction between the intention of human consciousness to reach high unachievable values lying beyond the bounds and the necessity to live in the world of reality far from spiritual ideals.

Key concepts:

intention of consciousness, sacral core of culture, secular, transcendental values.

УДК 316.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕХНИКИ И ИДЕОЛОГИИ В КОНЦЕПЦИЯХ Ф.Г. ЮНГЕРА И Ю. ХАБЕРМАСА¹

Дёмин Илья Вячеславович,

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
доцент кафедры философии
и истории,
кандидат философских наук, доцент,
г. Самара, Россия.
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается проблема взаимосвязи феномена идеологии с современной техникой в философских концепциях Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса. Согласно Юнгеру, техническое (технократическое) сознание является аксиологически и идеологически нейтральным. Хабермас усматривает в техницизме новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и достигаема для критической рефлексии.

Ключевые понятия:

техника,
идеология,
технократическое сознание,
техницизм.

В статье рассматривается проблема социокультурных смыслов современной (машинной) техники. Господство техники приводит к трансформации базовых характеристик человеческого (социально-культурного) бытия, таких как пространство, время, преобразующая деятельность, отношение человека к самому себе и к другим и т.д. Современная техника является той средой, которая меняет смысл и содержание фундаментальных понятий социальной философии и философии культуры (культурных универсалий). Разработка данной проблемы предполагает прояснение связи и соотношения между техникой и другими социально-культурными феноменами: наукой, идеологией, моралью, правом, религией. Конкретная задача, на решение которой направлено исследование, заключается в выявлении взаимосвязи между феноменами техники и идеологии. Эта задача решается на материале социально-философских концепций Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса.

В процессе исследования применялся сравнительный (компаративный) метод исследования, использовался проблемно-тематический способ анализа и изложения материала.

В современной социальной философии реализуются различные стратегии и подходы к анализу феномена техники. Техника рассматривается в качестве: а) фактора социально-экономического развития; б) прикладного естествознания; в) специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [4, с. 235].

Последнее направление представляет наиболее перспективным, так как открывает возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит задача выявления философских, социокультурных, мировоззренческих, антропологических смыслов техники.

Фридрих Георг Юнгер разработал оригинальную трактовку техники, которую, наряду с концепциями Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета, можно отнести к *экзистенциальному* направлению в философии техники [2, с. 42–46].

Юнгер исходит из того, что традиционное инструменталистское определение техники является недостаточным и неполным. В работе «Совершенство техники» [7] под «техникой» понимается не просто со-

¹ Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

вокупность орудий, средств и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет потребности и реализует те или иные цели, но, прежде всего, *способ организации человеческой жизни*, присущая современному человеку форма существования. Традиционное инструменталистское определение техники перестает работать, как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а, во-вторых, предполагает определенный тип человеческого поведения и способ существования.

В отличие от инструменталистских концепций Энгельса или Ясперса, в которых техника рассматривалась как инструмент воли социального субъекта, в социально-философской концепции Юнгера техника «сама становится субъектом – совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой» [3, с. 83]. Понимание техники как *квази-субъекта* находит выражение в таких формулировках, как «техника ставит человека себе на службу» [7, с. 126], «техника ничего не творит, она организует спрос» [7, с. 37] и т.д.

Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». Человек (рабочий) в современную эпоху выступает в роли Техника. «Техник» есть субъект, онтологически *соразмерный* современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Техника, техническая организация ставит человека себе на службу. Каким образом это происходит? «Все протекает с неотвратимостью естественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: «техника включает человека»» [7, с. 126–127]. Слово «включение» имеет два основных смысла, оба они значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию, вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» – значит *задействовать, привести в действие* какой-то механизм, агрегат. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и, в то же время, находясь внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее функционирование.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы извне, из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [7, с. 168]. Логика технической рациональности требует вовлечения в техническую организацию все новых и новых областей неорганизованного (спонтанного), естественным образом существующего сущего.

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [7, с. 168]. Такая трактовка высвечивает *эксплуаторскую и паразитарную* природу техники. Эксплуатация есть отношение к природе, с необходимостью вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатации природы и самого человека [7, с. 140].

Наступление эры машинной техники и включение человека в техническую организацию существенно трансформирует все основные параметры и характеристики социального бытия. Одним из значимых индикаторов этой трансформации становится возникновение *феномена идеологии*.

К конститутивным элементам идеологии Юнгер относит: 1) насильственный характер, проявляющийся в том, что всякая идеология стремится втиснуть те или иные социальные феномены в рамки замкнутой дедуктивной системы; 2) идеология, в отличие от научной теории, непосредственно обращается к воле человека, неразрывно связана с целеполаганием: «Идеология всегда стремится к тому, чтобы проложить воле дорогу к цели» [7, с. 308].

Полемика между различными идеологиями по тем или иным социально-политическим и экономическим вопросам, согласно Юнгеру, никогда не затрагивает и не ставит под сомнение *оснований* идеологического типа сознания как такового. Фундаментальным основанием идеологии выступает современная машинная техника.

Спор между сторонниками социализма и капитализма представляется Юнгеру спором по частным вопросам, не затрагивающим сути дела. Дело не в том, что одна система общественных отношений (капитализм) порождает эксплуатацию человека, а другая (социализм) эксплуатацию исключает

ет. Основания эксплуатации – не в той или иной системе общественных отношений, но в самой современной машинной технике, в технической организации производства и жизни людей. Проблема не в том, что одни люди эксплуатируют других, а в том, что техника в равной степени эксплуатирует *всех* (и «эксплуататоров», и «эксплуатируемых»). Социализм как идеология борьбы против *экономической* эксплуатации не является подлинной альтернативой буржуазному либерализму. Социализм – это всего лишь идеология *неудавшихся эксплуататоров* [7, с. 428]. Социалисты, как и либералы-прогрессисты, не ставят под вопрос саму систему технической организации и эксплуатации природы и человека. Социальная эксплуатация – это всегда эпифеномен эксплуатации *технической*.

Юнгер рассматривает идеологию как специфический феномен массового общества. Идеология – это всегда *идеология масс*. Неправомерно поэтому говорить об идеологии применительно к традиционному типу общества. Народ как носитель традиционной культуры и традиционного (мифологического или религиозного) миропонимания, в отличие от массы, не знает никакой идеологии и не может выступать объектом идеологических манипуляций.

Наиболее примечательная черта массового общества – «искусственность существования, зависящего от пополнения извне» [7, с. 183]. Подобно тому, как техника черпает ресурсы для своего самовоспроизводства и расширения в *природе*, так же и массовое индустриальное общество живёт и воспроизводит себя за счёт доиндустриальных, традиционных социальных групп и отношений, которые рассматриваются в качестве *ресурса и материала* «социального развития».

Отношения между «идеологией» и «техникой» в концепции Юнгера носят по преимуществу *односторонний* характер. Техника в своём неуклонном совершенствовании ни в какой идеологии не нуждается; идеология же не может существовать вне контекста массового общества, порождённого техническим прогрессом и, в свою очередь, создающего благоприятную среду для ускорения технического развития.

Доминирующей тенденцией социальных изменений в эпоху машинной техники становится *рационализация*. Рационализация социальной жизни неотделима от процесса совершенствования техники: «Один из признаков техники – освобождение человека от всех связей, не имеющих рационального характера, и подчинение его рациональным отношениям» [7, с. 185].

С возрастанием рационализации техники и с утверждением нового типа социальной организации («массовое общество») возрастает и «духовная податливость» человека, его подверженность идеологическим влияниям. Однако власть идеологов и манипуляторов в массовом обществе – это всего лишь одно из проявлений *власти техники* над природой и человеком.

Техник (носитель технического, технократического сознания) не нуждается в той или иной содержательно конкретной идеологии [7, с. 185]. Процесс технического развития не предполагает идеологического сопровождения и обоснования. Техника совершенствуется независимо от идеологии, идеология же всегда идёт в фарватере технического развития. Союз техники и идеологии в большей степени «выгоден» идеологам, нежели «технократам».

Господство идеологии в эпоху современной техники связано с тем обстоятельством, что человек, включённый в систему технической организации, порывает с прежними, укоренёнными в традиции, формами миропонимания и стремится обрести в идеологии новую, *искусственно сконструированную* систему ценностей, представлений и ориентиров.

Техника, будучи сама по себе идеологически и аксиологически *нейтральной*, сужает «жизненное пространство», порождая своего рода мировоззренческий и экзистенциальный вакуум: «Усилия Техника увеличивают пустое пространство, причем увеличивают его в той же степени, в какой они сужают пространство жизненное» [7, с. 188]. Экзистенциальный вакуум, порождаемый техникой, занимает идеология. Техника, таким образом, создаёт экзистенциальные предпосылки идеологии и формирует среду, необходимую для утверждения идеологического типа сознания.

Обратимся теперь к трактовке идеологии и техники в философии Юргена Хабермаса.

Если в концепциях Юнгера и Хайдеггера техника мыслится как *судьба* современного человека и человечества, то в контексте социальной философии Франкфуртской школы (Маркузе, Хабермас) машинная техника понимается как *проект*, имеющий определённые социальные и мировоззренческие предпосылки: «Техника – это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами» [6, с. 52].

Сущность современной техники Хабермас, как и Юнгер, усматривает в господстве

над природой, в эксплуатации природы. Техника понимается в качестве системы господства над объектами и управления объективированными процессами. Общим для обеих концепций является также признание того, что доминирующее отношение к природе в эпоху современной техники коррелирует с господствующим типом коммуникации в обществе. Существующие в обществе формы политического господства следует рассматривать в качестве модификации исходной интенции новоевропейской культуры, заключающейся в покорении и подчинении природы посредством экспериментального естествознания.

Исходным и основополагающим в концепции Хабермаса выступает *различение* целерационального действия (труда) и действия *коммуникативного* (интеракции). Под «трудом» Хабермас понимает «инструментальное действие, или рациональный выбор, или их сочетание» [6, с. 66]. Термин «интеракция» у Хабермаса в большинстве случаев означает непосредственную межличностную коммуникацию, коммуникативное действие, которое по своей структуре принципиальным образом отличается от целерационального трудового действия.

Феномен политической идеологии связывается Хабермасом не столько с техникой, сколько со способом легитимации власти и политического господства.

В культуре традиционного общества легитимация социально-политического порядка осуществлялась в форме «космологических интерпретаций мира» (мифологии и религии). Этот способ легитимации Хабермас избегает называть «идеологией», подчёркивая, что в строгом смысле никаких *добуржуазных* политических идеологий быть не может [6, с. 79].

В новое время традиционная форма легитимации господства ставится под вопрос. Политическая идеология общества модерна (классический либерализм) «возникает из критики догматики традиционных интерпретаций мира и претендует на научный характер» [6, с. 79]. Классическая идеология является одновременно и критикой традиционной картины мира и формой «ложного сознания», скрывающего и камуфлирующего подлинные основания социальных явлений.

Анализируя общество позднего капитализма, Хабермас приходит к выводу, что марксистская трактовка идеологии как надстройки над экономическим базисом перестаёт работать. Главную причину радикальных трансформаций современного общества Хабермас усматривает во всё более тесном взаимодействии науки и тех-

ники, находящем выражение в процессах «онаучивания» техники и технизации науки [1, с. 12–13]. В позднекапиталистическом обществе наука в качестве производительной силы не только изменяет базис общества, но и начинает функционировать в качестве квази-идеологии, всё более замещает собой классическую политическую идеологию.

В отличие от классической идеологии, которая служила средством легитимации политического господства одного класса над другим, новая форма идеологии (наука и техника как «идеология») уже не имеет классово-природы. Для обозначения этой новой формы идеологии Хабермас использует термин «технократическое сознание» [6, с. 98]. Как и Юнгер, Хабермас подчёркивает *надклассовый* характер идеологии, формирующейся в эпоху господства машинной техники. Носителем технократического сознания выступает не тот или иной социальный слой, но в известном смысле *каждый человек* (в той степени, в которой он оказывается включённым в функционирование технических систем).

Технократическое сознание является, с одной стороны, менее идеологизированным, чем «классовое сознание» буржуазии и пролетариата, характерное для общества классического капитализма. С другой стороны, идеология, во власти которой находится технократическое сознание, оказывается более *всеобъемлющей и всепроникающей*, чем идеология старого типа. Это «прозрачная», фоновая идеология, идеология «заднего плана» [6, с. 99].

Для эпохи господства технократического сознания характерна *деполитизация* общественной жизни. Тенденция деполитизации связана с тем обстоятельством, что политические вопросы всё более редуцируются к вопросам *техническим*, так что начинает казаться, будто всякий вопрос, рождающийся в ходе социально-политического развития общества, может быть рассмотрен и решён как вопрос *технический*. Наука, выступающая в союзе с современной машинной техникой, оказывается важнейшим фактором деполитизации общественной жизни, фактором формирования новой *деполитизированной* социальности.

В обществе позднего капитализма политика приобретает всё более *функциональную* направленность. Она утрачивает свой содержательный смысл и превращается в «операциональную систему для решения организационно-технических вопросов и выполнения практических задач» [5, с. 64]. «Решение технических задач не предполагает публичного обсуждения» [6, с. 86],

отсюда – деполитизация как одна из базовых тенденций позднекапиталистического общества. «Новая идеология отличается от старых тем, что она отделяет критерии оправдания от организации совместной жизни, то есть от нормативного регулирования интеракции вообще. В этом смысле она их деполитизирует и вместо этого привязывает к функциям подчиненной системы целерационального действия» [6, с. 101].

Возвращаясь к базовой дихотомии труда и интеракции, необходимо отметить, что для общества позднего модерна характерно господство целерациональной (а не коммуникативной) модели действия, *доминирование труда над интеракцией*. Превращение научной техники и технизированной науки в новую форму идеологии, делающей ставку на расширение технического могущества человека, меняет характер соотношения между трудом и интеракцией, целерациональным и коммуникативным действием. Для эпохи господства технократического и сциентистского сознания характерно всё более полное забвение различия между трудом и интеракцией: «Не только из сознания наук о человеке, но и из сознания самих людей исчезает различие между целерациональным действием и интеракцией. Идеологическая сила технократического сознания проявляет себя в завуалировании этого различия» [6, с. 92]. В горизонте технократического сознания оказывается невозможно провести чёткую границу между *практическим* (политическим) и *техническим*, между действием и господством.

Новая идеология (технизм, сциентизм), характерная для технократического сознания, препятствует созданию (конституированию) «свободной от господства коммуникации» [6, с. 99] в гораздо большей степени, чем это делала старая буржуазная идеология. Тем самым она наносит ущерб «фундаментальным условиям человеческого существования, прежде всего языку, а именно связанным с речевыми коммуникациями формам социализации и индивидуализации, возможностям intersубъективного понимания» [5, с. 65].

В условиях позднекапиталистического общества и научно-технической цивилизации задача разоблачения политической идеологии как формы ложного сознания во многом утрачивает свою актуальность и отходит на второй план, на первый же план выходит задача гуманистической критики технократического и сциентистского сознания.

Хабермас пересматривает традиционное понятие *рациональности*, которое

в философских концепциях XX в. прочно связывалось с научным типом мышления. Он предлагает различать два смысла рационализации: применительно к *труду* и применительно к *интеракции*. Традиционное, идущее от М. Вебера, понимание рационализации как «расколдовывания» мира и технизации человеческой деятельности является неполным и недостаточным. Наряду с понятием *технической рациональности* Хабермас вводит понятие рациональности *коммуникативной*. Он предлагает различать рационализацию как *сциентификацию* и *технизацию* (что предполагает повышение возможности технического распоряжения в отношении *опредмеченных* процессов природы и общества) и рационализацию как «ликвидацию барьеров в коммуникации» и уменьшение «степени репрессивности» общественных норм.

Выход из тупиков технической цивилизации и технократического сознания Хабермас видит в дальнейшей эмансипации и индивидуации личности. Необходимой предпосылкой этого является расширение пространства интеракции и коммуникации.

Подведём итог. В концепции Юнгера критика технизма осуществляется в перспективе возвращения человека к более изначальному и аутентичному способу существования. В рамках социальной философии Хабермаса критика технократического и сциентистского сознания осуществляется с гуманистических позиций в перспективе расширения пространства «коммуникативной рациональности».

В обеих концепциях отмечается существенная связь феномена идеологии с современной техникой. Однако если в концепции Юнгера техника является только благоприятной *средой* для утверждения и господства идеологий, то у Хабермаса «сциентифицированная» техника и технизированная наука превращаются в *квази-идеологию* позднекапиталистического общества. Юнгер рассматривает техническое (технократическое) сознание как аксиологически и идеологически нейтральное, Хабермас же усматривает в этом типе сознания новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и достижима для критической рефлексии.

Юнгер отождествляет рациональность с научно-технической рациональностью, рассматривая процесс совершенствования техники как процесс её рационализации, Хабермас же различает техническую и коммуникативную рациональность, усматривая в последней условие возможности

конструктивного диалога и взаимопонимания между социальными субъектами.

Таким образом, в социально-философских концепциях Юнгера и Хабермаса акцентируется внимание на двух различных, но одинаково значимых аспектах современной техники. Юнгер обосновал тезис о том, что техника является идеологически нейтральным феноменом, она «равноудалена» от всех политических идеологий. Однако, как было показано Хабермасом, в деидеологизированном обществе позднего капитализма техницизм и сциентизм становятся новой формой идеологии (квази-идеологии), занимают место традиционных политических идеологий.

1. Алхасов, А.Я. От критической теории к теории коммуникативного действия: эволюция взглядов Юргена Хабермаса [Текст] / А.Я. Алхасов. Ульяновск, 2001. 150 с.

2. Демин, И.В. Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера [Текст] / И.В. Демин // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сб. науч. ст. Вологда, 2014. С. 42–46.

3. Михайловский, А.В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров [Текст] / А.В. Михайловский // Философские науки. 2013. № 7. С. 79–95.

4. Нестеров, А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода [Текст] / А.Ю. Нестеров // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2015. Т. 14. № 1. С. 235–246.

5. Фарман, И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса [Текст] / И.П. Фарман. М.: ИФ РАН, 1999. 244 с.

6. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» [Текст] / Ю. Хабермас. М.: Практика, 2007. 208 с.

7. Юнгер, Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность [Текст] / Ф.Г. Юнгер. СПб.: Владимир Даль, 2002. 560 с.

References

1. Alhasov A.Ja. (2001) *Ot kriticheskoj teorii k teorii kommunikativnogo dejstvija: jevoljucija vzgljadov Jurgena Habermasa*. Ul'janovsk, 150 p. [in Rus].

2. Demin I.V. (2014) *Chelovek v tehnosrede: konvergentnye tehnologii, global'nye seti, Internet veshhej*. Vologda, pp. 42–46 [in Rus].

3. Mihajlovskij A.V. (2013) *Filosofskie nauki*, no. 7, pp. 79–95 [in Rus].

4. Nesterov A.Ju. (2015) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta im. akademika S.P. Koroleva (nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta)*, vol. 14, no. 1, pp. 235–246 [in Rus].

5. Farman I.P. (1999) *Social'no-kul'turnye proekty Jurgena Habermasa*. Moscow, IF RAN, 244 p. [in Rus].

6. Habermas Ju. (2007) *Tehnika i nauka kak "ideologija"*. Moscow, Praxis, 208 p. [in Rus].

7. Junger F.G. (2002) *Sovershenstvo tehniki. Mashina i sobstvennost'*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 560 p. [in Rus].

UDC 316.2

INTERRELATIONS BETWEEN TECHNOLOGY AND IDEOLOGY IN CONCEPTIONS OF F.G. JUNGER AND J. HABERMAS

Demin Ilya Vyacheslavovich,

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Head of the Department Chair of Philosophy and History,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Samara, Russia.

E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Annotation

The article considers the problem of interrelations between the phenomenon of ideology and up-to-date technology in philosophic conceptions of F.G. Junger and J. Habermas. According to Junger, technical (technocratic) perception is axiologically and ideologically neutral. Habermas thinks technicism to be a new form of ideology which is the more dangerous the less it is noticeable and approachable for critical reflexion.

Key concepts:

technology, Ideology, technical perception, technicism.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Челябинский филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Аппарат полномочного представителя Президента России в Уральском
федеральном округе

Ассоциация «Уральский окружной ресурсный центр государственной
и муниципальной службы»

Челябинское областное отделение Российского общества социологов
Челябинское региональное отделение Российского общества политологов
Челябинское отделение Академии гуманитарных наук

28 октября 2016 г.

проводят научно-практическую конференцию с **международным участием**
**«Технологии прикладной политологии и социологии как инструмент
повышения эффективности государственного и муниципального управления»**

Место проведения: г. Челябинск, ул. Комарова, 26.

На конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Стратегический подход к государственному и муниципальному управлению: политический и социологический контекст.
2. Политическая экспертиза и GR-стратегии в современных условиях.
3. Управление региональными и муниципальными обществами на основе слабых сигналов населения.
4. Политическое проектирование при подготовке государственных решений.
5. Анализ рисков принимаемых политических решений.
6. Практика социологической экспертизы и прогнозирования при подготовке проектов решений органами региональной государственной власти.
7. Социологическое сопровождение управленческого процесса в органах власти.
8. Региональные экспертно-аналитические сообщества: драйвер или тормоз эффективного политического управления.
9. Итоги парламентских выборов как репрезентативный социологический опрос: повестка дня проблем и задач повышения эффективности деятельности для муниципальных и региональных органов власти.

Срок подачи заявок: **до 14 октября 2016 г.**

Форма заявки:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, должность	
Ученая степень и звание	
Название статьи /доклада	
Контактный телефон	
Электронный адрес	
Участие (очное / заочное)	
Необходимость в бронировании гостиницы: да (указать сроки) / нет	

По всем вопросам обращайтесь в оргкомитет конференции.
Требования к оформлению статей размещены на сайте Челябинского филиала РАНХиГС: <http://chel.ranepa.ru>. Раздел «Наука» → «Конференции, семинары».

Координаты оргкомитета и контактная информация

Тел.: (351) 771-42-30, e-mail: inyakina@chel.ranepa.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Аппарат полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе
Правительство Челябинской области ГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Челябинский филиал РАНХиГС Институт философии и права УрО РАН
Ассоциация «Уральский окружной ресурсный центр государственной и муниципальной службы»

25 ноября 2016 года

проводят научно-практическую конференцию **с международным участием**
«Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции»

Место проведения: г. Челябинск, ул. Цвиллинга, 27

Цели и тематика конференции

В настоящее время коррупция остается одной из сложных глобальных проблем, мешающих социально-экономическому развитию всех стран мира. Президент Российской Федерации поставил принципиальные задачи, связанные с созданием и развитием в России комплексной системы противодействия коррупции, совершенствованием правовых основ и организационных механизмов, обеспечивающих эффективное предотвращение и неизбежность выявления потенциального конфликта интересов в системе государственной службы и органах власти.

Конференция проводится в рамках **Национального плана противодействия коррупции на 2016–2017 годы**, рекомендованного Указом Президента Российской Федерации.

Общей целью конференции является системное и междисциплинарное рассмотрение актуальных вопросов разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции, а также возможность использования международного опыта в данной сфере.

Проблемы, которые будут обсуждаться на конференции:

1. Международный опыт противодействия коррупции: история, теория, практика.
2. Публично-правовые и частно-правовые механизмы противодействия коррупции в России: эффективные формы и методы выявления коррупционных практик.
3. Факторы, причины роста коррупции и слабой эффективности антикоррупционных мер в России.
4. Правовые и нравственные проблемы урегулирования конфликта интересов в деятельности органов публичной власти и иных организаций.
5. Политическая коррупция: виды, формы и сферы проявления.
6. Теневая экономика в России: уровень и угрозы, пути и способы минимизации.
7. Механизмы стимулирования антикоррупционного поведения и практик субъектов российского гражданского общества.

Срок подачи заявок: **до 17 октября 2016 г.**

Форма заявки:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, должность	
Ученая степень и звание	
Название статьи /доклада	
Контактный телефон	
Электронный адрес	
Участие (очное / заочное)	
Необходимость в бронировании гостиницы: да (указать сроки) / нет	

По всем вопросам обращайтесь в оргкомитет конференции.

Требования к оформлению статей размещены на сайте Челябинского филиала РАНХиГС: <http://chel.ranepa.ru>. Раздел «Наука» → «Конференции, семинары».

Координаты оргкомитета и контактная информация

Тел.: (351) 771-42-30, e-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);

г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх–шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.

Адрес в Интернете: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3–6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «Antiplagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308. Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.